

2020

Том 11. № 2

2020. Vol. 11. No. 2

DOI: 10.19181/vis.2020.33.2

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Социальные детерминанты
российского общества:
вчера и сегодня**

/Население России на рубеже веков

/Человек в новой реальности

**/Трансформация
семейной функции воспитания**

**/Стратегическое партнёрство
как политический феномен**

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2020

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2020. Том 11. № 2

DOI: 10.19181/vis.2020.33.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2020

© Vestnik instituta sotziologii, 2020

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов ФНИСЦ РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political processes of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Тема номера:	
Социальные детерминанты российского общества:	
вчера и сегодня	14
<i>Беляева Л. А.</i> Структурация российского общества в XIX – начале XX вв. (по материалам отечественных исследований)	14
<i>Аксенова О. В.</i> Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто	37
<i>Немировская А. В., Соболева Н. Э.</i> Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива	54
<i>Марин Е. Б.</i> Образы российских политических лидеров в представлении молодёжи: семантическая реконструкция	82
<i>Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.</i> Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи	106
Модернизация, стратегическое управление и социология.....	126
<i>Корнилович В. А.</i> Социальные детерминанты организации государственного стратегического управления	126
<i>Асеева И. А.</i> Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности? ...	141
Социология образования и воспитания: новые тенденции.....	157
<i>Проказина Н. В., Ланцев В. Л.</i> Роль общественно-профессиональных объединений педагогов в условиях модернизации системы учительского роста	157
<i>Сизова И. Л., Коренькова М. М.</i> Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития.....	174
Социология международных отношений.....	194
<i>Андреев А. Л.</i> Стратегическое партнёрство: к характеристике актуального политического феномена	194

Contents

About the Issu	8
Topic of the Issue: Social Determinants of Russian Society: Yesterday and Today	14
<i>Lyudmila A. Belyaeva.</i> The Structuration of Russian Society in the 19th and Early 20th Century (Based on the Works of Domestic Researchers).....	14
<i>Olga V. Aksenova.</i> Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function performer, Nobody?	37
<i>Anna V. Nemirovskaya, Natalya E. Soboleva.</i> Subjective Well-Being Determinants in Russia: A Regional Perspective	54
<i>Egor B. Marin.</i> Images of Russian Political Leaders as Viewed by Youth: A Semantic Reconstruction	82
<i>Sergey G. Ivchenkov, Elena V. Sayganova.</i> Values and Their Influence on the Perception of Patriotism Among Young People.....	106
Modernization, Strategic Management and Sociology	126
<i>Vladimir A. Kornilovich.</i> Social Determinants in Organizing Government Strategic Management	126
<i>Irina A. Aseeva.</i> Are the Russian People Prepared to Enter the New Techno-Anthropological Reality?	141
Sociology of Education: New Trends.....	157
<i>Natalia V. Prokazina, Viktor L. Lantsev.</i> The Role of Socio-Professional Teachers' Unions in a Situation when the Education System is Being Modernized	157
<i>Irina L. Sizova, Marianna M. Korenkova.</i> Modern Urban Families' New Consumer Practices in Childcare and Parenting.....	174
Sociology of International Relations	194
<i>Andrey L. Andreev.</i> Strategic Partnership: Characterizing an Important Political Phenomenon.....	194

О выпуске

Этот номер нашего журнала посвящён памяти Ирины Альбертовны Халий – доктора социологических наук, руководителя Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН, заместителя главного редактора Вестника ИС РАН, его бессменного выпускающего редактора и без преувеличения – его души.

Ирина Альбертовна страстно любила своё дело, в которое вкладывала смысл, выходящий за привычное понимание редакторского труда. Она была активистом, меняющим социальную реальность, и среди множества её идей всегда было пространство, в котором наши коллеги из регионов могли бы обсуждать местные и общие для страны и мира проблемы вместе и на равных со столичными и иностранными социологами. Таким пространством в итоге и стал наш Вестник.

Редколлегия Вестника приняла решение в память об И. Халий опубликовать в ближайших выпусках журнала несколько работ, посвящённых памяти Коллеги и Учителя. Открывает эту серию представленная в данном номере статья О. В. Аксеновой.

И. А. Халий как редактор считала, что из множества разных, а иногда и противоположных точек зрения авторов статей складывается достоверная картина российской жизни, её движущих сил и глубинных оснований. Это и определило [тему данного номера – «Социальные детерминанты российского общества: вчера и сегодня»](#), собравшую работы, в которых представлен анализ разных аспектов, разных уровней и разных составляющих социального устройства России и их изменений, в том числе исторических.

Выпуск открывает статья [Л. А. Беляевой \(Москва\) «Структуризация российского общества в XIX – начале XX вв. \(по материалам отечественных исследований\)»](#), демонстрирующая одновременно процессы формирования структуры российского общества, её трансформаций и их изучение современниками. Статья представляет собой первую часть работы, посвящённой анализу социальной структуризации за период с середины XIX в. по настоящее время. Хронология данной части охватывает временной отрезок до 1917 г. Процессы структуризации рассматриваются через призму исследований, проводившихся в эпоху радикальных перемен в структуре российского общества. Главным событием, определившим направление общественных изменений, стала отмена крепостного права в Российской империи 1861 г., что вызвало сдвиги в структуре населения: ускоренное формирование рабочего класса, социальные преобразования на селе и развитие внутрироссийской миграции. В статье показано, что структуризация населения

на рубеже веков в территориальном аспекте существенно зависела от переселенческих движений и внутренней миграции. Эти процессы имели в России научное сопровождение, к их изучению подключились не только учёные, но и практики, активное участие в экспедиционных исследованиях приняла российская интеллигенция. Усилиями образованного сословия были получены ценные сведения о структуре общества, состоянии общественных отношений в России, миграционных процессах, социальных характеристиках основных структурных элементов общества – крестьян и рабочих.

В статье [О. В. Аксеновой](#) (Москва) [«Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто»](#) рассматривается история создания концепции парадигмы социального действия, а также перспективы её применения для анализа современного развития России. В первой части представлены воспоминания о формировании концепции и о роли в этом процессе разработанных И. А. Халий принципов исследования, включающих изучение активизма, актуализированных ценностей и взгляд на социальные процессы с позиций локального сообщества. Показано, как был сделан вывод о ключевой роли действующего субъекта в традиционной для России модели управления и о возникновении идеи парадигмы социального действия как совокупности базовых свойств самого действия и его субъекта. Во второй части работы рассматриваются перспективы использования интерпретации социального действия как дихотомии свободного и алгоритмизированного действия для изучения процессов развития. Современный прогресс ориентирован на тотальную алгоритмизацию человеческой деятельности, поэтому результатом догоняющего российского развития может оказаться сведение социального действия к алгоритму, а его субъекта – к функции, т. е. формирование человека, не способного мыслить и действовать самостоятельно. Поставлен вопрос, можно ли в таком случае данный вид трансформаций считать развитием или прогрессом?

Статья [А. В. Немировской](#) (Санкт-Петербург) и [Н. Э. Соболевой](#) (Москва) [«Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива»](#) сфокусирована на восприятии собственного благополучия населением различных российских регионов. Целью исследования был анализ дифференциации в уровне субъективного благополучия населения различных российских регионов, который предполагает выявление факторов, объясняющих эти различия. Основным методом исследования стал регрессионный анализ данных социологических опросов, проведённых в 2012 г. по методике «Всемирного исследования ценностей» (WVS) в девяти регионах и городах федерального значения: Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Тамбове, Республике Татарстан, Республике Чувашия, в Алтайском крае, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Башкортостан. Анализ выявил взаимосвязь между уровнем личного дохода и субъективным благополучием. Связи

последнего с богатством региона не обнаружено. В целом исследование подтверждает концепцию Р. Инглхарта о значимой роли материальной составляющей в субъективном благополучии, однако, кроме уровня дохода, субъективное благополучие также объясняют другие факторы (возраст, семейный статус, состояние здоровья, уровень образования, религиозность, наличие работы). Их влияние различается по регионам.

В статье [Е. Б. Марина \(Владивосток\) «Образы российских политических лидеров в представлении молодёжи: семантическая реконструкция»](#) показаны результаты эмпирического исследования представлений учащейся молодёжи Приморского края о российских политиках. Выявлены содержательные и структурные характеристики каждого образа, определена категориальная структура семантического пространства представлений о политических лидерах. К общим категориям, выделенным на основе ассоциаций, относятся прежде всего «лидерские», «нравственные и человеческие качества», «интеллектуальные», «отрицательные личностные качества» и «политическая символика». Сравнительный анализ образов российских политиков показывает, что положительные личностные качества в представлении респондентов наиболее выражены у В. Путина и Р. Кадырова, оба являются носителями так называемых «лидерских качеств» и высоких морально-нравственных характеристик. Такие данные соответствуют запросу современного российского общества на компетентного, волевого и нравственно положительного лидера. Исследование позволило реконструировать структуру организации опыта субъективного восприятия политических лидеров и политического мышления молодых россиян.

Тема патриотизма современной молодёжи затронута в статье [С. Г. Ивченкова и Е. В. Сайгановой \(Саратов\) «Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи»](#). В ходе исследования, проведённого в Саратовской области методом массового опроса, были выявлены разнообразные модели патриотизма у молодых людей, а также трансформация этих моделей во времени. Показано, что многообразие ценностных доминант формирует семь моделей патриотических установок: абстрактный патриотизм, традиционный, локальный (включая семейный), либеральный, демократический, критический и глобалистский антипатриотизм. Темпорально все эти модели изменяются по разным, иногда противоположным векторам. Так, с возрастом значимость абстрактной и традиционной моделей патриотизма снижается, а локального и либерального – растёт (хотя доля семейного патриотизма, включённого в локальный, снижается). По мере взросления молодёжи значимость антипатриотической трактовки также снижается. На формирование патриотизма молодёжи больше всего влияет семья, затем (в порядке убывания значимости) общественные организации, структуры государственной власти, СМИ, система образования, религия. У всех социальных институтов российского общества обнаружен значительный нереализованный потенциал в деле формирования патриотизма молодёжи.

Рубрика «Модернизация, стратегическое управление и социология» представлена двумя дополняющими друг друга статьями. В работе В. А. Корниловича (Москва) «Социальные детерминанты организации государственного стратегического управления» анализируется стратегическое управление как высшая функция государства, которая реализуется органами власти посредством системы государственного стратегического планирования и конкретного типа управленческой деятельности – разработки и реализации стратегий, национальных проектов и программ. Автором выявлена проблема в организации государственного стратегического управления, на которую указывает продолжающийся рост территориальных диспропорций в социально-экономическом, социокультурном развитии городов и регионов России, отстранённость населения от стратегий, федеральных и региональных проектов. К числу факторов, ограничивающих способность органов власти к достижению планируемых результатов общественного развития, автор относит множество различных систем социального управления, сложившихся на региональном и муниципальном уровнях. Кроме того, в развитии локальных сообществ проявляется внутренняя детерминация, когда поведение выделяемой социальной целостности определяется не столько внешней причиной или управленческим воздействием, сколько характером внутренних связей, памятью о прошлых состояниях, правилами взаимодействия социальных субъектов и т. п. Решение проблемы организованности системы государственного стратегического управления и обеспечение управляемости процессов развития российского общества связано с раскрытием социальных факторов и явлений, определяющих допустимость новаций для локального сообщества.

И. А. Асеева (Курск) рассматривает проблему допустимости новаций с иной точки зрения. Её статья «Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности?» посвящена изучению социальной рефлексии влияния новых инфосоциальных технологий на повседневную жизнь человека и общества. В ней представлены результаты авторского социологического исследования «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности», проведённого в июне–ноябре 2019 г. среди жителей российского областного центра – г. Курска. В работе показано, как информационные и социальные технологии адаптируют современного человека к новой антропотехнореальности, формируя установку на изменение привычного образа жизни. В ходе исследования было выявлено значительное конвергирующее влияние информационных и социальных технологий на личность. Информационные технологии (интернет, в частности) являются самыми популярными источниками информации, в том числе и каналами, через которые осуществляются разнообразные манипулятивные воздействия на поведение личности, на готовность к конкретным и адресным действиям, на формирование нужного отношения группы или индивида к тому или иному явлению социальной действительности, навязывается определённый способ восприятия этого явления.

Рубрика «Социология образования и воспитания: новые тенденции» также содержит две статьи, в которых представлены тенденции, возникшие в результате модернизации сферы социализации в её основных областях: в школьном образовании (профессиональная деятельность учителей) и семейном воспитании. В статье Н. В. Проказиной и В. Л. Ланцева (Орёл) «Роль общественно-профессиональных объединений педагогов в условиях модернизации системы учительского роста» анализируется роль учительских ассоциаций в повышении профессиональных компетенций учителей. Целью исследования было установление взаимосвязи между активностью участия в деятельности подобных объединений и профессиональным становлением молодого учителя. Исследование проводилось на территории Орловской области. В качестве объекта исследования выступили члены региональной Ассоциации молодых учителей математики. В фокусе исследования находилось несколько аспектов учительской деятельности: профессиональные трудности молодых педагогов, система наставничества, ценностные ориентации личности учителя, профессиональное развитие. В статье показано, что активность участия в мероприятиях Ассоциации оказывает существенное влияние на ценностные ориентации личности в профессиональной сфере и позволяет молодым педагогам быстрее адаптироваться в профессиональном сообществе, способствует образованию устойчивых социальных связей с коллегами. В статье отмечается необходимость формирования системы наставничества в образовательных организациях, в том числе с использованием ресурсов общественно-профессиональных объединений педагогов.

Цель исследования, представленного в статье И. Л. Сизовой (Санкт-Петербург) и М. М. Кореньковой (Нижний Новгород) «Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития», заключается в выявлении характеристик потребления российскими матерями услуг по уходу за детьми и их развитию. Исследование проводилось в городском пространстве областного центра – Нижнего Новгорода. В статье рассматривается трансформация семейной функции воспитания, социализации и развития детей, а также формирование рынка платных семейных услуг, которые включают в себя услуги детских развивающих центров, платные дополнительные занятия в детском саду и школе, спортивные секции, танцы, рисование, иностранные языки; услуги по проведению детских праздников; услуги няней, психологов и тренеров по воспитанию детей. Авторы приходят к выводу, что современная городская семья стремится разделить ответственность за воспитание, уход и обучение своих детей с теми, кто выступает экспертами в этой области. Потребление услуг современными городскими семьями не отличается большим разнообразием, но зависит от стремления соответствовать современным требованиям воспитания и развития детей, высвобождения времени для собственных нужд и потребностей родителей, заботы о будущем ребёнка.

Номер завершает рубрика «Социология международных отношений», представленная статьёй А. Л. Андреева (Москва) «Стратегическое партнёрство: к характеристике актуального политического феномена». Стратегическое партнёрство рассматривается как особая форма геополитического и геоэкономического взаимодействия, которое в обозримой перспективе может стать базовым элементом архитектуры современного глобального мира. Автор настаивает на том, что каждое конкретное стратегическое партнёрство формируется и поддерживается на основе уникального сочетания способствующих этому факторов, вследствие чего изучение такого рода процессов требует использования адекватных индивидуализирующих (идеографических) методов. В качестве примера предлагается анализ одного из наиболее показательных образцов такого рода – генезис и развитие отношений стратегического партнёрства между Россией и Индией. Анализируется зарождение «особых отношений» между двумя странами, их конвертирование в двустороннее политическое сотрудничество после провозглашения независимости Индии, а также динамика этого сотрудничества. На основании российско-индийского опыта формулируются некоторые общие условия формирования стратегических партнёрств. В ходе анализа перспектив дальнейшего развития стратегического партнёрства Российской Федерации и Индии автор рассматривает геополитическое значение треугольника Москва – Дели – Пекин и заложенный в нём потенциал превращения Евразии в интегрированную инфраструктурными и природоохранными мегапроектами пространственную целостность.

*Главный редактор журнала,
Директор ФНИСЦ РАН
Академик РАН М. К. Горшков*

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Структурация российского общества в XIX – начале XX вв. (по материалам отечественных исследований)

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А. Структурация российского общества в XIX–начале XX вв. (по материалам отечественных исследований)// Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639*

For citation: Belyaeva L. A. The structuration of Russian society in the 19th and early 20th century (based on the works of domestic researchers). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Беляева Людмила Александровна

Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [614677](#)

Аннотация. Статья представляет собой первую часть работы, посвящённой анализу социальной структуризации российского общества за период с середины XIX в. по настоящее время. Хронология первой части охватывает период по 1917 г., вторая часть будет посвящена советскому и постсоветскому периодам. В статье применена методология Э. Гидденса, предложившего использовать термин «структуризация» для анализа социальных отношений в пространстве и времени. Методология предусматривает рассмотрение процессов структуризации через призму исследований, которые проводились в тот период, когда происходили радикальные перемены в структуре российского общества. Главным событием, определившим направление общественных изменений, стала отмена крепостного права в Российской империи, что вызвало сдвиги в структуре населения: ускоренное формирование рабочего класса, социальные преобразования на селе и развитие внутрироссийской миграции. В статье показано, что эти процессы имели в России научное сопровождение, в которое включились как официальные учреждения, проводившие переписи населения, изучение состава и условий труда на фабриках и заводах (это была функция фабрично-заводских инспекций), так и исследования учёных и практиков. В трудах Н. В. Калачова, Н. Н. Флеровского, Е. В. Погожева, М. И. Туган-Барановского и других были разработаны детальные социальные характеристики рабочих и их положения в структуре общества и на производстве. Изучением села (и самого большого класса общества – крестьянства) занимались земства. Развёрнутые монографические исследования были выполнены П. П. Семёновым, В. И. Покровским, В. И. Орловым, П. П. Червинским, Ф. А. Щербиной, другими учёными. В статье показано, что структуризация населения на рубеже веков в тер-

риториальном аспекте существенно зависела от переселенческих движений и внутренней миграции. Выдающиеся исследования этих процессов провели Д. А. Давидов, Е. Н. Анучин, И.А. Гурвич, И. Л. Ямзин и другие отечественные исследователи. К изучению подключились не только учёные, но и практики, активное участие в экспедиционных исследованиях приняла российская интеллигенция. Усилиями образованного сословия были получены ценные сведения о структуре общества, состоянии общественных отношений в России, миграционных процессах, социальных характеристиках основных структурных элементов общества – крестьян и рабочих.

Ключевые слова: структуризация, социальная структура, перепись населения, исследования рабочего класса и крестьянства, земские исследования, переселение, колонизация

При рассмотрении проблем, находящихся в центре внимания в данной статье, используются понятия теории структуризации. Термин структуризация – «структурирование социальных отношений в пространстве и времени» – был введён Э. Гидденсом для обозначения результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью актора (индивида, общности, института). В свою очередь, понятие «структура» используется в теории структуризации для «обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлечённых в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве» [Гидденс 2005: 29]. С точки зрения учёного, теория структуризации обладает эвристическим эффектом для целей эмпирического исследования, она может в качестве социальной теории стать основой для анализа связи между структурой и действием. Гидденс специально отмечает, что ключевым понятием теории структуризации является концепция дуальности структуры. «Структуральные свойства социальной системы выступают и как средство производства социальной жизни..., и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью... Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она всегда как ограничивает, так и создаёт возможности для действия» [Гидденс 2005: 70]. Социальные структуры задаются человеческими действиями и отношениями, устойчивость структур обуславливается их повторяемостью во времени и пространстве [Гидденс 1999: 33].

С точки зрения теории структуризации, при анализе общества и его элементов нельзя ограничиваться только структурой (составом) в определённый момент времени; необходимо изучить, какие общественные процессы вызывали структуризацию общества, какие правила действовали и какие ресурсы вовлечены в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства и изменения данной структуры. А для этого нужно располагать надёжными сведениями о том, какие регулярные социальные практики воспроизводились в тот или иной период времени

и оказали своё структурирующее влияние. Иными словами, необходимо иметь достаточный материал для анализа проблем структуризации и уже с этой целью проводить соответствующие исследования.

Для каждого периода развития российского общества можно выделить доминирующее событие, оказавшее своё влияние на изменение структуры общества, обусловившее его структуризацию. Проследить это влияние можно, используя материалы проводившихся в тот период исследований. В данной части статьи будет рассмотрено влияние отмены крепостного права в России на три процесса структуризации общества: возникновение массового рабочего класса, социальные изменения в деревне, массовые организованные миграции крестьянского населения.

Изучение структуры общества

Знание о составе общества, изучение социального состояния народа в России изначально преследовало цель собрать сведения для налогового обложения и выполнения населением воинских повинностей. Недостаточно точный и подробный учёт населения был характерен для писцовых и переписных книг, бывших в употреблении до начала XVIII века. Введение далее регулярных ревизий несколько улучшило ситуацию с учётом населения, а позже (с 1858 г.) стал применяться административно-полицейский учёт на основе посемейных списков. Всего было проведено три крупных административно-полицейских учёта населения – 1858, 1863, 1885 гг. Текущий учёт населения (рождение, браки, смерть) осуществляло духовенство вплоть до 1918 г. К концу XIX в. созрела необходимость и возможность (был уже накоплен опыт переписей в разных городах империи) и поставлена задача провести всероссийскую перепись по полной, специально разработанной программе, включавшей 14 вопросов по основным объективным характеристикам населения: имя (прозвище), семейное положение, отношение к главе хозяйства, пол, возраст, сословие или состояние, вероисповедание, место рождения, место приписки, место постоянного жительства, родной язык, грамотность, занятие, физические недостатки (глухота, слепота, глухонмота, душевная болезнь). Был включён и вопрос о воинской повинности. Несмотря на неточности и недостатки проведённой переписи, именно благодаря ей (единственной общероссийской и очень хорошо подготовленной специалистами-статистиками), стало многое известно о российском обществе. По данным переписи¹, в России проживало 125 680 682 чел., на 100 мужчин приходилось 101,05 женщин. Средний возраст составлял 25,16 лет. В домохозяйствах в среднем состояло из 5,8 чел., 8,6% домохозяйств пользовались наёмным трудом, при этом 22,3% городских домохозяйств имели прислугу, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге 42,4 и 35,4% хозяйств соответственно. На момент переписи в городах про-

¹ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года: I-II. [Т.] 1 СПб., 1905.

живало 13% всего населения. Число жителей в четырёх городах – Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Одессе составляло 3 391 018 чел., или 20,5% всего городского населения империи. 78,9% населения европейской части Российской империи было неграмотным, при этом неграмотных женщин было в 2,2 раза больше, чем мужчин. Самым крупным городом страны был Санкт-Петербург (1 264 920 жителей). По вероисповеданию население разделялось на следующие группы: православные и старообрядцы – 69,9%, мусульмане – 10,8%, католики – 8,9%, протестанты – 4,8%, иудеи – 4,0%, буддисты – 0,3%. В переписи была зафиксирована структура населения по занятиям: дворяне и чиновники составляли 1,47% по стране, в Москве – 6,59, в Санкт-Петербурге 9,68%. Лица духовного звания всех христианских исповеданий составляли 0,47%, крестьян было подавляющее большинство в населении – 77,1%, но, как пишут авторы сводного тома, с учётом казаков, инородцев и части мещан, которые по роду своей деятельности не отличались от крестьян; общая численность лиц, занятых сельскохозяйственным трудом, достигала 90% населения России, а в ряде губерний ещё больше, например, в Вятской – 97,2%. Интересно отметить, что в переписном листе, который заполнялся со слов императора Николая II, в разделе «занятие» было написано «Хозяин земли Русской». Материалы переписи были обработаны и полностью опубликованы к 1905 г. К этому времени было издано 89 томов (119 книг) итогов переписи по отдельным губерниям, а также «Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.». Работа по обработке материалов переписи и их изданию продолжалась и позже¹. Получить представление о методах разработки переписей, полноте использовавшихся показателей можно, ознакомившись, например, с данными о численности и составе рабочих в разрезе губерний по занятиям, распределении по полу, возрасту, грамотности и т. д., которые содержатся в специально изданных томах².

Наряду со статистическим изучением структуры населения, с середины XIX в. учёные и практики приступили к анализу положения отдельных классов, групп, слоёв, организаций, составлявших каркас общества, или, как можно сказать сейчас, его социального пространства. Эти исследования проводились в контексте общего развития экономических отношений в стране с акцентом на описание бытовых, социальных, культурных особенностей и потребностей этих общностей. На международных социологических конгрессах (Париж–1903 г., Лондон–1906 г.) с наиболее интересными докладами об историческом развитии классов

¹ Статистика Российской империи. Изд. Статист. Комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1887–1917. (отдельные выпуски посвящены специальным проблемам – «Университеты и средние учебные заведения», «Движение населения» – ежегодно, «Данные поземельной статистики», «Мирские доходы и расходы», «Сельские училища», «Еврейские питейные заведения», «Статистические данные о разводах и недействительных браках», «Еврейское землевладение и землепользование в Российской Империи» и проч.

² Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: Т. 1–2. [Санкт-Петербург]: паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906.

и сословий выступали русские учёные – М. Ковалевский, И. Лучницкий, Е. Де-Роберти). В отечественной науке было разработано несколько теорий классов: «распределительная» (В. Чернов, М. Туган-Барановский, П. Б. Струве), «организационная» (А. Богданов, А. В. Чаянов и др.). В первой теории классовообразующими признаками выступали виды и размеры дохода, во второй – роль в организации труда. Марксистская теория классов (В. И. Ульянов) выделяла в качестве главного признака классовой дифференциации собственность на средства производства. В полемике с названными концепциями складывалась и стратификационная теория (П. Сорокин, К. Тахтарёв) [Голосенко 1984: 163–168], которая рассматривала в качестве социально дифференцирующих не один, а несколько признаков, и видела социальные различия не только между классами, но и внутри них. Исследовательская работа многих учёных позволила выделить (в единой, на первый взгляд, трудящейся массе) характерные для отдельных групп и слоёв общие черты, позволила представить многомерную картину структуризации российского общества.

Изучение рабочего класса

С развитием капитализма в России уже в 60-е гг. XIX в. появляются работы о положении трудящихся классов, прежде всего – растущего рабочего класса. Предвестником этих исследований явилась мало известная современным читателям книга Н. В. Калачова «Артели древней и нынешней России» [Калачов 1864], в которой анализируется формирование и развитие в России такой формы объединения простых людей для совместной деятельности, как артель. Первые оформленные договором отношения в артели и со сторонними людьми относятся к 1654 г. Существовали артели ярыжные, каменщиков, плотничьи, рыболовов, бортников, чернорабочих, извозчиков, скоморохов, нищих и разбойников. В XVIII и XIX вв. были распространены артели биржевые, судорабочих и бурлаков, ломщиков соли, извозчиков; артели, выполняющие разные горнозаводские работы. Н. В. Калачов подробно рассматривает правовые отношения в артелях разного типа, анализирует экономические отношения внутри артели и с внешним миром, систему их внутренней организации, управления и взаимного контроля.

К этому же периоду относится яркая книга народника Василия Васильевича Берви, взявшего впоследствии псевдоним Н. Н. Флеровский, «Положение рабочего класса в России» [Флеровский 1958], впервые изданная в 1869 г. В ней содержатся материалы о положении не только рабочих, но и других групп трудящегося населения, обобщён огромный фактический материал, результаты изучения местных статистических данных и личных наблюдений об экономическом развитии и о положении трудящихся масс в различных губерниях. Н. Н. Флеровский утверждал, что современная ему Россия – страна пауперизма, что на огромных пространствах Сибири, Поволжья, центрально-чернозёмных

губерний живёт несчастное и бедствующее население. Описание жизни и труда работников золотых приисков в Сибири, крестьян и рыбаков на Севере и в Астраханской губернии, анализ обеспеченности крестьян землёй в разных регионах России, организация труда на Урале, отношения крестьян с крупными землевладельцами и зажиточным слоем деревни, уровень благосостояния и демографического развития крестьян в разных регионах России, занятость отхожим промыслом в Центральной России и Поволжье – это неполный перечень проблем, которые были изучены Н. Н. Флеровским. Он был сторонником самобытного пути развития России, считал, что «наше социально-экономическое развитие предрассудками высших классов искусственно втискивается в западноевропейские рамки». Будучи сторонником коммунистического «общества-организма», Н. Н. Флеровский считал тем не менее, что построение такого общества – длительный процесс, исключаящий насилие и требующий реформ правительства и самоперевоспитания его членов.

Хотя Флеровский был против насильственных действий, его труды содействовали подготовке идейной почвы для восприятия в России радикального учения – марксизма. Сам К. Маркс после знакомства с «Положением рабочего класса в России» писал, что из книги Н. Н. Флеровского неопровержимо вытекает неизбежность «страшной социальной революции» в России.

Одна из первых комплексных работ по положению промышленных рабочих выполнена в 1879–85 гг. Е. М. Дементьевым. Он участвовал в обследовании санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии, при этом самостоятельно обследовал по расширенной программе четыре уезда (Подольский, Серпуховской, Коломенский и Бронницкий), уделив основное внимание экономическим условиям жизни рабочих. В 1893 г. вышла его книга «Фабрика. Что она даёт населению и что она у него берёт» [Дементьев 1893]. Автор опровергает распространённое мнение, что фабричные рабочие суть не более как крестьяне, дополняющие свой скудный доход с земли посторонней работой на фабриках. Оказалось, что только 14% от числа взрослых рабочих уходило на полевые работы, существенное влияние на этот уход оказывала разная степень специализации трудовых функций рабочих. В исследовании анализируются связь фабричных рабочих с земледелием, влияние величины заработков и специализации труда на занятия рабочих крестьянским трудом. Дементьев показывает, что на обследованных фабриках многие рабочие числятся крестьянами, но связаны с деревней только податями, которые они вносят при обмене паспортов. Проведённый Дементьевым опрос рабочих показал, что почти 50% являются рабочими уже во втором и третьем поколениях.

Книга Дементьева оказала значительное влияние на творчество М. И. Туган-Барановского. Его книга «Русская фабрика в её прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке» [Туган-Барановский 1900] посвящена историко-экономическому анализу развития промышленности, формированию «фабрикантского» и рабо-

чего класса в России. Работа была опубликована в 1898 г. и, по мнению П. Б. Струве, это «действительно научная социологическая история русской промышленности, долженствующая лечь в основу всех последующих работ на ту же тему» [Туган-Барановский 1997: 3]. Поражает огромный охват исторического материала, обилие привлекаемых источников и их разнообразие – от архивных данных, юридических постановлений, данных статистики до анализа отношения общества и различных политических и литературных течений к развитию промышленности.

Свое исследование Туган-Барановский начинает с изучения промышленности в петровскую эпоху и последовательно анализирует все фазы развития промышленности в дореформенную эпоху (этому посвящена первая часть работы) и после отмены крепостной зависимости (вторая часть). Последовательно рассматриваются формы организации фабричной промышленности, изменение состава класса фабрикантов и фабричных рабочих (от находящихся в крепостной зависимости до формирования рабочего класса), проводится сравнение системы оплаты труда и организации производства в Европе и России и т. д.

Туган-Барановский делает очень существенный вывод, который помогает понять и некоторые современные проблемы социального развития российского общества. В частности, в одной из статей, вышедших после издания «Фабрики», он подчёркивает, что промышленное развитие в России отличается от стран Западной Европы, в частности тем, что в России отсутствовала цеховая организация производства. Между тем на Западе «цех был удивительно законченной, стройной и устойчивой хозяйственной организацией, как нельзя лучше приспособленной к той цели, которой он служил – гармоничному примирению интересов производителей и потребителей. На основе цеха выросла вся промышленная культура Запада. Благодаря цехам в пределах западноевропейского общества возникли и развились многочисленные группы зажиточных и предприимчивых мелких промышленников и торговцев, так называемая «мелкая буржуазия» [Туган-Барановский 1997: 549]. Этот слой стал самым мощным и культурным классом европейского общества, создателем и носителем политической культуры. Он придавал устойчивость, разумный динамизм и социальную стабильность капиталистическому обществу.

Исследование Туган-Барановского и сегодня актуально своим многогранным анализом классов в России в контексте развития экономики, помогает приблизиться к ответу на вопрос, почему капиталистическое развитие страны не стало успешным и было прервано социальной катастрофой, почему и в настоящем возникают кризисные явления в экономике.

Земские исследования

Отдельная и очень интересная страница дореволюционного изучения основной части населения империи – сельских жителей – проводилась в ходе земских исследований. Для их осуществления разрабаты-

вались специальные программы [Велецкий 1899–1900; Чупров 1909]. Эти исследования начались в середине XIX в., развившись к началу следующего века в обширную сеть исследований, ставших прообразом такой отрасли социологии, как социология села. Многочисленные специалисты и их помощники откликнулись на призыв Постановления отдела этнографии Географического общества (1845 г.): «Собирать сведения о простом русском человеке, о народном быте коренного русского населения во всех оттенках». Наряду со статистическими проводились монографические исследования с использованием возможностей разных научных дисциплин – статистики, социологии, экономики, истории, географии, медицины. Отмечу только некоторые работы этого периода, посвящённые исследованию процессов на селе. Особенно отличались исследования, выполненные представителями земств [Твердова-Свавицкая, Свавицкий 1926].

В конце XIX–начале XX вв. специалистами земств и сельской интеллигенцией был собран богатый эмпирический материал о состоянии поземельных отношений, социальном составе жителей деревни, движениях сельского населения, их трудовых практиках и социальных условиях жизни. Многие из этих материалов доступны и сейчас, они ждут своих исследователей, интересующихся проблемами развития сельской России на рубеже XIX и XX вв. Уже к концу 1894 г. за 15 лет активной статистической деятельности были собраны, разработаны и опубликованы земствами материалы крестьянских подворных переписей по 172 уездам, охватившим около 4 млн крестьянских дворов. Это составляло около четверти всего населения России. Программы исследований были значительно шире, достоверность получаемых сведений намного превосходила официальную правительственную статистику. Земства сосредоточивали своё главное внимание на изучении крестьянских хозяйств, доходности земель, кустарных промыслов, социальных условий жизни села, здравоохранения и народного образования, крестьянских бюджетов. Развёрнутые монографические исследования были выполнены П. П. Семёновым в Рязанской губернии, В. И. Покровским в Тверской, В. И. Орловым в Московской, П. П. Червинским в Черниговской губернии, монографические бюджетные исследования проводил Ф. А. Щербина в Воронежской губернии. Воронежская программа бюджетных исследований была положена в основу исследований почти всех остальных земств. К этим исследованиям примыкало и специальное изучение вопросов просвещения, а также санитарная статистика. Знание этих проблем помогало выстраивать местную социальную политику, направлять средства на решение социальных вопросов. Статистические сведения, получаемые земствами, довольно подробно представляли состояние народного образования, а также тех проблем, с которыми сталкиваются земские школы того или иного уезда или губернии в процессе обучения детей и в подготовке учителей. Открытие школ, их содержание и подготовка учителей были приоритетом для земств. По сути, земства создали первые сельские школы в России, в которых к 1913 г. обучалось

около 2 млн детей. За годы существования земств было открыто 28 тыс. школ и подготовлено 45 тыс. учителей. Своего совершенства достиг применяемый в земских исследованиях экспедиционный метод с привлечением местных квалифицированных кадров из числа интеллигенции.

Необходимость изучения состояния деревни в масштабах всей страны стала насущной потребностью после крестьянской реформы 1861 г. Особенно волновала судьба общины, её трансформация в новых общественных условиях. И в первую очередь изучался вопрос о перераспределении земли после реформы. Частные лица и общественные организации разрабатывали специальные программы, чтобы на местах изучить эти проблемы. Так, П. Ефименко разработал «Программу о собирании сведений об общинном землевладении» [Общинное землевладение 1878], включавшую 278 открытых и закрытых вопросов. Программа снабжалась подробной инструкцией, как проводить опрос. В части 1 содержались общие вопросы. Часть 2 «Переделы и пользование пахотной землей» предполагала сбор подробных сведений о том, как происходит земельный передел, на каких условиях, каковы приёмы жеребьёвок и т. д. Части 3–5 назывались «Передел и пользование угодьями», «Отношения общинников к общине и, наоборот, к земле и платежам», «Общинные земли: запасные, арендуемые и покупаемые, и приложение общинного труда к земле». В части 6 «Хорошие и дурные стороны общинного землевладения» предлагалось оценить общинное землевладение самим крестьянам. П. Ефименко считал, что цель исследования – сравнить общинное землепользование с участковым землевладением «на основании непреложных фактических данных, а не произвольных соображений».

Большим знатоком сельского хозяйства и положения на селе был князь А. Васильчиков, который опубликовал в 1881 г. весьма популярный у читающей публики труд «Сельский быт и сельское хозяйство в России» [Васильчиков 1881]. Он поднимал вопрос о том, что спустя 20 лет после реформы, когда крестьяне были наделены землёй и приняты меры против легкомысленных отказов от неё, сельский пролетариат достиг во многих местностях значительных размеров. Автор считал, что эти проблемы следует изучать и принимать меры помощи: облегчать поземельные сборы, содействовать приобретению земли крестьянами или их переселению.

Обсуждения многих проблем изучения деревни проходили с участием общественности – многие, даже специальные вопросы, обсуждались в общедоступных изданиях. Так, в «Русской мысли» за 1888 г. был опубликован обзор «Земская статистика» под авторством В. В., где показывалось, что существуют глубокие региональные отличия (по обеспеченности землёй, развитию промыслов и влиянию сельской общины) между центральными и чернозёмными губерниями, в которых остро ощущался земельный дефицит, и губерниями северными и южнорусскими. В обзоре говорилось, что в Великороссии учёт данных об обеспеченности землёй группируется таким образом, чтобы было возможно изучать общинное поселение с периодическим уравниванием землепользования. В южных

губерниях, где существовала частная собственность на землю и сложилось многообразие групп крестьян, запись велась об индивидуальных хозяйствах, и наряду с территориальными сведениями была введена посемейная группировка [Русская мысль 1888].

В обсуждении и изучении проблем положения и перспектив крестьянства в России активно участвовали многие политические деятели, писатели, учёные. Свой вклад в эмпирическое изучение деревни внёс и С. Н. Южаков – автор теории социального прогресса и сторонник этико-социологической школы. Нравственная позиция, очевидно, многое определила в том подходе к исследованию крестьянского хозяйства, которое он провёл в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии по поручению губернского земства, и вообще в его отношении к крестьянскому вопросу. Он считал, что в России нужно сохранить сельскую общину и артель, которые могли бы стать основой обобществления производства в сельском хозяйстве и кустарных промыслах. С. Н. Южаков был сторонником национализации земли и её распределения в равных долях между теми, кто желает её обрабатывать личным трудом. Обосновывая свою позицию, он провёл тщательное изучение распределения земли в России и вычислил «нормы народного землевладения», которые позволили бы полностью использовать труд всей семьи. В своём труде «Аграрный вопрос в России» Южаков писал: «Наконец надо дать каждому гражданину возможность неголодного существования и обеспечить деревне самостоятельную независимую жизнь... – без этого будет голодать и город. Без этого не будет финансов у казны. Без этого не будет ни покупателя, ни заказов у фабрикантов и заводчиков» [Южаков 1917: 4].

Монографические описания села

До революции 1917 г. довольно широко использовался монографический метод в изучении села. Эти исследования дали столь богатый материал, что можно утверждать – их не смогли превзойти более поздние работы, в том числе советского и современного периода. Наиболее известны следующие монографические исследования: В. С. Мартынова «Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Малышева Воронежского уезда», А. И. Шингарёва «Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда» [Мартынов 1903, Шингарев 1907]. Эти работы, особенно последняя, рассеяли многие иллюзии относительно позитивных изменений на селе в связи с проведением Столыпинской реформы.

А. И. Шингарёв был врачом Гнездиловской больницы, находившейся в 4-х км от исследуемых им пунктов. Он провёл два исследования – в 1901 и 1907 гг., которые показали крайне тяжёлое положение сельского населения в связи с малоземельем в чернозёмной зоне.

В предисловии ко второму своему исследованию А. И. Шингарёв пишет: «Мне хотелось тогда вновь воскресить в памяти общества картины деревенской нужды, хотелось вновь напомнить, как живётся этому великому страстотерпцу, этому серому безграмотному и безответному люду, сотни тысяч сынов которого гибли тогда в далёкой стране на чуждых, залитых кровью полях Манчжурии» [Шингарев 1907: 3].

Оба исследования были проведены по единой программе, в которую в 1907 г. были внесены некоторые изменения. Была использована подворная карта, разработанная Ф. А. Щербиной, в которой нашли отражение большинство санитарных, экономических и бытовых вопросов.

В главе об экономическом положении показано, что земельные наделы минимальные, «нищенские» (как пишет Шингарёв). Сопоставляя ряд экономических показателей, автор приходит к выводу, что количество земли на душу населения за 6 лет уменьшилось, увеличилось число дворов, не обрабатывающих землю, упала аренда земли, резко уменьшилось количество скота, сильно выросла недоимка, развились промыслы, особенно отхожий и питомнический. Сейчас сложно понять, что такое питомнический промысел. Можно предположить, что это выращивание саженцев на продажу. Но это не так. Питомнический промысел состоял в том, что семья брала из детского приюта младенцев для выкармливания и воспитания до 12 летнего возраста, получая за это от земства 20 руб. в год. В малоземельной зоне этот промысел получил большое развитие.

Особенно тщательно исследовал Шингарев проблемы медицинского обслуживания, заболеваемости и демографического движения населения, поскольку это составляло круг его постоянных профессиональных интересов.

В заключительной главе «Главные факторы санитарного неблагополучия местности. Влияние экономических условий: жилища, промыслов и пр.» осуществлена группировка семей по величине надела и показана зависимость прироста населения от уровня зажиточности: с повышением благосостояния увеличивается рождаемость и уменьшается смертность. Группы семей, где развиты местные промыслы, более благополучны и показывают более высокий прирост населения. Напротив, отхожие промыслы понижают рождаемость и прирост. В третьей группе, где развит питомнический промысел, велика смертность собственных детей до одного года.

Земская статистика просвещения и санитарная статистика

Земства проводили большую работу по развитию народного образования, ставя задачу достижения всеобщей грамотности населения. При этом большое внимание уделялось изучению состояния народного просвещения. Сначала эти работы велись в рамках общего статистического исследования, а позднее стали оформляться как специальная статистика

просвещения. Уровень грамотности изучался в группах по полу и занятости отхожими промыслами. По данным земских подворных переписей, проведённых в 1908–13 гг. в 12 губерниях (69 уездов), грамотность среди сельского населения составляла 24–25% [Рашин 1951].

Собираемая земствами статистика народного образования имела несколько направлений [Абрамов 1996]:

1. Сведения о школах: их количество, типы, наличие отделений;
2. Сведения об учащих: общее количество, распределение по полу и отделениям, движение учащихся (вновь принятых и выбывших в течение года, окончивших и оставленных в прежних отделениях, количество получивших отказы в приёме с указанием причин отказов), проведённые развлечения для учащихся и другие сведения;
3. Сведения об учителях: пол, количество, семейное положение, образование, педагогический стаж, в том числе в данном уезде и в данной школе. Собирались даже сведения о судьбе учителей, оставивших работу в данной школе, и другая информация;
4. Сведения о внутренней жизни школы: продолжительность учебного времени, количество учебных дней в году по месяцам, причины перерывов в учебных занятиях, продолжительность курса обучения, преподавание дополнительных предметов, количество школ, имеющих библиотеки для внеклассного чтения, экскурсии, внеклассные занятия и т. п. сведения по внутришкольной деятельности;
5. Сведения по прочим вопросам школьной жизни: организация горячих завтраков, ночлега для учащихся и т. п.;
6. Данные о бюджете: пожертвования частных лиц и учреждений с указанием назначения пожертвования и т. д.

Санитарная статистика в земствах возникает одновременно с первой земской участковой лечебницей, поскольку медицинское обслуживание населения являлось одной из задач, решавшихся земствами. Предметом исследования земских санитарных статистиков являлись монографические описания санитарных условий жизни населения, изучение заболеваемости населения, его смертности, рождаемости, естественного прироста, физического развития, профессиональных заболеваний. Многие видные деятели земской санитарной статистики: Эрисман Ф. Ф., Осипов Е. А., Богословский С. М., Новосельцев С. А. и другие создавали методики и проводили исследования медико-санитарного состояния фабрик и заводов Московской губернии, изучали динамику заболеваний отдельных профессиональных групп рабочих, исследовали различия смертности городского и сельского населения Европейской России. Обобщение опыта санитарных статистиков содержится в книге П. И. Куркина – одного из основоположников русской санитарной статистики [Куркин 1914]. С 1896 г. в течение 20 лет он возглавлял санитарно-статистическое отделение Московского губернского земства. С его именем связано создание так называемой Пироговской классификации

и номенклатуры болезней, названной так в память русского хирурга Н. И. Пирогова. Куркин вместе с Богословским положили начало статистике профессиональной заболеваемости. В фундаментальном труде «Статистика движения населения Московской губернии в 1883–1897 гг.» П. И. Куркин показал влияние экономических и социальных факторов на демографические процессы [Куркин 1902].

Земские исследования можно рассматривать как выдающееся достижение российской науки и практики по всестороннему изучению экономических и социальных проблем российского общества, его структуры в конце XIX–начале XX вв. Методология и методы были столь хорошо разработаны и с таким знанием и тщанием применены земскими статистиками, что вызывают восхищение и сейчас.

Деятельность земских статистиков была прекращена с началом первой мировой войны. Как с горечью писал русский статистик, экономист и общественный деятель А. И. Чупров, «многие тома ценнейших сведений лежат в пыли библиотек», и выражал надежду, что «в будущем их изучат, и по ним будет ясна картина жизни России в конце XIX в.» [Елисеева, Дмитриев 2013: 61].

Изучение миграции населения

Важной отличительной особенностью существования России в течение столетий было непрерывное расширение границ государства, освоение новых территорий и перемещение – стихийное и организованное – больших масс людей по пространствам страны. По выражению В. О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется...» [Ключевский 2016: 5]. Потоки миграции населения меняли своё направление в разные периоды развития страны, а миграционные процессы оказывали своё влияние на структуризацию общества в пространственном измерении. Стоявшие перед властями России задачи расширения территории страны невозможно было решить без переселения на новые территории миллионов людей из центральной части страны и хозяйственного освоения новых владений. Особенно активизировались эти процессы с начала XIX в. При этом власти стремились одновременно решать и проблемы аграрного перенаселения Центра, особенно чернозёмных районов, где крайняя бедность населения вызывалась малоземельем. Но чтобы организовать переселение, необходимо было знать местные условия, включая климат, хозяйство и занятия местного населения, возможности для развития тех или иных производств и труда переселенцев. Эти сведения имели жизненно важное значение для удачного выбора места въезда переселенцев, так как жители степной России более приспособлены жить в подобной же местности на новом месте; занятые рыболовством предпочитали селиться около рек и т. д. Эти факторы старались учесть при определении мест расселения.

Организаторы и руководители переселений были, как правило, и исследователями новых территорий, предоставлявшими самые разнообразные сведения и рекомендации для лучшей организации переселенческих движений. Очень часто ими оказывались официальные лица – губернаторы, чиновники, статистики. Характерный пример такого наиболее раннего исследования – книга губернатора Томской губернии В. Хвостова [Хвостов 1809], в которой даётся описание губернии, характеристика населяющих её народов, их верования; подробно рассказывается о природных условиях, промыслах и занятиях населения всех уездов губернии; излагается история заселения отдельных земель; описывается, как идёт экономическое освоение края. При этом автор показывает, как происходит расселение и обеспечение переселенцев на новых местах.

Другое исследование подобного рода вышло в свет в 1885 г. Его автор – Франц Шперк [Шперк 1885]. В книге представлена история завоевания и заселения Амурского края, приводится его топография, краткий геологический очерк, гидрография, климат, флора и фауна, этнографические сведения о населении. Подробно описываются жилища, пища, одежда аборигенов и пришлого населения, крестьянские и маньчжурские селения и казачьи станицы. Делаются предупреждения о распространённых в крае болезнях. К трудам такого же типа можно отнести издание трёх томов с атласом под общим названием «Азиатская Россия» [1914] и др. Эти исследования носили описательный характер и имели прикладную направленность – они знакомили публику с новыми российскими территориями и проживающими там народами.

Особо следует остановиться на труде Д. А. Давидова «Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии» [Давидов 1911], поскольку он уже ставит и некоторые методологические вопросы, даёт определение понятий – переселение и колонизация. Переселение – это свободное передвижение оседлого населения из одного в другое место постоянного жительства, без какого-либо активного и планомерного участия государственной власти по отношению к дальнейшей судьбе эмигрирующего элемента. Колонизация – это «свободное передвижение оседлого населения в определённую область в целях государственных, и потому при участии активной и планомерной деятельности государственной власти по отношению к дальнейшей судьбе населения. Переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [Давидов 1911: 24].

Но книга Давидова интересна не только этими определениями, по поводу которых будет в течение многих десятилетий дискутировать научная общественность, но и тем, что она посвящена колонизаторской политике Китая в Маньчжурии и Монголии. Осуществление этой политики соседнего государства не было безразлично для России в те далёкие времена, да и сейчас весьма поучительно.

Давидов подробно рассматривает практику колонизации Китая Маньчжурии и северо-восточной Монголии для укрепления влияния на окраины, издавна политически связанные с китайской империей.

Автор изучил деятельность Главного колонизационного бюро Китая, осуществлявшего разные проекты заселения, охарактеризовал размеры переселения, пути движения переселенцев, места выхода основного потока переселенцев.

Давидов подробно описал принципы колонизационной политики китайского правительства и меры поощрения переселения, основные районы колонизации и плотность населения в них. Он проанализировал различные системы и техники заселения: самовольный захват земель, заселение ссыльными и вольными колонистами; колонии, образуемые акционерными компаниями или торговыми ассоциациями; заселение пограничными караулами и пр.; показал основные занятия населения в колонизационных районах и состояние торговли с Россией. По приведённым Давидовым данным видно, что колонизационная политика Китая была более рационально выстроена, чем политика России на Дальнем Востоке, а торговый баланс между этими районами неизменно складывался для России неблагоприятно.

Несмотря на описательный характер подобного рода исследований, проблемы колонизации и переселения тесно увязывались с социально-экономическим развитием края и всей России, и, помимо познавательного, имели научное значение для исследования проблем переселения. Часто в них содержались данные о причинах успешности либо провале переселенческих мероприятий, определялись сроки, когда переселения можно назвать состоявшимися ввиду укоренения вновь прибывших на новых территориях.

Миграция оказывала своё влияние на структурацию общества в социальном и территориальном аспектах. В конце XIX–начале XX в. за Урал было перемещено 1,6 млн семейных переселенцев, которые уходили в основном из центрально-чернозёмных губерний, где был избыток сельскохозяйственного населения и нехватка земли. Самые большие потоки мигрантов составляли крестьяне Курской, Воронежской, Тамбовской, Орловской, Самарской, Пензенской и Саратовской губерний – 1,3 млн чел. [Морозов 2016].

Интересное эмпирическое исследование проблем переселенцев провёл Е. Н. Анучин на весьма специфическом объекте – сосланных в Сибирь преступниках. Это была выдающаяся личность и крупный учёный. Он окончил медицинский факультет Московского университета, работал в статистических органах Тобольской и Самарской губерний. Анучин впервые в отечественной науке применил термин «демография» в работе «Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс» (1872 г.).

Известно, что большинство сосланных оставалось впоследствии жить в Сибири и осваивало этот край вместе с прибывшими сюда добровольно. Книга Анучина Е. Н. «Исследование о проценте сосланных в Сибирь» впервые была издана в Тобольске в 1866 г. За эту работу он получил высшую награду Русского географического общества – медаль, а работа позднее была переиздана в Санкт-Петербурге [Анучин 1873].

Е. Н. Анучин свёл вместе и проанализировал данные о сосланных в Сибирь с 1823 по 1846 гг. включительно. Именно с 1823 г. все лица, назначаемые на каторгу, на поселение и на водворение в Сибирь, проходили через Тобольский Приказ, где они записывались в особые книги с указанием пола, возраста, звания, религии, рода преступления, степени наказания и местности, из которой они прибыли. Анучин проанализировал состав сосланных по видам преступлений и показал, что главную массу составляют разного рода бродяги, беглые крестьяне, военные дезертиры и т. п. Одна треть сосланных совершили преступления против собственности, а в их числе 4/5 – мелкие мошенники и обыкновенные воры. Лишь 11-я часть сосланных объединяет совершивших преступления против жизни и здоровья.

Анучин рассмотрел в динамике состав сосланных по всем вышеуказанным признакам и, отдавая должное методам А. Кетле [Кетле 1866], проанализировал зависимость тех или иных видов преступлений от возраста, пола, звания, религии, давая обоснованные выводы относительно выявленных зависимостей. В частности, он определил, что преступления, совершаемые лицами дворянского звания, в процентном отношении к числу дворян значительно превышают такие же пропорции в других сословиях. Так, по вероятности сделаться государственным преступником дворянство превосходит солдат в 19,15 раз, мещан в 30,5 раз, крестьян 122,0 раза. После воровства, которое стоит на первом месте во всех сословиях, второе место у дворян занимает подделка документов и государственные преступления.

Замечательное исследование проблем переселения крестьян в Сибирь провёл в 80-е г. XIX в. И. А. Гурвич [Гурвич 1888]. Это было, по существу, настоящее социологическое исследование, проведённое по заранее разработанной программе, с применением разнообразных инструментов – разного типа опросов (лично Гурвичем было опрошено 1200 семей, или 7400 душ), анализа статистических данных и документов, метода изучения биографий.

В исследовании раскрываются экономические причины переселения крестьян в Сибирь; показано, как происходило устройство крестьян на новом месте (этой проблеме посвящено несколько глав). Картину дополняет живописный рассказ одного пермского крестьянина (история одной семьи), записанный автором. Сформулированные выводы имели широкое социальное значение, поскольку касались положения крестьянства после реформы 1861 г., которая не решила проблем наделения крестьян землёй, что вызвало усиление их перемещения на Восток. Гурвич пишет: «бывали в нашей истории такие особенные периоды политического и общественного нестроения, когда это обычное движение принимало как бы эпидемический характер, и «подлого звания людишки», по летописному выражению, «брели розно» [Гурвич 1888: I-II]. Автор анализирует состав переселенцев по зажиточности, показывая преобладание крестьян со средним достатком, а также выявляет экономические причины переселения крестьян в зависимости от места их

прежнего жительство. Он доказывает, что причина для выходцев из центральных районов – малоземелье, а вот жителями зауральской части Пермской и Оренбургской губерний движет дух предпринимательства. Об этих переселенцах Гурвич пишет: «места они стремятся выбирать такие, где ранее их никто ещё не занимался земледелием, где, стало быть, для земледельца открыт ещё полный, ничем не ограниченный простор» [Гурвич 1888: 59]. Характерно, что Гурвич не ограничивается изучением социально-экономических причин переселений, но изучает и психологические мотивы переселения, включая специальный пункт в Программу обследования.

В приложении к своему труду Гурвич публикует Программу для исследования крестьянских переселений в Сибирь из 97 вопросов, объединённых в 5 разделов: 1. Быт переселенцев до выселения; 2. Выход из поселения; 3 Путешествие; 4. Положение переселенцев в местах водворения; 5. Старые колонии.

В начале XX в. интенсивность переселений в России нарастала. Стали появляться работы, обобщающие опыт переселенческого движения за многие годы. Такое исследование опубликовал в 1912 г. И. Л. Ямзин. Он проанализировал миграционные процессы за большой период – с момента освобождения крестьян до 1912 г. Ямзин использовал многочисленные материалы статистического характера, данные Переселенческого комитета, земские исследования, материалы регистрации переселенцев в Челябинске, материалы двух экспедиций, проведённых для исследования кочевого хозяйства в Средней Азии (Щербины и Кузнецова). В книге даётся периодизация переселенческого движения: первый период – до начала работы Комитета Сибирской железной дороги, занимавшегося переселением, т. е. до 1893 г. Второй период – это время после его учреждения. Комитет Сибирской железной дороги просуществовал до 1904 г. и усиленно занимался переселением крестьян для осваивания прилегающих к дороге местностей. Кроме того, он защищал самостоятельных переселенцев, выступал против предложения министра внутренних дел И. Н. Дурново о насильственном их возвращении. При содействии Комитета переселенцы наделялись землёй по определённым нормам, обеспечивались кредитами, материальной помощью на переезд и обзаведение хозяйством. За время существования Комитета в Сибирь переселились около полутора млн человек. В книге анализируются также переселения на Алтай, Кавказ и Приамурье. Как пишет Ямзин, колонизация Дальнего Востока и Кавказа, в отличие от Сибири, была менее успешной [Ямзин 1912].

Ямзин обстоятельно изучает причины переселения, отмечая среди главнейших – малоземелье и большие крестьянские семьи. Останавливается он и на последствиях переселения в местах выхода. Переселенцу после указа от 9 ноября 1906 г., разрешившего отчуждение надельной земли, стало выгодно продать свою землю, и большинство переселенцев предпочли это сделать. В местах выхода крестьян во многих случаях наблюдалось сокращение работоспособного населения, особенно мужского пола.

Обсуждая уровень благосостояния переселенцев на новых местах, Ямзин на фактических данных показывает его прямую зависимость от срока жизни на новом месте. В среднем было достаточно десяти лет, чтобы переселенческое хозяйство вдвое превысило уровень жизни на месте исхода.

Несмотря на содействие в обустройстве на новом месте, часть переселенцев предпочитала возвращаться. В разные годы от 2,2 (1894 г.) до 46,2% (1911 г.) от общего числа переселенцев возвращались в места исхода. Опрос возвращенцев из Сибири показал, что на первом месте среди причин считаются неподходящие естественные условия – 27,2%. Вторая причина – недостаток рабочих сил или средств в пути и на устройство хозяйства – 23,3%. Третья причина – отсутствие разрешения на переселение – 21,4%. Тем не менее только за 1907–11 гг. на восток России переселились 2,6 млн человек.

Серьёзную проблему успеха переселенческого движения – земельную политику в колониях – обсуждает в своей книге Г. Гинс «Переселение и колонизация» [Гинс 1913]. Называя земельную политику «фундаментом колонизации», Гинс останавливается на следующих проблемах: как, на каких условиях обеспечить землю местное, в частности – туземное население; на каких основаниях передавать землю колонистам: какое право на землю передавать колонистам, а какие права сохранять за государством; какие формы земельного оборота пригодны для колоний. Анализируя опыт других стран мира, в частности США и Австралии, Гинс рассматривает разные способы решения земельного вопроса: недостатки и преимущества даровой раздачи земли и продажи за низкую цену (США), за высокую цену (Австралия), долгосрочной аренды (Голландия) и другие способы. Гинс пишет, что этот опыт нужно изучать и использовать в России при колонизации Дальнего Востока и Средней Азии.

Гинс ставит также вопрос, какими способами привлечь капитал в Сибирь на вновь осваиваемые земли, как ускорить появление крупных капиталистических хозяйств. По его мнению, один из главных способов – введение собственности на землю: «Возможность покупать земли – это первое могучее средство привлечь денежные элементы. Начнётся, конечно, спекуляция землёю, против которой, быть может, следовало бы принять некоторые меры, но главным последствием введения собственности на землю будет постепенное образование более крупных хозяйств с интенсивной обработкой земли. Вслед за тем явится скопление денежных средств в руках более предприимчивых и удачных хозяев. Одновременно пойдёт неизбежный и необходимый процесс обезземеления части населения и образования класса сельскохозяйственных рабочих...Осторожность требует введения её (собственности на землю – Л.Б.) постепенно, с некоторыми ограничениями, так как слишком резкий переход от одной правовой системы к другой, хотя бы и более прогрессивной, является действием, ломающим психологию и привычки быта» [Гинс 1913: 23].

Миграционные процессы не ограничивались переселением в другие губернии (в основном на восток страны). Модернизация экономики с развитием промышленного производства и аграрным перенаселением в центре империи обусловили увеличение миграции крестьян в города и занятость отхожими промыслами. По данным статистического учёта, в Москве и Санкт-Петербурге в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами. Миграция в города и отходничество были распространены больше в северо-западных губерниях и в Центре, а также в Поволжье за счёт развития бурлачества до введения паровой тяги на судах.

Внутренние миграции в дореволюционный период являлись следствием двух основных процессов: социальной модернизации страны с постепенным переходом к индустриальному развитию и колонизации восточных территорий. Оба эти процесса определяли глобальную структурацию российского общества и находили своё отражение в исследованиях того времени, к некоторым из которых было привлечено внимание в данной статье.

Заключение

Структурация российского общества в XIX – начале XX вв., рассмотренная через призму проведённых в тот период исследований статистиков, социологов, врачей и просто образованных людей, проходила противоречиво. С одной стороны, она отражала объективные процессы превращения России в современное (для того времени) общество с растущим индустриальным сектором, увеличивающимся рабочим классом и сокращающимся крестьянством, нарастанием миграционных потоков в рамках колонизаторской политики правительства. А с другой стороны, рассмотренные исследования показали драматизм социального состояния трудящихся классов, их социальные практики и повседневную жизнь во всём многообразии. Обращение к истории этих исследований довольно поучительно, оно позволяет увидеть рождение новых научных направлений общественных наук в России, прогрессивные для своего времени методы анализа, тщательность его проведения и энтузиазм исследователей. Благодаря этим людям мы видим теперь, как проходила структурация российского общества на переломном этапе российской истории – после отмены крепостного права и до октябрьского революционного переворота.

Библиографический список

Абрамов В. Ф. 1996. Земская статистика народного образования // Социологические исследования. № 9. С. 83–87.

Азиатская Россия. 3 тома и Атлас. 1914. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса.

Анучин Е. Н. 1873. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. СПб.: тип. Майкова. 508 с.: табл.; 14 л. карт.

- Васильчиков А. 1881. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. 161 с.
- Велецкий С. Н. 1899–1900. Земская статистика: Справочная книга по земской статистике. С предисл. А. И. Чупрова. В 2-х частях. М.: Изд. Сабашниковых.
- Гидденс Э. 2005. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект. 528 с.
- Гидденс Э. 1999. Социология. М.: Эдиториал УРСС. 704 с.
- Гинс Г. 1913. Переселение и колонизация. Вып. I, II. СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина. 142 с.
- Голосенко И. А. 1984. Эмпирические исследования рабочего класса в русской немарксистской социологии начала XX в. // Социологические исследования. № 2. С. 163–168.
- Гурвич И. А. 1888. Переселение крестьян в Сибирь. М.: Типография А. Левенсон и К°. 147 с.
- Давидов Д. А. 1911. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. Владивосток: Вост. ин-т. 187 с.
- Дементьев Е. М. 1897. Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет. Изд. 2. М.: Т-во И. Д. Сытина. 256 с. Приложение 39 с.
- Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. 2013. История российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ «Статистика России». 143 с.
- Калачов Н. В. 1864. Артели древней и нынешней России. СПб.: Типография В. Головина. 66 с.
- Кетле А. 1866. Социальная система и законы ею управляющие. Изд.: Поляков и К. 315 с.
- Ключевский В. О. 2016. Русская история. М.: Изд-во «Э». 912 с.
- Куркин П. И. 1902. Статистика движения населения Московской губернии в 1883–1897 гг. Изд. Московского губернского земства. 562 с.
- Куркин П. И. 1914. Земская санитарная статистика // Статистический вестник. № 1–2. С. 33–59.
- Мартынов В. С. 1903. Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Малышева Воронежского уезда. Саратов: Типография Губернского ведомства. 75 с.
- Морозов С. Д. 2016. Особенности миграции населения в 1897–1914 гг. // Траектория науки. № 6 (11). С. 4.1–4.10.
- Общинное землевладение. Выпуск 1. Изд. второе. Одесса: Типография Ульриха и Шульца, 1878. 176 с.
- Рашин А. И. 1951. Грамотность и народное образование в XIX–начале XX вв. // Исторические записки. Т. 37. С. 126–147.
- Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Книга VI. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко., 1888.
- Твердова-Свавицкая З. М., Свавицкий Н. А. 1926. Земские подворные переписи 1880–1913. М.: ЦСУ СССР. 328 с.

Туган-Барановский М. И. 1900. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб.: Изд. О. Н. Поповой. 561 с.

Туган-Барановский М. И. 1997. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое исследование русской фабрики в XIX веке. М.: Наука. 735 с.

Флеровский Н. Н. 1938. Положение рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз. 464 с.

Хвостов В. 1809. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги, до иркутской границы. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 107 с.

Чупров А. А. 1909. Очерки по истории статистики. VII. СПб.: Изд. М. и С. Сабашниковы. 443 с.

Шингарев А. И. 1907. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: типография тов-ва «Общественная польза». 223 с.

Шперк Ф. Ф. 1885. Россия Дальнего Востока // Записки по общей географии Императорского Русского географического общества. Т. XIV. СПб.: Типография Императорской Академии наук.

Ожарков С. Н. 1917. Аграрный вопрос в России. Петроград.: Бюро российской прессы. 16 с.

Ямзин И. Л. 1912. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира. IV. 1

Статья поступила 10.03.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

The Structuration of Russian Society in the 19th and Early 20th Century (Based on the Works of Domestic Researchers)

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. The structuration of Russian society in the 19th and early 20th century (based on the works of domestic researchers). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.639

Abstract. This article represents the first stage of a research project dedicated to analyzing the structuration of Russian society throughout the period since the mid 1800's and until this day. The timeline for part one includes the period up until 1917, while part two will be dedicated to Soviet and post-Soviet times. This article utilizes the methodology of A. Giddens, who suggested using the term "structuration" in order to analyze social relationships in space and time. This methodology implies examining structuration processes through the lens of those studies

which were conducted during periods when radical shifts were occurring within the structure of Russian society. The main event which defined the direction for social change turned out to be the emancipation of the serfs in the Russian Empire, which led to shifts in the population's structure: accelerated development of a working class, social transformations in the village, and the advancement of internal migration in Russia. The article shows that in Russia these processes were accompanied by science, which included official agencies conducting population censuses, studying the composition and working conditions at factories and plants (this function was carried out by plant and manufactory inspectorates), as well as studies conducted by scientists and practitioners. The works of Nikolai Kalachov, N. Flerovsky, Evgeny Pogozhev, Mykhailo Tuhon-Baranovskyi and others aided in developing detailed social characteristics of workers and their position in the structure of society and at work. Studying the village (and consequently the largest social class – the peasants) was the prerogative of provincial councils. Comprehensive monographic studies were conducted by Piotr Semionov, Vassily Pokrovsky, Vassily Orlov, Piotr Chervinsky, Fedor Shcherbina, as well as other researchers. The article shows that the population's structuration at the turn of the century in regards to the territorial aspect depended on resettlement and internal migration to a significant degree. Remarkable studies of this process were conducted by Denis Davydov, Evgeny Anuchin, Isaac Hourwich, Ivan Yamzin and other Russian scientists. Aside from scientists, practitioners also took part in these studies. The Russian intelligentsia actively partook in field research. The educated class' efforts made it possible to attain valuable data on society's structure, on the state of social relationships in Russia, migration processes, and the social characteristics of society's key structural elements – peasants and workers.

Keywords: structure, social structure, census, studies of the working class and peasantry, zemstvo studies, monographic studies, relocation, colonization

References

- Abramov V.F. Zemstvo' statistics of people education. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1996: 9: 83–87 (In Russ.).
- Anuchin E.N. The investigations of the rate of deportees in Siberia between 1827–1846. Saint-Petersburg, 1873 (In Russ.).
- Asian Russia. 3 volumes and Atlas. Saint-Petersburg, A.F. Marx publ., 1914 (In Russ.).
- Chuprov A.A. Essays on the history of statistics. Saint-Petersburg, 1909 (In Russ.).
- Communal land tenure. Issue 1. Odessa, Ulrich and Schultz publ., 1878: 176 (In Russ.).
- Davidov D.A. Colonization of Manchuria and North-East Mongolia. Vladivostok, 1911 (In Russ.).
- Dement'ev E.M. Factory. What does it give people and what does it take away from them? Moscow, 1893 (In Russ.).
- Eliseeva I.I., Dmitriev A.L. The history of Russian state statistics: 1811–2011. Moscow, Statistika Rossii, 2013 (In Russ.).
- Flerovsky N.N. The position of the working class in Russia. *Izbranny'e proizvedeniya v 2 tomakh = Selected works in two volumes*. Vol. 1. Moscow, 1958 (In Russ.).
- Giddens A. *Sociology*. Moscow: E'ditorial URSS, 1999 (In Russ.).
- Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2005: 29 (In Russ.).
- Gins G. Migration and colonization. Issue I, II. Saint-Petersburg, 1913 (In Russ.).
- Golosenko I.A. Empirical research of the working class in Russian non-Marxist sociology of the beginning of XX century. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1984: 2: 163–168 (In Russ.).
- Gurvich I.A. Resettlement of the peasants to Siberia. Moscow, 1888 (In Russ.).
- Kalachov N.V. Artel in ancient and modern Russia. Saint-Petersburg, 1864 (In Russ.).
- Khvostov V. On the Tomsk gubernia and about population of big Siberian road, till Irkutsk border. Saint-Petersburg, 1809 (In Russ.).
- Kurkin P.I. Zemstvo sanitarian statistics: the experience of the scheme construction. Moscow, 1912 (In Russ.).
- Marty'nov V.S. Modern position of Russian village. Sanitarian and economic description of the village Malyshevo, Voronezh county. Saratov, 1903 (In Russ.).
- Morozov S.D. Features of population migration in 1897–1914 years. *Traektoriya nauki = Trajectory of science*, 2016: 6 (11) (In Russ.).

Rashin A.I. Literacy and people education at XIX and the beginning of XX centuries. Istoricheskie zapiski = Historical notes, 1951: vol. 37: 126–147 (In Russ.).

Russian thought: monthly literary and political publication. Book VI. Moscow, 1888 (In Russ.).

Shingarev A.I. Dying village. The experience of sanatoria and economic research of two villages of Voronezh county. Saint-Petersburg, Obschestvennaya Pol`za publ., 1907: 223 (In Russ.).

Shperk F. Far-East Russia. Saint-Petersburg, Imperial Russian Geographic Com. publ., 1885 (In Russ.).

Tugan-Baranovskiy M.I. Russian factory at the past and present. Historical development of Russian factory at the XIX century. Izbrannoe = Selection. Moscow, Nauka, 1997: 735 (In Russ.).

Tverdova-Svavitskaya Z.M., Svavitskiy N.A. Zemstvo home censuses 1880–1913. Moscow, CSA of USSR, 1926 (In Russ.).

Vasil`chikov A. Rural life and agriculture in Russia. Saint-Petersburg, M.M. Stasiulevich publ., 1881: 161 (In Russ.).

Veletskiy S.N. Zemstvo statistics: reference book on zemstvo statistics. Part I: history and methodology; Part II: Research programs. Moscow, Sabashnikovs` publ., 1899–1900 (in Russ.).

Yamzin I.L. Resettlement movement in Russia. Kiev, St. Vladimir University publ., 1912 (In Russ.).

Yuzhakov S.N. Agrarian situation in Russia. Petrograd, 1917 (In Russ.).

The article was submitted on: March 10. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna, doctor of Sociological Sciences, Leading researcher, the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

Субъект социального действия в современном развитии России: актер, агент, никто?

Памяти И. А. Халий

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: актер, агент, никто? // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

For citation: Aksenova O. V. Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function performer, Nobody? *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

**Аксенова
Ольга Владимировна**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

illaio@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: [73292](#)

Аннотация. В статье рассматривается история создания концепции парадигмы социального действия, а также перспективы её применения для анализа современного развития России. В первой части работы представлены воспоминания о формировании концепции и о роли в этом процессе разработанных И. А. Халий принципов исследования, включающих изучение активизма, актуализированных ценностей и взгляд на социальные процессы и явления с позиций локальности. Всё это создало особый ракурс наблюдения, выявляющий свойства социального действия и его субъекта и проявляющий парадоксы и противоречия советской и российской систем управления. Показано, как был сделан вывод о ключевой роли действующего субъекта в традиционной для России модели управления и как возникла идея парадигмы социального действия как совокупности базовых свойств самого действия и его субъекта, включающей в себя способность нетривиально мыслить и самостоятельно действовать, ценность сложного и творческого труда, ценность свободы действия и т. п. Во второй части работы рассматриваются перспективы использования интерпретации социального действия как дихотомии свободного и алгоритмизованного действия для изучения процессов развития. Современный прогресс ориентирован на тотальную алгоритмизацию человеческой деятельности и в перспективе на полную замену человека алгоритмами во всех сферах. Приоритетом российского стратегического планирования на федеральном уровне является цифровизация и технологический прогресс. В пространственном измерении складываются тенденции создания

крупных городских агломераций, которые для формирования технологической системы подходят в большей степени, чем малые города и посёлки. Результатом догоняющего российского развития может оказаться сведение социального действия к алгоритму, а его субъекта – к функции, т. е. формирование человека, не способного мыслить и действовать самостоятельно. Полная его замена алгоритмом в технологических цепочках на практике может означать появление «лишних людей», физическое выживание которых не гарантировано. В статье поставлен вопрос, можно ли в таком случае данный вид трансформаций считать развитием или прогрессом?

Ключевые слова: парадигма социального действия, актор, агент, свободное действие, алгоритмизованное действие, технологическая система, акторская система, развитие, прогресс, ценности

Целью настоящей работы поначалу был только анализ перспектив использования интерпретации социального действия как дихотомии действия свободного и нормативного (алгоритмизованного), а его субъекта как противоречивого единства актора (действующего субъекта) и агента (субъекта-функции) в качестве теоретических инструментов изучения современного российского развития. В результате развёртывания этих противоречий по мере индустриального развития формировались акторская или технологическая системы управления (или, в более широком смысле, преимущественно акторское или преимущественно технологическое устройство социума). Технологическая система складывается по мере становления западного модерна, акторская парадоксальным образом возникает в модерне советском и российском. Подробно суть этой концепции, её эмпирические и теоретические основания изложены в авторской монографии, ряде статей и докторской диссертации [Аксенова 2016; 2017].

Однако смерть коллеги и соратника заставила вспомнить и осмыслить историю, в которую разом превратились наши вроде бы недавние обсуждения и споры. Возникла необходимость показать роль сформированных Ириной Альбертовной Халий принципов исследования в концептуализации социального действия и его субъекта. В итоге первый раздел статьи написан скорее в жанре аналитических мемуаров. Второй представляет собой осмысление (с обозначенной выше целью) наметившихся трансформаций субъекта социального действия на Западе и в России на основании результатов нашего последнего, ещё не законченного проекта: «Развитие как концепт и как социальная реальность в современной России»¹, часть из которых уже опубликована [Аксенова, Халий, 2018; Аксенова 2019а; Аксенова 2019б].

¹ Проект выполняется Отделом анализа социокультурных оснований политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН в 2018–21 гг. В 2019 г. полевые исследования проводились в районных центрах Астраханской, Тверской, Псковской, Курской, Мурманской областей, в республиках Алтай и Карелия, а также в Москве.

1. Парадигма социального действия. История концепта

В начале 1990-х гг. мы, тогда ещё начинающие социологи, принимали участие в совместном российско-французском исследовании отечественного экологического движения, осуществлявшемся под руководством А. Турэна и М. Вивьёрки, а с российской стороны О. Н. Яницкого. Акционистская позиция исследователя, требовавшая отказа от позитивистской отстранённости от предмета, оказалась на удивление близка восприятию российских участников проекта: «Одно дело – бесконечные «срезы» и «коллективные фотографии», называемые у нас опросами общественного мнения. И совсем другое – каждодневная, длительная и упорная работа социолога с лидерами и активистами любого социального движения, прежде всего с целью понять их, вникнуть в строй их мыслей, а затем помочь грамотно выразить свои требования, овладеть навыками общественной жизни, быть публичными фигурами, просчитывать возможности и ресурсы – свои и противостоящих сил» [Яницкий 2010: 24]. Активная позиция исследователя дала возможность получить уникальные материалы, которые были бы недоступны для внешнего, безразличного наблюдателя. Она соответствовала характеру И. А. Халий, которая была человеком деятельным и страстным, но при этом умела сохранять научную отстранённость и критическое восприятие изучаемой ею реальности.

Под влиянием А. Турэна сложилось целое направление качественных исследований гражданского общества, которыми мы занимались под руководством О. Н. Яницкого, а после 1997 г. самостоятельно. И. А. Халий трансформировала социологическую интервенцию в рефлексивные семинары с активистами экологического движения, где обсуждались их проблемы, цели, ценности, иногда конкретные планы действия, разрабатывались проекты, осуществление которых также потом обсуждалось.

Столкновение миров. Гипотеза «недосмотра»

В Европе (1993 г.) мы столкнулись с совершенно иной реальностью, нежели ожидали после работы с группой А. Турэна в России. Осенью я уехала в Нидерланды учиться на Высших курсах экологического менеджмента в университете Амстердама, там же начала исследование экологической модернизации. С 1994 по 2005 гг. мы сотрудничали с голландскими социологами в совместных проектах по изучению российской экологической политики, роли в ней экологического движения и т. п.

В начале 1990-х гг. работать и учиться за границей поехали люди советские. Различия между Россией и Западом оказались в определённом смысле шокирующими, требовали осмысления и объяснения. Вряд ли они будут столь наглядными сейчас, когда система образования в России существенно изменилась под влиянием западных образцов. Нам с И. А. Халий к тому же повезло оказаться в точке пересечения социологической науки, гражданского общества, экологической политики и управления, а также повседневной реальности.

Движение из свободной самоорганизации, которую А. Турэн наблюдал и описал в 1960-е и 1970-е гг., трансформировалось в сеть неправительственных организаций. Каждая из них выполняла строго определённую функцию в системе экологической политики. Последняя была гибкой, сложной, сетевой, децентрализованной, она в те годы часто противопоставлялась западными и российскими социологами советской системе управления: иерархической, централизованной и бюрократической.

Но главным открытием стало не только качественное изменение социальной самоорганизации. Свобода оказалась существенно иной, нежели мы её представляли. Советский человек ожидал скорее свободы действия, чем свободы выбора, но именно действие оказалось гораздо менее свободным, чем на родине, социум – неожиданно более успешно и жёстко контролируемым и регулируемым. Это ощущение тотальности контроля и несвободы возникало у людей, сформировавшихся в тоталитарной (в лучшем случае авторитарной), по их же убеждению, стране.

Феномен нарастающей функциональности и технократичности всех сфер жизнедеятельности был уже зафиксирован. О колонизации всего жизненного мира формализованной системой говорил Ю. Хабермас [Хабермас 1993]. Жак Эллюль подробно описал технологическую систему, её тотальность и экспансионистские свойства, её воздействие на человека и социум [Ellul 1980]. Данная интерпретация объясняла многое из того, что мы наблюдали в Европе. Однако оставался неразрешённым вопрос – почему не было системной экспансии в России? В Нидерландах возникла первая гипотеза, объяснявшая её отсутствие. Сводилась она к тому, что гибкая сетевая система управления на Западе эффективнее регулировала и контролировала субъекта социального действия, нежели громоздкая административно-командная система СССР, в которой были слепые зоны, где актор мог действовать свободно вопреки её стремлению превратить его в винтик государственной машины.

Активизм и ценности

Ирину Альбертовну интересовали прежде всего люди активные, стремящиеся изменить окружающую их социальную реальность. Именно их мы и изучали в 1990-е гг. в российских городах, посёлках и сёлах, научились выявлять их, отличать от имитаторов. Халий фокусировалась прежде всего на анализе их ценностей, которые, согласно той же турэновской теории, определяли действия актора. Кроме того, в конце 1970-х американские социологи сформулировали категории доминирующей социальной парадигмы (ДСП), построенной на антропоцентризме, и сменяющей её новой экологической парадигмы (НЭП), в которой человек уже не занимает место царя природы, но равен другим биологическим видам [Catton, Dunlop 1978]. И. А. Халий использовала саму идею ценностной парадигмы сначала для изучения экологического движения, а затем для исследования местных сообществ. Она ввела понятие

«актуализированной ценности», которое позволяло уяснить, разделяют ли респонденты данные ценности, только декларируют их или действительно следуют им (актуализируют). Эта категория помогала в эмпирических исследованиях выявлять актора, отделять его от имитатора. Позже она оказалась теоретически значимой и для определения парадигмы социального действия. Доминирующая социальная парадигма и её изменения в России стали со временем главным предметом исследований И. А. Халий [Актуализированные ценности... 2015: 8–38].

В новом столетии И. А. Халий начала исследовать российские социальные движения в целом и в исторической ретроспективе [Халий 2007]. Я решила изучить процессы экспансии технологической системы, поразившей меня в начале 1990-х гг., и ожидала найти их в сфере российской экологической политики и управления. Результат оказался неожиданным для нас обеих. Актор обнаружился там, где его не должно быть вовсе: среди администраторов и менеджеров экологического управления. Выяснилось, что структуры и институты в России тех лет – вещь переменчивая и текучая, они постоянно трансформировались, выстроенные сети рвались или растворялись. Сотрудники госструктур легко меняли службу на участие в неправительственных организациях, а чаще совмещали эти виды деятельности, что для западной экополитики было немыслимо. Любая структура для российских активистов была инструментом, позволяющим актуализировать *свои* ценности и достигать поставленных ими целей. Столь странная, парадоксальная конфигурация системы экологической политики заставила обратиться к другим областям профессиональной деятельности, к другим историческим периодам и типам управления.

Однако без изначальной установки на изучение социального активизма и лежащих в его основании ценностей, без постоянного поиска его в российских городах и весях заметить активизм вне гражданского общества попросту не удалось бы. Время постоянных перемен сделало зримой неоднозначную роль структур и функций, по крайней мере в экологической политике. А наши регулярные поездки в регионы позволили её зафиксировать. К изучению других сфер жизнедеятельности социума можно было приступить с уже настроенной «оптикой», с готовым, пусть и не отточенным исследовательским инструментом.

Локальность. Взгляд с места

Изучение провинции было ещё одним, не менее важным приоритетом исследования для И. А. Халий, изначально уверенной в том, что настоящая культура, социальная активность и просто *жизнь* именно там. Главным принципом было рассмотрение всех процессов (будь то стратегия федерального центра или глобализация) сквозь призму местной жизни. В нулевых годах мы изучали не только социальные движения, но и социокультурные аспекты развития российских регионов с акцентом на местные сообщества.

Локальность в итоге стала позицией для наблюдения, откуда отчётливо были видны её взаимодействия с центром. Тотальная централизация оказалась во многом иллюзией, обусловленной отчасти взглядом сверху, отчасти стереотипными представлениями о советском и российском управлении. Оказалось, что Центр в жизни сообщества присутствует и отсутствует одновременно: он далеко, он не может принимать все решения даже в условиях централизованного управления и авторитарной политической системы. В то же время его полное отсутствие также разрушительно для сообщества, и в такие периоды действительно его жизнедеятельность держится исключительно на гражданском активизме.

Акторами не могут быть все, это отнюдь не массовый феномен; более того, человек может быть активным в один период своей жизни и пассивным в другой. Но их было достаточно, чтобы удержать города и сёла от архаизации, от сползания в своего рода новое варварство, сопровождающее глобализацию. Учителя продолжали учить, вести бесплатные кружки, спортивные секции, а врачи по-прежнему лечили, изобретая различные способы, как выжить самим и не пойти против собственных ценностных установок. Культурную жизнь в условиях почти разорванных связей с Центром обеспечивали Дома культуры, краеведческие музеи, местные литературные и художественные объединения и т. п.

Парадигма социального действия

Сложившаяся на районном уровне система взаимодействий между властью и центром (региональным и федеральным) стала понятной, равно как и роль актора в российском экологическом управлении. Но что происходило в других сферах жизнедеятельности социума и на других уровнях? Зависело ли наличие действующего субъекта от близости к управляющему центру?

Исследование деятельности советских и российских профессионалов обнаружило актора практически во всех отраслях, включая и наиболее контролируемые. Пространство свободы профессионала было шире профессиональной автономии, оставляло место для свободного действия, основанного не только на знаниях и компетенциях, но и на ценностях.

Поначалу казалось, что действующий субъект сохранился всё-таки по недосмотру и спасал страну вопреки неповоротливой системе. Рассказы инженеров, врачей, геологов и военных эту гипотезу, казалось, полностью подтверждали. Но скоро выяснилось, что борьба с системой или с начальством шла практически на всех уровнях управленческой иерархии, сопровождаясь сдерживанием опасных инициатив подчинённых. Был осознан вполне очевидный факт: нельзя «вопреки» создать промышленность и армию, нельзя налаживать дипломатические отношения и т. п. Гитлера нельзя было разбить «вопреки»: Вермахт был по своему устройству весьма близок к технологической системе и с другими подобными системами в Европе расправлялся легко и быстро. Устоять против этой почти идеальной машины без продуманных действий управляющего центра было бы невозможно. От гипотезы «недосмотра» пришлось отказаться.

Оказалось, что неповоротливая система может в короткое время сбросить бюрократические ограничения, приобрести мобилизационную гибкость и стремительность развёртывания необходимых в конкретной ситуации структур. Сочетание централизма и децентрализации, которое мы наблюдали в удалённых посёлках, также было характерно для всей системы, в особенности в экстремальных ситуациях, таких как война или катастрофа. Актор не был случайно сохранившимся в системе чудачком, не был он и супергероем. Он был человеком, способным принять решение самостоятельно, умеющим осмысливать ситуацию и своё место в ней, действующим в соответствии с собственными установками хотя бы на определённом отрезке своей жизни. Он был одним из ключевых элементов системы, на его формирование было ориентировано образование, воспитание, вся сфера социализации в целом. Борьба с системой оказалась её собственным, имманентным свойством. То, что изначально виделось архаичным управленческим монстром, оказалось феноменом сложным и чрезвычайно парадоксальным. Объяснить его парадоксы при помощи имеющихся теорий не получалось, так как все они были построены на наблюдениях за иной реальностью. Очевидно также, что реальность не может отличаться слишком сильно, у различий должны быть общие основания. В конечном итоге сложился концепт парадигмы социального действия, основанный на обозначенном выше сущностном противоречии свободного и нормированного (алгоритмизованного) социального действия. Его снятие в определённых условиях рождало технологическую систему управления жизнедеятельностью общества с функциональным субъектом (агентом) или акторскую систему, главным субъектом действия в которой является актор. Каждой из них соответствовала парадигма социального действия, то есть совокупность базовых свойств самого действия и его субъекта.

2. Субъект социального действия как критерий развития

Акторское действие есть не просто свободное действие, оно включает в себя способность действовать самостоятельно, умение мыслить на основании фундаментальных знаний о природе и обществе, а не только конкретных и узких компетенций, ценность творческого и сложного труда, ответственность за своё дело и т. п. Функциональное действие агента по сути есть только осуществление программы, алгоритма, оно нормировано и задано строго определённой последовательностью шагов, которую нельзя менять по собственному усмотрению. Осмысление и рефлексия в нём сведены к минимуму, так как увеличивают риски сбоев в технологической цепочке, связанных с «человеческим фактором». Агент или субъект-функция предсказуем, управляем, он не будет совершать подвигов и не будет делать глупостей.

Как уже говорилось, агент и актор рассматривались ранее как результат развития соответственно западного модерна (или капитализма) и модерна российского (советского), в котором индустриальный

прогресс осуществлялся в условиях ограниченного рынка на протяжении почти всей его истории. Данные категории не только определяют место человека в системе управления или даже в обществе в целом, они фиксируют его сущностные качества, главными из которых является, с нашей точки зрения, способность мыслить нестандартно (или отсутствие таковой) и основанная на ценностях рефлексивность. В настоящее время важно понять, будет ли далее меняться субъект социального действия в пределах концептов актора и агента? Возможно ли появление ещё каких-либо форм свободного и алгоритмизованного действия, формирование иных парадигм? Наконец, можно ли использовать трансформацию субъекта социального действия в качестве критерия развития?

В последние десятилетия обе системы, акторская и технологическая, существенно изменились и продолжают меняться. Направление этих трансформаций можно отследить по изменениям в социологическом, политическом и публичном дискурсах. Представленный здесь анализ ограничен популярными футуристическими построениями, в которых в концентрированном виде содержится идеология модернизации. Таким ранее во многом был «Конец истории» Ф. Фукуямы, обозначивший перспективы глобализации [Фукуяма 2004]. В настоящее время провозвестниками будущего стали Ю. Н. Харари и Р. Курцвейл [Харари 2019; Курцвейл 2018].

Современные тенденции российского развития прослеживаются в стратегических планах, которые одновременно могут отражать направление прогресса на Западе, потому что отечественная модернизация, как и в прежние времена, ориентирована (или вынуждена ориентироваться) на то, чтобы догнать и желательно перегнать его. Наконец, указанные тенденции заметны и в реальных трансформациях жизни местных сообществ, которые мы выявили в ходе полевых исследований в 2019 г.

Человека больше нет

Ю. Н. Харари рисует будущее, в котором человека как существо с несовершенным мозгом полностью заменят алгоритмы: «Выяснилось также, что биохимические алгоритмы человеческого мозга далеко не совершенны. Они основаны на эвристике, упрощениях и устаревших нервных связях, более пригодных для условий африканской саванны, чем для каменных джунглей города» [Харари 2019: 38].

В данном случае важно даже не само по себе провозглашение алгоритма движущей силой грядущего развития, но и признание несовершенства мозга *homo sapiens*. Для человека технологической системы оно вполне закономерно. Сложным ему кажется именно город, унифицированный и стандартизованный, ему трудно осознать, что жизнь в африканской саванне была непредсказуема, требовала постоянного поиска нетривиальных решений и в этом смысле была много сложнее. Нестандартность мышления внутри системы вполне логично интерпретируется как проявление отсталости, ибо она попросту опасна.

Алгоритмы заменят человека повсюду, включая пространства, которые ранее отводились только ему: в потреблении и в искусстве, даже в неоспоримо интимной эмоциональной сфере: «Вы можете выбрать желаемые эмоции, а алгоритм будет следовать вашим указаниям. Иногда вам хочется жалеть себя, иногда – прыгать от радости. Алгоритм будет покорно вам подчиняться. Он научится распознавать ваши желания даже тогда, когда вы сами плохо их понимаете» [Харари 2019: 45].

Человек технологической системы – это муравей, винтик огромной технологической машины, равный всем прочим деталям [Latour 2005]. У Харари человек просто исчезает, что логично: даже тотально контролируемый агент опасен, так как он всё-таки человек. Его проще и надёжнее заменить алгоритмом, причём именно там, где он уже стал элементом системы. Эту логику технологической системы Ю. Н. Харари демонстрирует весьма наглядно: «Вы можете возразить, что, заменив отдельных людей компьютерной сетью, мы лишимся преимуществ индивидуального подхода. Например, если один врач поставит неверный диагноз, он не убьёт всех пациентов в мире и не остановит разработку всех новых лекарств. Но, если все врачи представляют собой единую систему, и эта система допустит ошибку, результат может оказаться катастрофическим. В реальности интегрированные компьютерные системы могут максимизировать преимущества взаимодействия, не растеряв преимуществ индивидуального подхода. В одной сети будут выполняться разные алгоритмы так, чтобы пациент в отдалённой деревне в джунглях мог с помощью смартфона связаться не с одним авторитетным врачом, а с сотнями систем медицинского искусственного интеллекта, работа которых подвергается постоянному сравнению... Благодаря обучающим алгоритмам и биометрическим датчикам бедный деревенский житель из слаборазвитой страны сможет получить медицинские услуги, по качеству значительно превосходящие те, что сегодня богатейшие люди мира получают в самых современных клиниках» [Харари 2019: 41–42].

Установка на замену человека алгоритмом слабо связана с реальностью деревенского жителя бедных стран. Автор к тому же ничего не знает о риске той же новой вирусной инфекции. Это незнание принципиально и показательно, порождено прогрессом и изначально направлено на минимизацию риска, но на самом деле оно значительно усиливает риск, что и подтвердила нынешняя пандемия Covid-19. Незнание уже давно не элемент футурологических прогнозов, оно воплотилось в катастрофическом, как выяснилось, сокращении числа больниц и врачей в развитых странах.

Р. Курцвейл также провозгласил грядущее слияние интеллекта естественного с интеллектом искусственным и эру практически бессмертных киборгов, которые будут жить большей частью в виртуальной реальности, ими же сконструированной [Курцвейл 2018].

Остаётся неясным, зачем и кому тогда нужен человек, даже в виде киборга, наслаждающегося функционированием алгоритмов в виртуальном пространстве. В этом почти гротескном описании прекрасного нового мира человек не просто утрачивает субъектность, он устраняется в прин-

ципе: больше нет дихотомии свободного и алгоритмизованного действия, нет противоречия между актором и агентом, нет даже великого потребителя, потому что нет социального действия как такового. Он – *никто*.

Субъект действия в российской стратегии развития

В России «постгуманизм» и «постчеловеческое будущее» – пока лишь модная в столицах идея. Однако исследование стратегии догоняющего развития свидетельствует, по крайней мере, о схожести его ориентации с радикальными и эпатажными концептами футурологов. Отметим, что советский и российский модерн всегда провозглашал целью формирование нового человека, не человека-функции или винтика промышленной машины, но всесторонне развитой личности. В современной стратегии развития, сформулированной в Послании Президента Федеральному Собранию в 2018 г., также значитесь раскрытие талантов и самореализация личности¹. Однако главной является установка прежде всего на технологическое развитие, в первую очередь на развитие робототехники и искусственного интеллекта. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества с этого времени рассматривается как основное направление российского прогресса. Для её осуществления необходимо выявлять и обучать одарённую молодёжь. В пространственном развитии приоритетными становятся городские агломерации.

Стратегии развития разрабатываются в регионах регулярно, однако редко и мало обсуждаются, а в иных случаях носят откровенно декларативный характер и ориентированы прежде всего на пиар. Дискуссии в социальных сетях и на форумах связаны в первую очередь с текущей деятельностью губернаторов [Аксенова 2019а]. Но есть и стратегии, осуществляющиеся в регионах последовательно и весьма эффективно. В первую очередь это оптимизация образования и здравоохранения. Их результатом является сокращение соответствующих организаций на местном уровне. В здравоохранении создаются сложные логистические схемы доставки нуждающихся в медицинской помощи граждан в крупные города, где построены высокотехнологичные медицинские центры.

Важным является не только то, *что* в федеральной и многочисленных региональных стратегиях *обозначено*, но и *что* в них *отсутствует*. Так, практически ничего не сказано о месте (или роли) всей остальной («неодарённой») молодёжи в развитии России. В стратегическом планировании и современной политической дискуссии «народ» в целом представляет собой скорее объект, которому надо что-либо дать. В последний год жизни И. А. Халий фокусировала внимание именно на этом игнорировании необходимости вовлечения всех молодых людей и всех граждан страны как субъектов действия в прорывное развитие [Подъячев, Халий 2020].

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Президент России. Официальный сайт. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (Дата посещения: 06.05.2020).

Субъект действия в малых городах и сёлах

Главным фактором перемен в российской глубинке стал отток молодёжи. Молодые люди уезжают учиться (или на заработки) и больше не возвращаются. Данная проблема характерна для многих российских сёл и малых городов. Представители старших поколений считают, что она уже носит катастрофический для местных сообществ характер. В мегаполисах больше возможностей работы, заработка, больше различных кружков и секций для детей, есть больницы в шаговой доступности, а не в соседнем селе или вовсе региональном центре и т. п. Ещё в 2013 г. ситуация была иной: молодые люди говорили о вынужденном отъезде, о желании жить и работать там, где выросли. Установки нового поколения изменились. Остаются лишь те, кто плохо учились, в большинстве это дети из неблагополучных семей. Именно они поступают в местные колледжи и техникумы.

В такой ситуации у активных людей опускаются руки, так как исчезает стимул для действия, локальность угасает. Причина не только и не столько в федеральной политике: сказывается воздействие глобальных тенденций, сохраняющихся несмотря на явное торможение самой глобализации. Через интернет распространяются установки на жизнь в большом городе, на комфорт, успех и т. п.

Тем не менее акторы в российской провинции, стремящиеся изменить местную жизнь, всё ещё есть, причём и среди представителей бизнеса. Один из них в центральной России стремится превратить малый город в «новый Суздаль», другой в сибирском посёлке обустроивает его не только для туристов, но и для местных жителей. Преподаватели техникумов и колледжей пытаются учить и воспитывать доставшихся им двоечников и троечников: *«Молодёжь рвётся в город, но мы стараемся поднять статус и престиж своего села. Проводим воспитательные мероприятия. Есть самодеятельность, мы стараемся, чтобы участвовали все дети. Если в школе этих детей нельзя было вывести на сцену, то у нас они выступают»* (преподаватель колледжа, Мурманская область). В то же время результаты их работы часто становятся трамплином для отъезда, для продолжения учёбы в городе: *«Для местного населения мы не престижны, в город бы поехать. Но мы даём азы профессии, а дальше могут развиваться, идти учиться поварскому делу, получать высшее образование. На саамском рукоделии наши девочки получают такие навыки, что могут идти в дизайн. Учётчик получает знания азов бухучёта и может также идти учиться дальше»* (преподаватель колледжа, Мурманская область).

Низкая заработная плата в сочетании с транслируемой СМИ и интернет-сообществом установкой на то, что получать много денег следует не напрягаясь, порождает специфическую форму безработицы. Отмечено, что некоторые жители малых городов и посёлков отказываются от работы по причине её низкой оплаты. Они предпочитают одноразовые услуги, позволяющие какое-то время прожить на зарабо-

таннные деньги. Складывается устойчивый образ жизни, из которого трудно выйти. Формируется люмпенизированная, социально пассивная группа, новые «лишние люди», не связанные никоим образом с цифровизацией и алгоритмами. Они не могут быть ни агентами, ни актерами.

Современный профессионал: агент или актер?

Современное образование также существенно меняет актерскую парадигму социального действия. В 2019 г. нам удалось продолжить исследование деятельности врачей в Москве и регионах. Представители старой школы продолжают работать и сохраняют сложившиеся установки. И это вовсе не пенсионеры, к этой группе причисляют себя и специалисты 30–40 лет, что соответствует данным, полученным в предыдущих исследованиях: *«Я считаю себя человеком, окончившем советскую школу и учившимся у советских учителей. В первую очередь нас учили не быть компьютерными мальчиками и девочками, а всё-таки иметь клиническое мышление. Есть попытки стандартизировать всё, создаются специализированные институты. Проблема в том, что человек индивидуален и каждого под стандарты загнать невозможно»* (врач, Москва). В Москве, как и в малых городах, главной проблемой для профессионала-актера стала оптимизация медицины: *«Оптимизация медицины продолжается, всё держится на нашем энтузиазме. Некоторые, правда, убегают»* (врач, Москва).

Это поколение врачей не отрицает технологий и медицинских протоколов, «написанных кровью», но считает их лишь обязательным дополнением к своей деятельности, а не её сутью. Они высоко ценят новое оборудование, потому что начинали работать в нулевых годах, в условиях, когда в больницах не было вообще ничего. Технология, по их мнению, улучшает советскую школу, но не должна заменить её.

Современные врачи хорошо знакомы с западным здравоохранением. Некоторые сами работали за рубежом или общаются с работающими там однокурсниками. В России, по их мнению, сохраняется индивидуальный подход к лечению, несмотря на его стандартизацию.

Можно сделать предварительный вывод о том, что данное поколение врачей (и инженеров) будет следовать традиционной актерской парадигме, вернее те из них, кто не «убегут». Сложнее с новым поколением.

Молодёжь получает образование, которое уже сложно оценить в категориях актерской или технологической системы. Часть молодых профессионалов учатся у старших товарищей, другие не делают ничего: *«Бьюсь с ними. Есть толковые, которые хотят научиться, есть те, кто плывёт по течению. У них в головах ветер, они базовой школы не знают. Сейчас везде тесты, это не показатель знаний»* (врач, Москва). Качество обучения в региональных медицинских университетах, по свидетельству наших респондентов, было ещё несколько лет назад высоким, в последние несколько лет оно неуклонно снижается.

В районных центрах есть и другая проблема: врачи говорят о том, что удержать молодых специалистов невозможно. Попытки федерального центра вернуть врачей в малые города и сёла посредством программы

«Земский доктор» не слишком успешны. Чётко прослеживается влияние идеологии развития, ориентированной на большой город, часто не помогает даже предоставленное жильё и деньги. Ситуации, которые отмечают главные врачи в районных больницах в разных концах страны, одинаковы: друзья считают молодого доктора, приехавшего работать в малый город, неудачником; другого пригрозила бросить девушка, если он не уедет из «этой дыры»; бывает, что разводом грозит муж и т. д. В некоторых случаях молодого специалиста отпускают до истечения положенного срока, в других – он три года отработывает, но затем всё равно уезжает.

Более того, в относительно успешном селе, живущем за счёт туризма, куда молодые специалисты разных профессий возвращаются после окончания вузов, ни один из старшекласников не выбрал профессию врача. Учителя предполагают, что сказалась пропаганда в СМИ, бесконечные рассказы про «врачей-убийц». В результате в больнице работают только пенсионеры.

Заключение

Парадигма социального действия стала итогом актуализации трёх принципов, сформулированных И. А. Халий в её социологической практике: изучение активизма, фокус на ценностях и взгляд с места. Именно эта триада позволила выявить отечественного актора, увидеть парадоксы и противоречия в советской и российской системах управления, разработать теоретические инструменты для их объяснения.

Анализ трансформаций действующего субъекта в процессе развития фокусирует внимание непосредственно на человеке, а не на потребительских или виртуальных удовольствиях, которые он должен в результате модернизации или технологического прогресса получить, а также не на прогрессе ради прогресса. Выявленные тенденции порождают целый ряд вопросов, возможно, риторических с точки зрения человека, сформировавшегося в акторской парадигме. Можем ли мы назвать развитием редуцирование субъекта действия к функции? Индивидуализм и свобода личности в этой ситуации не более чем атомизация, изолированное существование одинаковых «человечков», обладающих алгоритмизированной свободой выбора, которая по сути есть лишь имитация свободы. Можно ли считать развитием современное стремление заменить себя алгоритмами? Как и чем объяснить возникновение подобной интенции в принципе?

Самым распространённым аргументом в пользу именно такого развития на бытовом (да и на научном) уровне является утверждение о неизбежности прогресса, с которым следует смириться и не быть луддитом, воюющим с машинами. Но действительно ли данный тип прогресса неизбежен?

В России сохранялось и воспроизводилось иное понимание развития, в котором человек-творец, сложная, всесторонне развитая личность является целью и обязательным результатом этого процесса. Все предыдущие российские реформы и прорывы копировали западную модернизацию,

но при этом существенно трансформировали её [Андреев 2013, Аксенова 2016]. Во всех наших исследованиях респонденты были ориентированы на прогресс и говорили о нём как о важной ценности. Интервью с советскими и российскими профессионалами, относящими себя к советской школе, выявляют общие для всех представления о развитии: алгоритмы необходимы, они не заменяют человека, но дополняют и улучшают его деятельность, сохраняя при этом пространство для творчества. Развитие, направленное на полную победу технологии над человеком, объясняется скорее всего не только и не столько имманентными свойствами непосредственно технического и технологического прогресса, но функционированием рынка, в котором тотальная алгоритмизация коммерчески выгодна.

Технологическая система крайне уязвима, в том числе потому, что субъект социального действия не обладает фундаментальными знаниями, не приучен искать нестандартные решения. Его учат любить и ценить комфорт и лёгкость бытия, в котором практически нет необходимости думать, принимать решения и брать на себя ответственность. Человек в мире алгоритмов неизбежно забывает о рисках мира реального, о катастрофах и эпидемиях, для которых алгоритмов просто нет. Мы ещё не знаем всех деталей нынешней трансформации постмодерна: кого формируют новые подходы к воспитанию и образованию? Как изменяется восприятие мира человеком, с детства проводящим больше времени в смартфоне?

В России попытки формирования субъекта-функции с алгоритмизованным мышлением осуществляются в несколько иных условиях. Здесь невозможно было создать универсальные программы действий на все случаи жизни: слишком сложны, непредсказуемы и разнообразны были условия жизнедеятельности общества, а потому до сих пор сохраняется акторская парадигма действия. Возможно, это даёт нам преимущество, которое также необходимо осмыслить, если ещё осталось время. Тенденции, которые мы с Ириной Альбертовной Халий и её учениками обнаружили в 2019 г., говорят о том, что этого времени не так уж много. Слишком быстро меняются условия жизни и труда жителей российской глубинки и столиц. Отчётливо прорисовывается образ реального «никто», замещающего субъект действия в футуристических картинах Харари и Курцвейла. Не бессмертный киборг, а лишний человек существует пока ещё на периферии жизни даже местного сообщества, но его присутствие уже ощутимо. Он свободен практически от всего и от любой ответственности тоже. Число лишних людей может радикально вырасти в случае успеха тотальной цифровизации и не только в глубинке, но и на урбанизированных пространствах, если только она не будет вписана в деятельность человека, сохраняющего свою субъектность.

Современные перемены рождают также имитатора, создающего, например, стратегии и проекты, которые не будут выполнены. Это явление не новое, а вот имитации субъекта-функции раньше встречать не приходилось. Судя по свидетельству профессионалов, их молодые коллеги получают формализованное образование, однако не могут применить и его. Всё перечисленное пока лишь тенденции, требующие изучения. Возможно, что-то изменится и в самой технологической системе по причине хотя бы

нынешней пандемии, возможно и нет. Но при планировании развития уже следует определиться: желаем ли мы создать мир, в котором человек просто функция, или мир, где он «никто» – и неясно, сможет ли он выжить физически за пределами системы алгоритмов?

Библиографический список

Аксенова О. В. 2019а. Стратегия развития российских регионов: официальная версия // Власть. Т. 27. № 1. С. 9–17. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6192>

Аксенова О. В. 2019b. Стратегия развития российских регионов: реальность // Власть. Т. 27. № 6. С. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6813>.

Аксенова О. В., Халий И. А. 2018. Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. № 24. С. 13–26. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.492.

Аксенова О. В. 2017. Роль профессионала-актора в российской системе управления: автореф. дисс. д. соц. н. // Официальный портал ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5077> (Дата посещения: 06.05.2020).

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М: Институт социологии РАН. 304 с.

Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.

Андреев А. Л. 2013. Российский социум как «другая Европа» // Общественные науки и современность. № 3. С. 70–79.

Курцвейл Р. 2018. Эволюция разума, или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: Эксмо. 352 с.

Подъячев К.В., Халий И.А. 2020. Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия Социология. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

Халий И. А. 2007. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН. 300 с.

Харари Ю. 2019. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад. 416 с.

Фукуяма Ф. 2004. Конец истории и последний человек. М.: АСТ. 588 с.

Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Вып. 2. С. 132.

Яницкий О. Н. 2010. Социальные ограничения модернизации России // Социологические исследования. № 7. С. 17–27.

Catton W. R., Danlop R. E. 1978. Environmental sociology and new paradigms // *The American Sociologist*. No 13. P. 41–49.

Ellul J. 1980. *The technological System*. N. Y.: Harper Torchbooks. 362 p.

Latour B. 2005. *Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford (UK): Oxford University Press. 301 p.

Статья поступила 14.05.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксенова Ольга Владимировна, доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function Performer, Nobody?

Olga V. Aksenova

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: illaio@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1634-7597

For citation: Aksenova O. V. Social Action Agent in Russia's Current Development: Actor, Function performer, Nobody? *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640

Abstract. This article examines the history of how the concept of the social action paradigm was created, as well as the prospects for its use in analyzing Russia's current development. The first part of the study presents reflections on the development of the concept, and on how the process was affected by research principles created by Irina Khaliy, which include the study of activism and actualized values, as well as an outlook on social processes and phenomena based on locality. In conjunction this created a unique monitoring perspective, which identifies the properties of social action and its subject, while exhibiting the paradoxes and contradictions of the Soviet and Russian system of management. It is shown how a conclusion was reached on the active subject playing a crucial role in the traditional Russian model of government, as well as how the notion of the social action paradigm came to be, it being a combination of the basic properties of the action itself and its subject, which includes the ability to think outside the box and act independently, the value of complex and creative work, the value of freedom of action and so forth. Part two of the study considers the prospects of using such an interpretation of social action as “a dichotomy of free and algorithmic action” to examine processes of development. Progress in our time is aimed at an absolute algorithmization of human activity, as well as replacing humans in every single field with algorithms in the future. On a federal level, strategic planning in Russia prioritizes digitization and technological advancement. Space-wise, a trend is emerging towards establishing large metropolitan areas, which are more suitable for developing a system of technologies as opposed to small towns and settlements. Russia's lagging development might result in social action being reduced to an algorithm, its subject – to a function, in other words – this might lead to the formation of a person who is unable to think or act independently. Technological cycles being totally dominated by algorithms in practice might lead to the appearance of “unnecessary people”, who's physical survival cannot be guaranteed. The article poses the question – given such a situation, can you even consider these transformations to be advancement or progress?

Key words: paradigm of social action, actor, agent-function, free action, algorithmized action, technological system, “actor system”, development, progress, values

References

Actualized values of the modern society: Ed. by I.A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 201: 273 (In Russ.).

- Aksenova O.V. Strategy of the development of Russian regions: official version. *Vlast' = Power*, 2019: Vol. 27: 1: 9–1 (In Russ.).
- Aksenova O.V. Strategy of the development of Russian regions: the reality. *Vlast' = Power*, 2019: Vol. 27: 6: 35–41 (In Russ.).
- Aksenova O.V. The paradigm of social action: professionals in the Russian modernization. Moscow, IS RAS publ., 2016: 304 (In Russ.).
- Aksenova O.V. The role of the professional-actor in the Russian managerial system: abstract of the thesis for doctor of sciences. Moscow, IS RAS publ., 2017. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5077> [accessed 06.05.2020](In Russ.).
- Aksenova O.V., Khaliy I.A. Modern development: to the discussion of the research issue. *Vestnik Instituta sotziologii = Institute of Sociology Bulletin*, 2018: 24: 13–26 (In Russ.).
- Andreev A.L. Russian society as “another Europe”. *Obschestvennye nauki I sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2013: 3: 70–79 (In Russ.).
- Catton W.R., Dunlop R.E. Environmental sociology and new paradigms. *The American Sociologist*, 1978: 13: 41–49.
- Ellul J. *The technological System*. New York, 1980: 362.
- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. Moscow, 2004: 588 (In Russ.).
- Habermas J. *Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus*. THESIS, 1993: 2: 123–136. (In Russ. from German).
- Harari Y.N. *21 lessons for the 21st century*. Moscow, Sindbad, 2019: 416 (In Russ.).
- Khaliy I.A. Modern social movements: innovative potential of Russian transformation in traditional milieu. Moscow, IS RAS publ., 2007: 300 (In Russ.).
- Kurzweil R. *How to create a mind: the secret of human thought revealed*. Moscow, Eksmo, 2018: 352 (In Russ.).
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford (UK), 2005: 301.
- Podyachev K. V., Khaliy I. A. The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities. *Vestnik RUDN. Serija: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2020: Vol. 20: 2: 263–276 DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
- Putin V. Message from the President to the Federal Assembly 2018. Russian President Official website. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> [accessed 06.05.2020] (In Russ.).
- Yanitsky O.N. Social limits of modernization in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2010: 7: 17–27 (In Russ.).

The article was submitted on: May 14. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aksenova Olga Vladimirovna, Doctor of Sociological Science, leading researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641

Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива

Ссылка для цитирования: *Немировская А. В., Соболева Н. Е.* Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 54–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641

For citation: Nemirovskaya A. V., Soboleva N. E. Subjective well-being determinants in Russia: a regional perspective. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 54–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641

Немировская Анна Валентиновна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

annanemirov@hse.ru

AuthorID РИНЦ: [208355](#)

Соболева Наталья Эдуардовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

nsoboleva@hse.ru

AuthorID РИНЦ: [789042](#)

Аннотация. Российские регионы значительно различаются между собой по целому ряду социально-экономических и социокультурных характеристик, таких как уровень дохода и качество жизни населения, различные параметры социокультурной среды, социальный оптимизм, уровень религиозности и пр. Вопреки ожиданиям, жители удалённых регионов с более низким личным доходом, чем в столицах, по данным различных социологических опросов, оказываются более удовлетворёнными жизнью и демонстрируют более высокий уровень социального самочувствия. Уровень субъективного благополучия в регионе зависит не только от материальных факторов. Целью исследования¹ является анализ дифференциации в уровне субъективного благополучия населения различных российских регионов, предполагающий выявление и сравнительный анализ факторов, объясняющих эти различия.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда: проект № 18-18-00341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

Основным методом исследования является регрессионный анализ данных социологических опросов, проведённых в 2012 г. по методике «Всемирного исследования ценностей» (WVS)¹ в девяти регионах и городах федерального значения: Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Тамбове, Республике Татарстан, Республике Чувашия, в Алтайском крае, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Башкортостан. Анализ показал, что есть взаимосвязь между уровнем личного дохода и субъективным благополучием, тогда как между богатством региона и уровнем субъективного благополучия взаимосвязи нет. Это можно объяснить тем, что людям важнее их личный доход, нежели уровень дохода в регионе. Кроме уровня дохода, субъективное благополучие в регионе также объясняют другие факторы. В наиболее богатом регионе – городе Москве – также наиболее высок уровень неравенства доходов. И индивидуальный доход, и уровень дохода по сравнению с референтной группой оказывают сильное влияние на субъективное благополучие респондентов из всех регионов, при этом влияние индивидуального дохода выше. Однако в Москве на субъективное благополучие сильнее всего влияет субъективная оценка дохода и удовлетворённость своим финансовым положением, что объясняется высоким уровнем жизни и большим ощущением субъективного неравенства. Влияние других социально-демографических факторов также различается по регионам. В целом исследование подтверждает концепцию Р. Инглхарта о значимой роли материальной составляющей в субъективном благополучии.

Ключевые слова: субъективное благополучие, удовлетворённость жизнью, региональные сравнения, регионы России, Всемирное исследование ценностей, относительный доход, доход референтных групп

В современной России ярко заметны значительные региональные различия не только между столичными городами (Москвой, Санкт-Петербургом) и всей страной в целом, но и между отдельными регионами. Эти различия касаются многих аспектов условий жизни в регионах: уровня дохода и качества жизни, особенностей социокультурной среды, субъективного благополучия, социального оптимизма и пр. По данным различных социологических опросов, россияне, проживающие в удалённых от столицы регионах, где значительно более низкий доход, менее доступная социальная инфраструктура, меньше предложений на рынке труда, а климат может быть весьма суров, оказываются однако более удовлетворёнными своей жизнью и демонстрируют более высокий уровень различных составляющих социального благополучия: личного счастья, уверенности в завтрашнем дне, оценке своего материального благополучия. Например, об этом свидетельствует индекс социального самочувствия исследовательской группы Циркон, рассчитанный в 2008 г. по заказу Института социальной политики для проекта «Индекс конкурентоспособности регионов» [Региональные индексы... 2008]. Этот индекс построен на основе опросных данных проекта «Георейтинг»

¹ Всемирное исследование ценностей (англ. *World Values Survey, WVS*) — исследовательский проект, объединяющий социологов по всему миру, которые изучают ценности и их воздействие на социальную и культурную жизнь. WVS провёл социологические исследования уже в 97 странах, которые охватили в общей сложности 90% населения. Всего проведено 6 раундов исследований общественного мнения с 1981 по 2014 гг. Исследования начались социологом Р. Инглхартом. Диаграмма ценностей стала известна как диаграмма Инглхарта. Информация об истории, методологии и результатах опросов в рамках «Всемирного исследования ценностей» доступна на интернет-сайте: worldvaluessurvey.org.

фонда «Общественное мнение» за 2006–07 гг. по параметрам социальных настроений в 68 регионах и экспертных оценок в 15 регионах. Он состоит из переменных оценки текущей ситуации в регионе, самооценки материального положения и удовлетворённости жизнью. Рассмотрим позиции в этом рейтинге девяти регионов России, анализу субъективного благополучия населения которых посвящена эта статья. Индекс социального благополучия «Циркона» располагает в верхней части рейтинга Томскую область (100 баллов), Республику Башкортостан (79 баллов из максимально возможных 100), Белгородскую область, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО (по 78 баллов), Челябинскую (76), Тюменскую область (74) и заметно ниже – Москву (68) и Санкт-Петербург (65), за ними следуют Республики Татарстан (61) и Чувашия (51), с большим отрывом далее в рейтинге находятся, например, Ленинградская область (39), Кабардино-Балкарская Республика (28) и Алтайский край (24) [Региональные индексы... 2008]. Как видим, согласно рейтингу Циркона на основе индекса социального благополучия, регионы Урала и Сибири опережают столичные города в интегральной оценке социального самочувствия. Рассматриваемые регионы различаются как по географическим условиям, так и по уровню социально-экономического развития. Как отдельные кейсы, они показывают различные жизненные контексты в России, компаративно демонстрируют разные уровни жизни населения и социетального развития в целом – с общероссийской картиной сравниваются два мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург), окружающие их регионы, национальные республики и регионы страны – представители разных макрорегионов.

Другая методика расчёта рейтинга социального самочувствия регионов России, подготовленная Фондом развития гражданского общества в 2013 г. также на основе данных опроса «Георейтинг» Фонда «Общественное мнение», в котором участвовали 56900 респондентов из 79 регионов РФ, помимо вопросов об удовлетворённости своим материальным положением и ситуацией в регионе, включала вопросы о возможном недовольстве руководством региона и желании принять участие в акциях протеста [Рейтинг социального... 2013]. Этот рейтинг относит к группе регионов с очень высокими показателями, например, Санкт-Петербург (74 балла), Татарстан (73), Москву (71), Башкортостан (69), Республику Чувашия (66); к группе с высокими значениями рейтинга – Ленинградскую область (62), со средними показателями – Алтайский край (47 баллов), а к группе с очень низкими – Кабардино-Балкарскую Республику (43 балла, предпоследнее место). Обращает на себя внимание в этом рейтинге не лидирующее место российского региона с наиболее высоким уровнем жизни – города федерального значения Москвы, который обходят, например, второй город-регион страны Санкт-Петербург со значительно менее высоким доходом населения и Республика Татарстан.

Уже ставший «классическим» в социальных науках, индекс субъективного благополучия, предложенный Р. Инглхартом [Inglehart 1990] и рассчитанный для настоящего исследования на данных опроса, собранных по методике WVS в России и ряде её регионов в 2011–12 гг., показывает, что среди респондентов из Москвы уровень удовлетворённости своей жизнью ниже, чем среди опрошенных из всех остальных

представленных на диаграмме регионов, и ниже, чем в стране в целом (см. рис. 1). Оказывается, что наиболее удовлетворённые жизнью россияне живут в Татарстане и других национальных республиках – в порядке убывания индекса – Чувашии, Кабардино-Балкарии, Башкортостане. Согласно методике, индекс субъективного благополучия Р. Инглхарта отражает среднее значение по двум показателям: 1) разница в процентных пунктах между теми, кто считает себя «очень счастливыми» и «счастливыми», и теми, кто выбрал варианты ответа «не очень счастлив» и «несчастлив»; и 2) разница в процентных пунктах между теми, кто указал себя на позициях 7–10 на шкале удовлетворённости жизнью, и теми, кто поместил себя на позициях 1–4 на данной шкале, где 1 балл означает «совершенно не удовлетворён своей жизнью в целом», а 10 – «удовлетворён полностью» [Inglehart 2000]. Преимущество данного индекса в том, что, во-первых, в отличие от простой средней оценки удовлетворённости жизнью или уровня «счастья», он не только комбинирует два типа характеристик удовлетворённости респондента: с помощью вопроса «насколько Вы счастливы» оценивается текущее положение респондента, его эмоциональное состояние, а применение вопроса «в какой мере Вы удовлетворены своей жизнью в целом» позволяет получить представления об оценке респондентом своей жизненной ситуации в более длительном периоде; такой индекс отражает и дифференциацию в уровне субъективного благополучия в определённом регионе.

Очевидно, прямой взаимосвязи между богатством региона, уровнем жизни в нём и удовлетворённости населения своей жизнью нет; например, Татарстан и Башкортостан относительно крупные, экономически диверсифицированные и развитые регионы из числа представленных на рис. 1 и 2, а Кабардино-Балкария – небольшой, небогатый аграрный регион. В Москве не только выше уровень жизни населения, но и значительное экономическое неравенство, что также может оказывать влияние на субъективное благополучие: доля респондентов, выбравших вариант ответа «полностью удовлетворён своей жизнью», в столице России самая низкая (5%) при самом высоком показателе неравенства в стране – в 2011 г. коэффициент фондов равен 27 пунктам (см. рис. 2)¹. Показатели неравенства в 11–12 пунктов (при среднестрановом уровне в 16 пунктов), мы видим в Чувашской и Кабардино-Балкарской Республиках, Алтайском крае, Ленинградской области. В этих регионах также велика доля населения, находящегося за чертой бедности, т. е. получающего доход ниже величины прожиточного минимума, в Алтайском крае и Чувашии в 2011 г. это фактически одна пятая населения региона, а в Кабардино-Балкарии – одна шестая², при этом 18% опрошенных в Кабардино-Балкарии ответили, что «полностью удовлетворены» своей жизнью в целом, что больше, чем, например, в значительно более благополучных в экономическом отношении Татарстане (12% выбрали аналогичный ответ) или Санкт-Петербурге (всего 4%).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-02.htm (Дата посещения: 06.01.2020).

² Там же.

Индекс удовлетворённости своим финансовым положением, рассчитанный по аналогии с вышеуказанным индексом субъективного благополучия и представляющий собой разницу в процентных пунктах между теми, кто разместил себя на позициях 7–10 на шкале удовлетворённости своим финансовым положением и теми, кто отметил на значениях 1–4 на данной шкале (1 балл означает «совершенно не удовлетворён своим финансовым положением», а 10 – «удовлетворён полностью», в российском контексте трактуется скорее как индекс «неудовлетворенности»: только в двух выборках, на которых проводились опросы по методике Всемирного исследования ценностей, мы видим положительные значения этого показателя – в г. Тамбове и Татарстане. Наиболее велико число недовольных своим материальным положением в Кабардино-Балкарской Республике (обратим внимание, что этот регион – лидер по доле респондентов, полностью удовлетворённых своей жизнью, также занимает третье место по уровню субъективного благополучия: см. рис. 1). Следом идёт Ленинградская область, в которой полностью довольны жизнью всего 3% опрошенных, а оценки субъективного благополучия находятся на уровне страны в целом, где пятая часть участников опроса не удовлетворена своим финансовым благополучием.

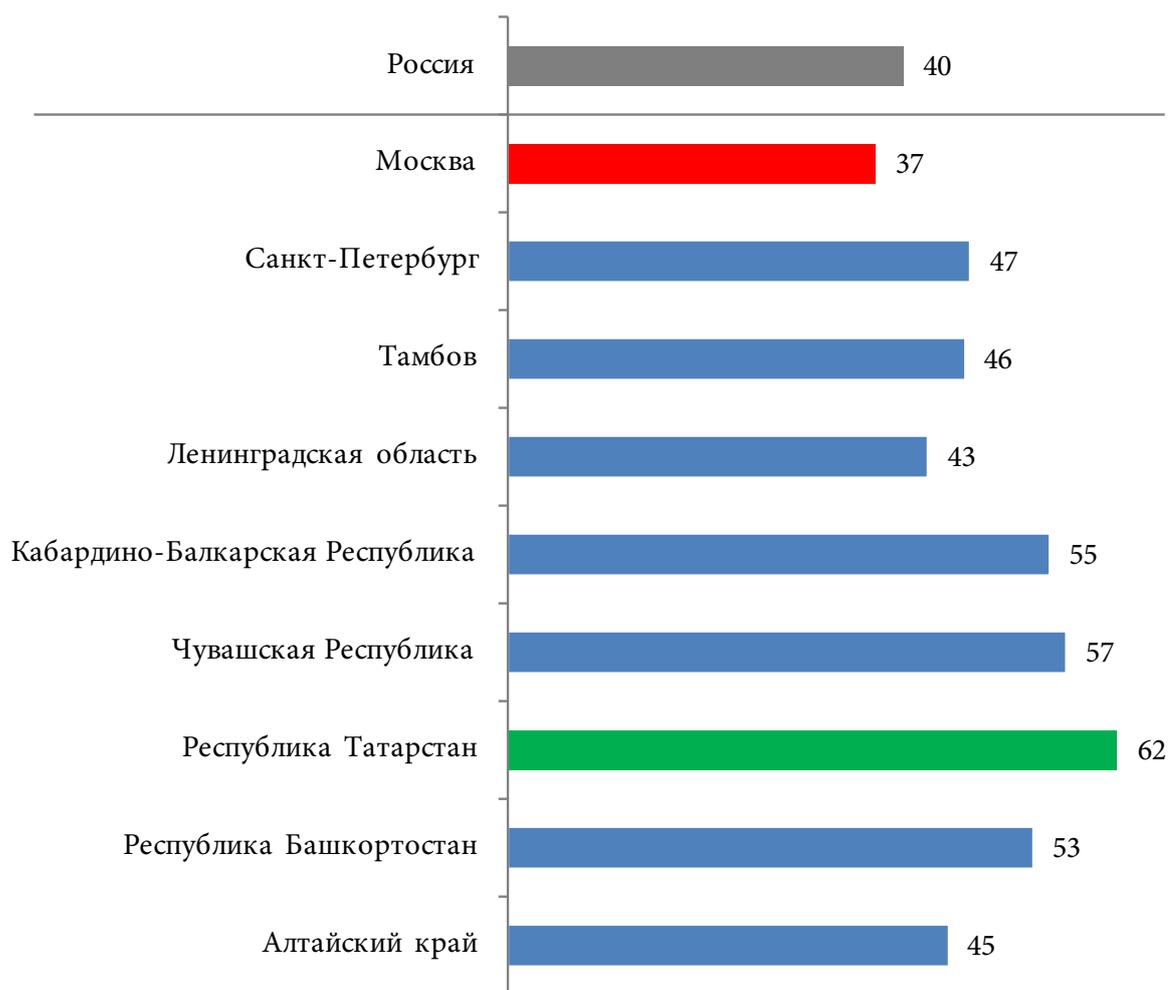

Рис. 1. Индекс субъективного благополучия

Figure 1. Subjective wellbeing index. World values survey, 2011–2012

Источник: данные опроса «Всемирное исследование ценностей», 2011–12 гг. Расчёт авторов.
*Красным и зелёным цветами выделены наиболее высокое и низкое значения индекса.

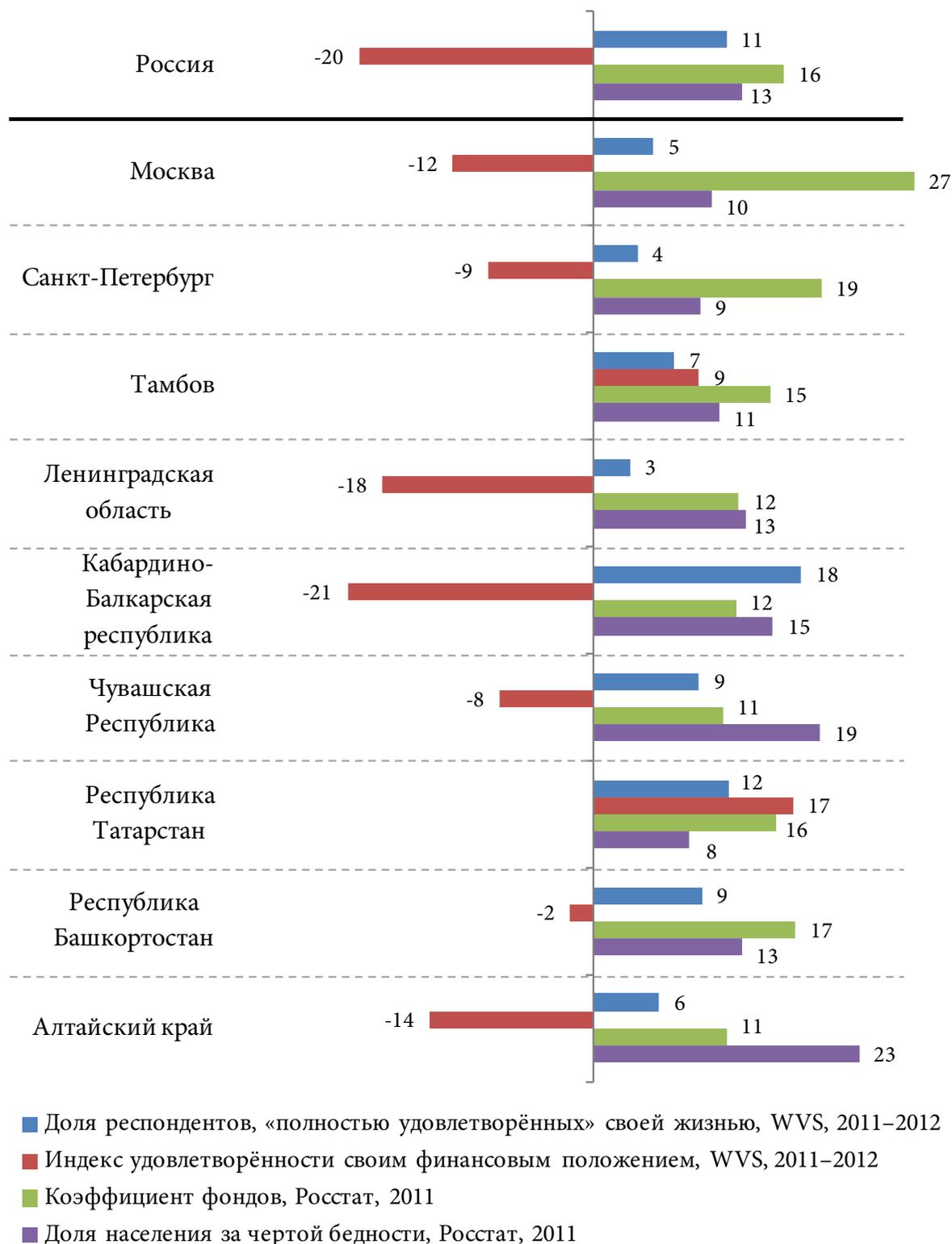

Рис. 2. Удовлетворённость жизнью и показатели уровня жизни в России и некоторых её регионах

Figure 2. Life satisfaction and indicators of living standards in Russia and some of its regions

Источник: Данные опроса «Всемирное исследование ценностей», 2011–12 гг. Расчеты авторов; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012. 5.8. Распределение общего объёма денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2011 г.; 5.12. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения субъекта) // URL: https://gks.ru/bgd/regl/B12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-08.htm; https://gks.ru/bgd/regl/B12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-12.htm (Дата посещения: 06.01.2020).

В Москве ситуация с удовлетворённостью жизнью выглядит более сложной и противоречивой, чем в регионах. Столица – безусловный лидер по доходам населения. Согласно данным Росстата, в 2011 г. среднедушевой ежемесячный доход в столице равнялся 47319 руб., что в два раза выше среднероссийского дохода (20755 руб.) и почти в четыре раза выше среднедушевого дохода населения, например, Кабардино-Балкарии (12636 руб.) или Чувашии (12083 руб.) – регионов, где, согласно данным опроса по методике WVS, проживают куда более довольные своей жизнью и счастливые респонденты. Соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума в Москве составляло в 2011 г. 609%, в то время как в Чувашии всего 264%, в Кабардино-Балкарской Республике – 310%¹. В Алтайском крае соотношение этих показателей ещё ниже (254%), однако значения индекса субъективного благополучия населения в этом регионе выше не только по сравнению, например, с городом-мегаполисом Санкт-Петербургом, но и в среднем по России. Таким образом, несмотря на малоудовлетворительные материальные условия, оценка своего благополучия, счастья и удовлетворённости жизнью в отдельных регионах могут оставаться относительно высокими.

Поскольку связь между доходом и субъективным благополучием прослеживается не во всех регионах, то можно предполагать и влияние факторов социокультурного характера. Возможно, необычное распределение индекса субъективного благополучия в некоторых регионах России (см. рис. 1) связано с тем, что среди населения национальных республик выше доля верующих в Бога: религиозность традиционно положительно связана с субъективным благополучием. Также можно предположить, что в регионах, различных по своему социально-экономическому положению, социокультурной среде и даже географическому положению, на уровень субъективного благополучия будут влиять разные факторы. В данной работе мы ограничим ряд возможных факторов для сравнения набором преимущественно материальных характеристик и сосредоточимся на оценке влияния различных оценок уровня дохода на уровень субъективного благополучия при обязательном контроле некоторых социокультурных факторов, чтобы выяснить, будут ли иметь место различия в объяснении уровня субъективного благополучия населения более и менее благополучных в социально-экономическом отношении регионов России.

Доход как фактор субъективного благополучия. Различные методики измерения дохода в социологических опросах

Субъективное благополучие человека зависит от целого ряда характеристик. Даже рассматривая только спектр показателей материального характера, обнаруживается немало подходов к его изучению

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-02.htm (Дата посещения: 06.01.2020).

среди социологов и экономистов. Одним из основных факторов, влияющих на уровень субъективного благополучия, является материальное благосостояние индивида и социума, в котором он живёт. Однако исследователи дают противоречивые оценки относительно роли как личного дохода, так и социально-экономических особенностей локальной среды в субъективном благополучии.

В соответствии с пирамидой потребностей А. Маслоу, первичными являются физические потребности и потребности в безопасности, и только после того, как они удовлетворены, человек способен думать о потребностях более высокого уровня [Maslow 1943]. Следовательно, можно предположить, что достижение человеком определённого уровня благосостояния является необходимым условием для его удовлетворённости жизнью. Р. Инглхарт доказал на данных социологических опросов, охватывающих широкий круг стран, что между материальными ресурсами и субъективным благополучием есть взаимосвязь. Согласно его концепции модернизации, более обеспеченные индивиды и жители более богатых стран в большей степени довольны своей жизнью [Inglehart 1990]. При этом, когда уровень дохода достигает определённого уровня, его влияние на субъективное благополучие снижается. Иными словами, пока базовые потребности не удовлетворены, для субъективного благополучия человека ключевыми являются материальные потребности, но при достижении определённого уровня субъективного благополучия увеличивается значение постматериалистических ценностей. Длительные периоды экономического процветания в стране ведут к распространению постматериалистических ценностей в обществе, и, напротив, экономический кризис может способствовать росту материалистических ценностей. Кроме того, на субъективное благополучие влияет и уровень экзистенциальной защищённости [Inglehart 2008]. Р. Венховен также подтверждает, что увеличение богатства ведёт к росту субъективного благополучия прежде всего в развивающихся странах, и связывает это с реализацией потребностей по пирамиде Маслоу. Иными словами, материальное благосостояние ведёт к увеличению субъективного благополучия прежде всего через реализацию первичных физических потребностей [Veenhoven 1991]. Однако данная позиция не учитывает того, что доход позволяет удовлетворять не только самые базовые потребности, а на определённом этапе именно реализация потребностей высшего порядка начинает играть более значимую роль.

Э. Динер с соавторами продемонстрировали на анализе данных 55 стран, что высокий доход влияет на уровень субъективного благополучия наряду с индивидуализмом, правами человека и социетальным равенством [Diener et al. 1995a]. Важно, что с данными характеристиками сильнее связана удовлетворённость жизнью человека, чем их оценка своего счастья. Тем не менее значимость переменной дохода исчезает при контроле равенства и индивидуализма. Явной зависимости между ростом дохода и относительным доходом, с одной стороны, и субъективным благополучием – с другой, выявлено не было. В целом субъективное благо-

получие выше в странах, граничащих с более богатыми государствами, хотя эффект не очень сильный. Таким образом, концепция социального сравнения не получила подтверждения на страновом уровне, хотя при изменении референтной группы (например, ориентация на более благополучные страны, которые не являются соседями) ситуация могла бы измениться. Э. Динер и С. Динер показали, что в более богатых странах не только выше уровень счастья, но и в целом качество жизни (социальный порядок, социальная справедливость) [Diener et al. 1995b]. При этом между субъективным благополучием и богатством наблюдается именно линейная зависимость.

Другие исследователи не находят подтверждения влиянию дохода на субъективное благополучие. Согласно «парадоксу Истерлина», в бедных государствах уровень удовлетворённости жизнью в обществе растёт вместе с повышением благосостояния страны, но при достижении более высокого уровня благосостояния уровень субъективного благополучия всё равно остаётся постоянным вследствие дифференциации доходов. Данная тенденция относится и к индивидам, и к странам [Easterlin 1995]. Поэтому А. Алесина и другие авторы обращают внимание прежде всего на то, что субъективное благополучие предсказывается во многом неравенством доходов, причём данный эффект сильнее в Европе, чем в США [Alesina et al. 2004]. Неравенство доходов может оказывать влияние на субъективное благополучие с помощью двух механизмов. Во-первых, равенство доходов в стране может соответствовать представлениям общества о правильном, т. е. «как должно быть». Во-вторых, неравенство доходов может быть индикатором будущего дохода. Согласно первому механизму, эффект неравенства должен быть сильнее для богатых, согласно второму механизму – для бедных. Также эффект отличается в зависимости от представлений об уровне мобильности в обществе. А. Алесина показывает, что в Европе неравенство прежде всего оказывает влияние на бедных и придерживающихся левых политических взглядов, тогда как в США эффект имеет место только среди богатых. Кроме того, с точки зрения Р. Истерлина, люди склонны сравнивать доход со своим окружением, а не с представителями других стран [Easterlin 1974]. Неравенство доходов, в свою очередь, связано с понятиями относительного дохода и относительной депривации. Относительная депривация имеет место в случаях, когда человек не имеет каких-то благ, но представитель референтной группы этим располагает [Runciman 1966]. С. Ицхаки рассматривает понятие депривации в противоположность индивидуальной полезности, которая исчисляется исходя из того, какими благами индивид обладает [Yitzhaki 1982].

По Истерлину, жители богатых стран в целом счастливее жителей стран бедных. Но если благосостояние всего общества увеличивается и в целом структура распределения дохода сохраняется, это не будет оказывать влияния на субъективное благополучие, поскольку люди привыкают к абсолютному доходу, а также рассматривают свой доход относительно него у других членов общества (т. н. «относительный доход»)

[Easterlin 1974]. Увеличение абсолютного дохода с одновременным уменьшением относительного может привести к снижению уровня субъективного благополучия. Согласно концепции разочарованных лидеров (*frustrated achievers*), которая развивает теорию относительной депривации, такая ситуация ведёт к разочарованию и снижению уровня субъективного благополучия. С. Грахам и С. Петтинато показали, что в России и Перу в переходный период на субъективное благополучие в большей степени влиял относительный доход, чем абсолютный [Graham, Pettinato 2002]. Особенно относительный доход имел значение для тех, кто находился в середине распределения доходов в обществе, т. е. для небогатых и небедных страт. При этом важно отметить, что объективные и субъективные оценки дохода часто не совпадали. Х. Брокманн и соавторы на примере Китая показали, что несмотря на общее улучшение экономической ситуации в Китае и повышение доходов у всех групп населения, рост материального неравенства привёл к резкому увеличению доли китайцев с доходами ниже среднего по стране, к которым стало относиться подавляющее большинство населения КНР, что, в свою очередь, привело к снижению общего уровня субъективного благополучия [Brockmann et al. 2009]. Тем не менее в подходе Истерлина недооценивается динамический аспект влияния уровня богатства страны на субъективное благополучие: последующие исследования выявили, что даже в наиболее богатых государствах с увеличением дохода происходит небольшой рост субъективного благополучия [Hagerty, Veenhoven 2003; Veenhoven, Hagerty 2006].

Относительная депривация зависит не только от уровня неравенства в обществе, но и от того, с какими группами индивид себя сравнивает. Например, при распространении эмансипационных ценностей женщины могут сравнивать себя не только с другими женщинами, а с населением в целом, что увеличит их уровень относительной депривации [Yitzhaki 1982]. Кларк и Освальд выявили, что для британских работников удовлетворённость работой не зависит от уровня заработной платы, зато зависит от среднего дохода других работников с такими же характеристиками (*comparison income*) [Clark, Oswald 1996]. Относительная депривация в изучении субъективного благополучия является одним из ответвлений концепции референтных групп. В свою очередь, суть концепции референтных групп состоит в том, что люди при оценке собственной ситуации сравнивают себя с другими [Merton, Kitt 1950; Human 1968; Kelly 1968]. Тем не менее в современных исследованиях часто используется искусственное конструирование референтных групп [Clark, Oswald 1996]. Такой подход имеет ряд преимуществ, поскольку респондентам часто сложно сформулировать, с какими именно группами в обществе они себя сравнивают. Кроме того, такой подход даёт комплексную оценку, так как индивид часто сравнивает себя с разными группами, реализуя различные социальные и профессиональные роли.

В данной статье мы рассмотрим взаимовлияние различных характеристик материального и субъективного благополучия на микроуровне и сопоставим эти факторы по регионам России. Предлагаются следующие гипотезы:

1. Доход по самооценке респондента оказывает значимое влияние на субъективное благополучие во всех изучаемых регионах, однако в наибольшей степени, согласно указанной выше научной литературе, его влияние будет проявляться в регионах с высоким неравенством доходов, менее религиозным населением, более высоким уровнем урбанизации. При значительном неравенстве доходов в регионе, что также может ассоциироваться с урбанизированностью, лица с более скромным доходом чаще могут испытывать депривацию при сравнении себя с более обеспеченными жителями региона. Высокая степень религиозности человека может выступать своеобразным «примиряющим» фактором в случае возможной экономической депривации, смещать сознание в нематериальные аспекты бытия и способствовать удовлетворённости жизнью в целом.

2. Уровень дохода человека по самооценке относительно дохода его референтной группы по самооценке оказывает существенное влияние на субъективное благополучие, причём это влияние выше, чем просто субъективная оценка дохода респондента, так как люди склонны сравнивать свой уровень жизни и свои достижения с окружающими, похожими на них по социальному положению. Субъективное благополучие человека связано с его самоидентификацией в референтной группе, «модельном обществе», к которому респонденты приписывают себя, так что не только абсолютный, но и относительный доход будет коррелировать с удовлетворённостью жизнью, уровнем счастья, субъективным благополучием в целом. Наряду с самооценкой своего уровня доходов и удовлетворённостью финансовым положением в семье, самоопределение человека в аспекте социальной стратификации также является важным фактором субъективного благополучия. Следовательно, расположение респондента в социальной иерархии относительно контрольной группы людей с аналогичными социально-демографическими характеристиками (референтная группа) будет более влиятельным фактором субъективного благополучия, чем сравнение респондента с региональным населением в целом.

3. В нестоличных регионах (не в Москве и не в Санкт-Петербурге) ожидается более значительное влияние факторов ближнего окружения человека (его семейного положения и наличия детей) вследствие иной социокультурной ситуации, в которой более распространены традиционные ценности и придаётся большее значение семейному социальному капиталу.

4. В этнических республиках также может наблюдаться более высокое влияние фактора религиозности, измеряемого с помощью вопроса о степени значимости Бога для респондента.

5. Уровень образования, прежде всего высшего, проявит своё влияние на благополучие респондентов в столичных регионах, так как это в большей степени оказывает влияние на возможности человека на рынке труда и повышает шансы на более высокий доход.

Методика исследования

Поскольку целью нашего исследования является анализ дифференциации в уровне субъективного благополучия населения различных российских регионов и выявление факторов, объясняющих эти различия, то основным методом исследования избран регрессионный анализ опросных данных на индивидуальном уровне.

Эмпирической базой для анализа служат данные шестой волны Всемирного исследования ценностей в России в целом и репрезентативные данные опросов в девяти регионах и городах федерального значения (Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Тамбове, Республике Татарстан, Республике Чувашия, в Алтайском крае, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Башкортостан), собранные по аналогичной методике [Inglehart, Haerpfer et al. 2014].

В качестве зависимой переменной мы используем индекс субъективного благополучия, включающий себя «счастье» и «удовлетворённость жизнью» с одинаковыми значениями веса. Индекс был сконструирован по методике Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Inglehart, Welzel 2005]. «Счастье» отражает эмоциональный компонент счастья, более подвижный, изменяющийся, а «удовлетворённость жизнью» – рациональный, предполагающий самооценку за более длительный период [Diener 1984; Haller, Nadler 2006].

Независимые переменные можно подразделить на несколько блоков. Во-первых, это переменные, отражающие различные аспекты материального положения, включающие удовлетворённость респондента своим финансовым положением, субъективную оценку материального положения, средний доход по выборке. Удовлетворённость финансовым положением является косвенным индикатором относительной депривации респондента. Причина неудовлетворённости финансовым положением кроется не только в бедности, но и в том, что одни люди беднее, чем другие – влияние фактора сравнения и самоидентификации с определённой группой было продемонстрировано с помощью анализа панельных данных в предыдущих исследованиях [D'Ambrosio, Frick 2007; Brockmann et al. 2009].

Кроме того, нами были созданы переменные с целью проверки влияния концепции относительного дохода и концепции позиционной идентичности. Относительная оценка финансового положения измеряется через оценку респондентом своего финансового положения, делённую на среднюю оценку финансового положения в регионе. С целью моделирования условий, с которыми респондент может сравнивать свой уровень жизни и материальное благополучие, нами была сконструирована новая переменная «доход референтной группы», учитывающая возраст, пол, уровень образования, статус занятости, регион, размер населённого пункта и позицию на работе (руководитель или подчинённый). Так, выборка была разделена на 52 референтные группы. В свою очередь для оценки материальной позиции респондента относительно дохода его референтной

группы была создана переменная «доход по сравнению с референтной группой», которая показывает отношение уровня дохода респондента по самооценке к среднему доходу его референтной группы. Ввиду асимметричного распределения переменных дохода, во все модели включены натуральные логарифмы.

В качестве контрольных переменных в моделях использованы возраст, пол (женский), наличие высшего образования, семейное положение (состоит в браке), количество детей, размер населённого пункта, статус на рынке труда (безработный), субъективная оценка здоровья, важность Бога в жизни человека, поскольку различные предыдущие исследования показали, что данные факторы влияют на уровень субъективного благополучия человека.

Результаты

Описательная статистика

В первую очередь целесообразно оценить объективные различия регионов по макрохарактеристикам. Согласно данным Росстата, в 2011 г. средний доход в Москве значительно превышал доходы в других рассматриваемых регионах¹. Ниже всего средний доход был в Кабардино-Балкарии, Чувашии и Алтайском Крае. Однако в Москве намного выше, по сравнению с другими регионами, неравенство доходов населения. Так, среди рассматриваемых регионов, в 2011 г. индекс Джини² выше всего был в Москве, ниже всего – в Ленинградской области, Республике Чувашия и Алтайском Крае. Отношение дохода 10% богатых к 10% бедных также выше всего в Москве и ниже всего – в Ленинградской области, Республике Чувашия и Алтайском Крае. По обоим показателям за Москвой следует Санкт-Петербург, затем Башкортостан. Численность населения с денежными доходами меньше прожиточного минимума выше всего в Чувашии и Алтайском Крае, относительно ниже – в Татарстане, Санкт-Петербурге, Москве и Тамбове. Иными словами, нельзя сказать, что в Москве проживает существенно меньше бедных, чем в других регионах.

Что касается уровня субъективного благополучия респондентов, то, согласно результатам исследования, выше всего оно было в Татарстане, Кабардино-Балкарии и Башкортостане, а ниже всего – в Ленинградской

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-02.htm (Дата посещения: 06.01.2020).

² Индекс Джини (коэффициент концентрации доходов) — показатель, характеризующий степень отклонения фактического объёма распределения денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может изменяться в пределах от 0 до 1. Чем выше значение данного показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе. Эта статистическая модель была предложена и разработана итальянским статистиком и демографом Коррадо Джини и опубликована в 1912 г. в его труде «Вариативность и изменчивость признака».

области и Москве, что не вполне соотносится с объективными оценками доходов населения и требует учёта других факторов для объяснения благополучия населения в этих регионах (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение значений индекса субъективного благополучия по регионам опроса
Distribution of subjective wellbeing index values over surveyed regions
 (World value survey, 2011)

Регион	Среднее значение	Число опрошенных	Стандартное отклонение
Санкт-Петербург	0,6181	973	0,18200
Ленинградская область	0,6042	928	0,17467
Республика Чувашия	0,6518	1026	0,18429
Алтайский край	0,6121	979	0,19607
Кабардино-Балкарская Республика	0,6623	963	0,21339
Республика Башкортостан	0,6531	1034	0,18356
Тамбов	0,6179	966	0,19093
Москва	0,6057	918	0,18912
Республика Татарстан	0,6725	961	0,18281

Источник: Всемирное исследование ценностей, 2011.

Регрессионный анализ

С целью проверки гипотез были построены отдельные регрессионные модели по регионам. Вначале были рассмотрены факторы, влияющие на субъективное благополучие, без включения переменных с характеристиками дохода (см. таблицу 2)¹. Только более высокая оценка здоровья увеличивает уровень субъективного благополучия во всех регионах. Важность Бога в жизни человека также практически везде положительно связана с субъективным благополучием, за исключением Ленинградской области, при этом наиболее высок вклад этот фактора в моделях, построенных на данных опросов в республиках Чувашия и Татарстан.

Зависимость от возраста в форме перевернутой параболы характерна для большинства регионов – Ленинградской области, Чувашии, Алтайского края, Кабардино-Балкарии, Башкортостана и Татарстана. Состоящие в браке более довольны жизнью везде, за исключением Санкт-Петербурга. Количество детей повышает субъективное благополучие в Чувашии, Алтайском Крае и Тамбове. В Москве, напротив, люди с большим количеством детей менее счастливы. Вполне возможно, это связано с тем, что в Москве больше распространены эмансипативные ценности, или с тем, что воспитание ребёнка в столице сопряжено с большими расходами и организационными сложностями интенсивного графика труда в мегаполисе. Женщины счастливее в Ленинградской

¹ Таблицы 2–7 находятся в Приложении к статье.

области, Кабардино-Балкарии и Тамбове. Люди с высшим образованием демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия в Санкт-Петербурге, Москве, Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Алтайском Крае. Фактор безработности значим для субъективного благополучия только в Ленинградской области и Башкортостане. Размер населённого пункта никак не связан с уровнем субъективного благополучия. Интересно, что в Москве, Тамбове и в особенности в Санкт-Петербурге на уровень субъективного благополучия оказывает влияние меньшее число факторов. Например, в данных трёх городах нет влияния возраста, что может быть связано с тем, что в городах уровень субъективного благополучия меньше изменяется в течение жизни. В Москве и Санкт-Петербурге не выявлено влияния пола респондента, и в целом в северной столице не обнаружено влияния факторов, связанных с ближайшим окружением человека – наличия брака и детей. В целом наши первоначальные гипотезы лишь частично подтвердились, притом не показав униформной картины во всех регионах.

В следующий блок моделей мы добавили в качестве независимой переменной удовлетворённость финансовым положением. Как показано в таблице 3, во всех регионах, кроме Ленинградской области, при повышении удовлетворённости финансовым положением, растёт уровень субъективного благополучия. Соответственно, во всех регионах увеличился коэффициент детерминации. В наибольшей степени удовлетворённость финансовым положением связана с субъективным благополучием в Татарстане и Москве. Таким образом, именно в этих регионах выше ощущение депривации, сильнее чувствуется разница между более благополучными и менее благополучными категориями населения. Что касается контрольных переменных, в Татарстане исчез значимый в предыдущей модели эффект высшего образования. В Тамбове и Москве исчезает эффект переменной количества детей, тогда как в Башкортостане, напротив, становится значимым.

В следующих моделях мы проверили влияние субъективной оценки дохода (см. таблицу 4) и этой оценки в логарифмической форме (см. таблицу 5). В целом доход оказывает положительное влияние во всех регионах, и это влияние сильнее, чем удовлетворённость финансовым положением, что видно по стандартизированным коэффициентам и коэффициентам детерминации. Сильнее всего влияние уровня дохода респондентов на субъективное благополучие в Москве, что можно объяснить высоким уровнем неравенства дохода и ощутимыми различиями в качестве жизни между категориями населения. В Москве вклад этого фактора в модель выше, чем влияние состояния здоровья респондента на субъективное благополучие. В наименьшей степени уровень дохода влияет на субъективное благополучие в Тамбове, Кабардино-Балкарии и особенно в Башкортостане. Во всех регионах, кроме Санкт-Петербурга, Тамбова и Москвы, наиболее сильно влияние фактора возраста, затем здоровья, и только потом – дохода.

Важно, что при добавлении в модель субъективной оценки дохода пропадает значимость переменной высшего образования не только в Санкт-Петербурге и Башкортостане, но также в Алтайском Крае и Москве. В целом, индивиды с высшим образованием более высоко оценивают свой уровень дохода и более удовлетворены своим финансовым положением, однако разница в средних оценках не так велика. Получается, что в ряде регионов сложилась социально-экономическая ситуация, при которой высшее образование не гарантирует такого уровня дохода и/или степени удовлетворённости своим материальным положением, которое бы оказывало влияние на субъективное благополучие респондента, т. е. доход может оцениваться высоко или его уровень удовлетворяет респондента вне зависимости от того, есть у него высшее образование или нет.

Кроме того, при добавлении в модель субъективной оценки дохода в Татарстане появляется влияние фактора пола: у женщин выше уровень субъективного благополучия. Влияние наличия супруга и количества детей пропадает в Москве и Тамбове (только при учёте дохода в логарифмической форме). Также в моделях с доходом в логарифмической форме исчезает влияние статуса безработного в Башкортостане, а в моделях просто с оценкой своего дохода в Санкт-Петербурге исчезает эффект религиозности.

Включение в модель логарифма оценки дохода референтной группы (см. таблицу 6) также увеличивает качество моделей по сравнению с моделями без характеристик дохода, однако коэффициенты детерминации и размер коэффициентов ниже, чем в других моделях с характеристиками дохода. Только в Тамбове влияние дохода референтной группы является незначимым. Наибольший эффект доход референтной группы оказывает на субъективное благополучие в Ленинградской области. Как и в моделях с субъективной оценкой дохода, эффект высшего образования сохраняется лишь для Санкт-Петербурга и Башкортостана. Безработные значимо не отличаются от остальных ни в одном из регионов. Количество детей увеличивает субъективное благополучие только в Чувашии и Алтайском Крае. В таблице 7 представлены регрессионные модели с включением переменной уровня дохода респондента по сравнению с доходом его референтной группы, что позволяет нам оценить влияние дистанции оценки дохода человека от средней оценки, которую даёт его референтная группа по региональной выборке. Это субъективное доходное неравенство в наибольшей степени проявляется как влиятельный фактор во всех регионах и наиболее значительно (что ожидаемо), в Москве и Санкт-Петербурге, городах с наибольшей разницей между медианной и средней зарплатой и доходным расслоением. При этом в Москве исчезает влияние на субъективное благополучие факторов ближайшего круга – наличия семьи и детей.

Заключение

Исследование показало, что на субъективное благополучие населения регионов России влияют различные переменные, измеряющие материальное благополучие респондента: удовлетворённость финансовым положением, оценка своего индивидуального дохода, доход референтной группы и доход респондента относительно референтной группы; при этом влияние индивидуального дохода относительно выше. Поскольку субъективная оценка дохода даёт в моделях более ярко выраженные результаты (см. таблицу 4), чем показатели дохода референтной для респондента группы (см. таблицы 6 и 7), можно сделать вывод, что для респондентов в этой выборке регионов России может оказаться более важным не сравнение себя с наиболее похожими по ряду социально-экономических и демографических характеристик людьми, а восприятие своего дохода в контексте уровня жизни и неравенства в регионе в целом. Выявлено, что в Москве субъективная оценка дохода и удовлетворённость финансовым положением сильнее, чем другие переменные, и более значительно, чем в других выборках, оказывает влияние на субъективное благополучие, что может объясняться тем, что в Москве выше уровень жизни, сильнее материальная депривация и острее ощущение субъективного неравенства.

Таким образом, наше исследование подтверждает концепцию Инглхарта о значимой роли материальной составляющей в субъективном благополучии. При этом на региональном уровне важную роль играют также и другие факторы – возраст, семейный статус, состояние здоровья, уровень образования, религиозность, наличие работы, что соответствует теоретическим концепциям, рассмотренным выше. Однако вклад этих факторов в модели, построенные на данных опросов, в разных регионах различен. Так, фактор религиозности, или степени важности Бога для респондента, при включении предикторов материального характера оказывается устойчивым только в национальных республиках и Алтайском крае. Кроме того, по регионам различна относительная важность характеристик дохода. Предположение о связи размера населённого пункта с субъективным благополучием не получило эмпирического подтверждения ни в одной из моделей, ни в одном из регионов. В целом, чем выше субъективная оценка дохода, удовлетворённость своим финансовым положением, доход референтной по структурным признакам группы и близость своего дохода по самооценке к референтной группе, оценка своего здоровья, число детей в семье, как и в принципе наличие семейного статуса, а также при условии, что респондент женского пола, верующий, имеет работу – тем субъективное благополучие выше.

Следует отметить, что наше исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, к сожалению, в располагаемых данных опроса нет информации о размере дохода респондента в денежном выражении. Во-вторых, мы сравниваем регионы в конкретный момент времени и не рассматриваем ситуацию в динамике. В-третьих, в дальнейших исследованиях было бы полезно выявить, какие именно группы индивид считает референтными, и каков вклад их дохода в субъективное благополучие, однако это требует нового опросного инструментария.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Таблица 1 помещена в разделе «Результаты. Описательная статистика»)

Таблица 2 (Table 2)

Регрессионные модели по регионам. Зависимая переменная – индекс субъективного благополучия
Regression models by region. With the dependent variable being the subjective wellbeing index

Индекс субъективного благополучия	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Чувашия	Алтайский Край	Кабардино-Балкария	Башкортостан	Тамбов	Москва	Татарстан
Женский пол	0,009	0,074*	-0,026	-0,042	0,076*	0,018	0,067*	-0,009	0,048
Возраст	-0,302	-0,574***	-0,777***	-1,474***	-0,576**	-0,602***	-0,322	-0,197	-0,560***
Возраст в квадрате	0,254	0,467**	0,596***	1,378***	0,480**	0,518**	0,169	0,194	0,545***
Состоит в браке	0,061	0,129***	0,095**	0,186***	0,184***	0,141***	0,156***	0,146***	0,143***
Количество детей	0,036	-0,005	0,137***	0,135***	-0,027	0,072	0,094*	-0,075*	0,021
Субъективная оценка здоровья	0,453***	0,393***	0,326***	0,406***	0,332***	0,287***	0,324***	0,393***	0,314***
Размер населённого пункта		-0,038	0,022	0,005	-0,040	-0,021			-0,013
Важность Бога в жизни	0,075**	0,057	0,137***	0,118***	0,076**	0,085**	0,115***	0,065*	0,192***
Наличие высшего образования	0,117***	0,041	0,065*	0,075*	0,034	0,116***	0,038	0,085**	0,074*
Безработный	0,000	-0,093**	-0,050	-0,034	-0,049	-0,068**	-0,042	-0,038	-0,018
R ²	0,253	0,231	0,217	0,298	0,169	0,159	0,176	0,212	0,185
Adj. R ²	0,246	0,223	0,210	0,291	0,160	0,151	0,167	0,203	0,177
n	955	916	1020	967	915	1009	824	788	952

Представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты. Уровни значимости: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001 (двусторон.).

Таблица 3 (Table 3)

Регрессионные модели с удовлетворенностью финансовым положением.
Зависимая переменная – индекс субъективного благополучия
Regression models with financial status satisfaction.
With the dependent variable being the subjective wellbeing index

Индекс субъективного благополучия	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Чувашия	Алтайский Край	Кабардино-Балкария	Башкортостан	Тамбов	Москва	Татарстан
Женский пол	0,007	0,075*	-0,020	-0,048	0,083**	0,011	0,072*	-0,007	0,054
Возраст	-0,251	-0,555**	-0,696***	-1,284***	-0,502**	-0,587**	-0,229	-0,162	-0,446**
Возраст в квадрате	0,206	0,452**	0,518***	1,183***	0,425*	0,503**	0,077	0,150	0,432**
Состоит в браке	0,046	0,126***	0,087**	0,172***	0,170***	0,136***	0,148***	0,109**	0,119***
Количество детей	0,042	-0,005	0,134***	0,133***	-0,031	0,080*	0,082	-0,058	0,032
Субъективная оценка здоровья	0,444***	0,393***	0,311***	0,380***	0,311***	0,274***	0,292***	0,335***	0,249***
Размер населённого пункта		-0,038	0,016	0,002	-0,043	-0,007			0,007
Важность Бога в жизни	0,077**	0,055	0,137***	0,115***	0,078*	0,089**	0,106***	0,075*	0,150***
Наличие высшего образования	0,103***	0,040	0,061*	0,067*	0,025	0,114***	0,046	0,067*	0,052
Безработный	-0,008	-0,089**	-0,049	-0,032	-0,047	-0,061*	-0,049	-0,014	0,001
Удовлетворённость финансовым положением	0,187***	0,041	0,126***	0,169***	0,132***	0,123***	0,175***	0,242***	0,317***
R ²	0,287	0,231	0,233	0,325	0,184	0,174	0,209	0,266	0,276
Adj. R ²	0,280	0,222	0,224	0,317	0,174	0,165	0,199	0,257	0,268
n	955	915	1020	967	912	1008	815	781	952

Представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты. Уровни значимости: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001 (двусторон.).

Таблица 4 (Table 4)

Регрессионные модели с уровнем дохода по самооценке.
 Зависимая переменная – индекс субъективного благополучия
*Regression models with self-evaluated income level.
 With the dependent variable being the subjective wellbeing index*

Индекс субъективного благополучия	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Чувашия	Алтайский Край	Кабардино-Балкария	Башкортостан	Тамбов	Москва	Татарстан
Женский пол	0,035	0,074*	-0,023	-0,030	0,065*	0,018	0,081*	-0,004	0,068*
Возраст	-0,314	-0,534**	-0,605***	-1,301***	-0,459*	-0,581***	-0,155	-0,189	-0,569***
Возраст в квадрате	0,274	0,467**	0,450**	1,226***	0,390*	0,506**	0,022	0,208	0,590***
Состоит в браке	0,031	0,103***	0,081**	0,153***	0,181***	0,129***	0,130***	0,054	0,124***
Количество детей	0,053	-0,005	0,133***	0,126***	-0,034	0,071	0,085*	-0,031	0,015
Субъективная оценка здоровья	0,387***	0,358***	0,288***	0,343***	0,290***	0,265***	0,282***	0,304***	0,273***
Размер населённого пункта		-0,037	0,031	-0,027	-0,048	-0,028			0,039
Важность Бога в жизни	0,048	0,042	0,114***	0,108***	0,083**	0,079**	0,080*	0,078*	0,158***
Наличие высшего образования	0,074**	0,004	0,033	0,023	0,036	0,094**	0,022	0,027	0,054
Безработный	0,010	-0,063*	-0,049	-0,024	-0,047	-0,058*	-0,027	0,001	-0,005
Субъективная оценка дохода	0,295***	0,277***	0,214***	0,252***	0,191***	0,150***	0,190***	0,355***	0,263***
R ²	0,332	0,299	0,256	0,345	0,197	0,180	0,205	0,313	0,247
Adj. R ²	0,325	0,290	0,248	0,338	0,187	0,171	0,195	0,304	0,238
n	947	910	1015	960	902	992	788	768	947

Представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты. Уровни значимости: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001 (двусторон.).

Таблица 5 (Table 5)

Регрессионные модели с уровнем дохода в логарифмической форме.
 Зависимая переменная – индекс субъективного благополучия
Regression models with income level in logarithmic form.
With the dependent variable being the subjective wellbeing index

Индекс субъективного благополучия	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Чувашия	Алтайский Край	Кабардино-Балкария	Башкортостан	Тамбов	Москва	Татарстан
Женский пол	0,031	0,071*	-0,028	-0,037	0,068*	0,021	0,078*	-0,007	0,065*
Возраст	0,293	-0,516**	-0,597***	-1,278***	-0,515**	-0,559**	-0,172	-0,220	-0,563***
Возраст в квадрате	0,255	0,455**	0,445**	1,205***	0,443*	0,488**	0,035	0,249	0,584***
Состоит в браке	0,027	0,100**	0,077*	0,141***	0,179***	0,128***	0,133***	0,060	0,125***
Количество детей	0,054	-0,005	0,133***	0,133***	-0,029	0,066	0,085	-0,033	0,012
Субъективная оценка здоровья	0,392***	0,366***	0,287***	0,343***	0,300***	0,265***	0,291***	0,308***	0,269***
Размер населённого пункта		-0,044	0,027	-0,025	-0,047	-0,027			-0,032
Важность Бога в жизни	0,058*	0,048	0,121***	0,110***	0,090**	0,086**	0,089**	0,082**	0,167***
Наличие высшего образования	0,081***	0,004	0,040	0,027	0,036	0,096**	0,021	0,038	0,058
Безработный	0,015	-0,056*	-0,043	-0,019	-0,050	-0,053	-0,028	0,006	0,002
Субъективная оценка дохода (в логарифмической форме)	0,277***	0,288***	0,215***	0,260***	0,163***	0,160***	0,161***	0,349***	0,256***
R ²	0,322	0,305	0,257	0,349	0,188	0,183	0,196	0,310	0,244
Adj. R ²	0,315	0,296	0,249	0,341	0,178	0,174	0,186	0,301	0,235
n	947	910	1015	960	902	992	788	768	947

Представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты. Уровни значимости: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001 (двусторон.).

Таблица 6 (Table 6)

Регрессионные модели с уровнем дохода референтной группы.
 Зависимая переменная – индекс субъективного благополучия
*Regression models with reference group's income level.
 With the dependent variable being the subjective wellbeing index*

Индекс субъективного благополучия	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Чувашия	Алтайский Край	Кабардино-Балкария	Башкортостан	Тамбов	Москва	Татарстан
Женский пол	0,034	0,064*	-0,026	-0,032	0,073*	0,022	0,067*	0,000	0,054
Возраст	-0,328	-0,564***	-0,648***	-1,359***	-0,528**	-0,597***	-0,284	-0,240	-0,548***
Возраст в квадрате	0,324	0,513**	0,499**	1,288***	0,457*	0,530**	0,146	0,278	0,570***
Состоит в браке	0,057	0,118***	0,088**	0,154***	0,183***	0,133***	0,149***	0,133***	0,125***
Количество детей	0,035	-0,013	0,131***	0,143***	-0,033	0,071	0,093*	-0,075*	0,026
Субъективная оценка здоровья	0,439***	0,379***	0,303***	0,376***	0,314***	0,269***	0,330***	0,374***	0,292***
Размер населённого пункта		-0,044	0,029	-0,021	-0,046	-0,029			-0,031
Важность Бога в жизни	0,060*	0,053	0,129***	0,116***	0,085**	0,083**	0,116***	0,067*	0,174***
Наличие высшего образования	0,065*	0,008	0,042	0,028	0,030	0,097**	0,033	0,045	0,055
Безработный	0,024	-0,047	-0,038	-0,014	-0,046	-0,047	-0,034	-0,004	0,010
Доход референтной группы	0,165***	0,249***	0,145***	0,188***	0,110***	0,146***	0,038	0,144***	0,192***
R2	0,275	0,286	0,234	0,323	0,177	0,178	0,180	0,228	0,217
Adj. R ²	0,267	0,277	0,226	0,315	0,167	0,168	0,170	0,218	0,208
n	947	910	1015	960	902	992	788	768	947

Представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты. Уровни значимости: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001 (двусторон.).

Таблица 7 (Table 7)

Регрессионные модели с уровнем дохода по сравнению с доходом референтной группы.
 Зависимая переменная – индекс субъективного благополучия
*Regression models with income level in comparison to reference group's income.
 With the dependent variable being the subjective wellbeing index*

Индекс субъективного благополучия	Санкт-Петербург	Ленинградская область	Чувашия	Алтайский Край	Кабардино-Балкария	Башкортостан	Тамбов	Москва	Татарстан
Женский пол	0,009	0,081**	-0,026	-0,049	0,069*	0,017	0,071*	-0,027	0,057
Возраст	-0,303	-0,559**	-0,737***	-1,424***	-0,617**	-0,594***	-0,228	-0,133	-0,566***
Возраст в квадрате	0,224	0,452**	0,547***	1,320***	0,517**	0,507**	0,067	0,090	0,547***
Состоит в браке	0,036	0,122***	0,086**	0,176***	0,178***	0,135***	0,137***	0,078*	0,139***
Количество детей	0,057	-0,007	0,139***	0,125***	-0,019	0,071	0,081	-0,032	0,007
Субъективная оценка здоровья	0,403***	0,379***	0,307***	0,376***	0,313***	0,283***	0,287***	0,329***	0,298***
Размер населённого пункта		-0,038	0,023	0,004	-0,033	-0,022			-0,017
Важность Бога в жизни	0,059*	0,049	0,126***	0,113***	0,080**	0,085**	0,080*	0,078*	0,183***
Наличие высшего образования	0,123***	0,040	0,065*	0,079**	0,049	0,113***	0,036	0,102***	0,076*
Безработный	-0,001	-0,093***	-0,051	-0,036	-0,048	-0,068*	-0,046	-0,040	-0,019
Доход по сравнению с референтной группой	0,232***	0,140***	0,165***	0,150***	0,140***	0,063*	0,173***	0,286***	0,160***
R ²	0,306	0,248	0,243	0,318	0,183	0,163	0,201	0,292	0,211
Adj. R ²	0,299	0,239	0,234	0,311	0,173	0,154	0,191	0,282	0,202
n	954	914	1018	965	908	1000	816	784	950

Представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты. Уровни значимости: *p<0,05, **p<0,01, ***p<0,001 (двусторон.).

Библиографический список

Региональные индексы социальных настроений. Процедуры построения индексов и итоговые результаты. 2008 // Циркон. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/891/080616.pdf> (Дата посещения: 06.01.2020).

Рейтинг социального самочувствия регионов России. Второй выпуск. Фонд развития гражданского общества. 2013. URL: <http://civilfund.ru/mat/44> (Дата посещения: 06.01.2020).

Alesina A., Di Tella R., MacCulloch R. 2004. Inequality and happiness: are Europeans and Americans different? // *Journal of Public Economics*. № 88 (9–10). P. 2009–2042. DOI: 10.3386/w8198

Brockmann H., Delhey J., Welzel C., Yuan H. 2009. The China puzzle: falling happiness in a rising economy // *Journal of Happiness Studies*. № 10 (4). P. 387–405. DOI: 10.1007/s10902-008-9095-4

Clark A., Oswald A. J. 1996. Satisfaction & Comparison Income // *Journal of Public Economics*. № 61 (3). P. 359–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/0047-2727\(95\)01564-7](https://doi.org/10.1016/0047-2727(95)01564-7)

D'Ambrosio C., Frick J. R. 2007. Income satisfaction and relative deprivation: An empirical link // *Social Indicators Research*. № 81 (3). P. 497–519. <https://doi.org/10.1007/s11205-006-0020-0>

Diener E. 1984. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. № 95 (3). P. 542–575.

Diener E., Diener M., Diener C. 1995a. Factors predicting the subjective well-being of nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 69 (5). P. 851–864. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.69.5.851>

Diener E., Diener C. 1995b. The wealth of nations revisited: Income and quality of life // *Social Indicators Research*. № 36 (3). P. 275–286.

Easterlin R. 1974. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // David P., Reder M. (Eds.). *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honour of Moses Abramovitz*. Academic Press, New York. P. 89–125.

Easterlin R. 1995. Will raising the incomes of all increase the happiness of all? // *Journal of Economic Behaviour and Organization*. № 27(1). P. 35–48.

Easterlin R. 2001. Income and happiness: towards a unified theory // *Economic Journal*. № 111 (473). P. 465–484.

Graham C., Pettinato S. 2002. Frustrated achievers: Winners, losers and subjective well-Being in new market economies // *Journal of Development Studies*. № 38 (4). P. 100–140. DOI: 10.1080/00220380412331322431

Hagerty M. R., Veenhoven R. 2003. Wealth and happiness revisited – Growing national income does go with greater happiness // Social Indicators Research. № 64 (1). P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1024790530822>

Haller M., Hadler M. 2006. How social relations and structures can produce happiness and unhappiness: An international comparative analysis // Social Indicators Research. № 75(2). P. 169–216. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-004-6297-y>

Hyman H. H. 1968. Introduction // Hyman H. H. and Singer E. (Eds). Readings in Reference Group Theory and Research. New York: The Free Press. P. 3–21.

Inglehart R. 1990. Culture Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton University Press, Princeton. 504 p.

Inglehart R. 2000. Globalization and postmodern values // The Washington Quarterly. № 23 (1). P. 215–228.

Inglehart R., Haerpfer G., Moreno A., Welzel C., Kizilova K et al. (eds.). 2014. World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile 2010–2014. Madrid: JD Systems Institute. Version: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV>

Inglehart R. F. 2008. Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // Western European Politics. № 31 (1–2). P. 130–146.

Inglehart R. F., Welzel C. 2005. Modernization, Cultural Change and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press. 344 p.

Kelly H. H. 1968. Two Functions of Reference Groups // Hyman H. H. and Singer E. (Eds) Readings in Reference Group Theory and Research. New York: The Free Press. P. 199–206.

Maslow A. H. 1943. A theory of human motivation // Psychological Review. № 50 (4). P. 370–396.

Merton R. K., Kitt A. 1950. Contributions to the theory of reference group behavior. Glencoe, Illinois: Free Press. (Reprinted in part from Studies in the scope and method of «The American soldier». Edited by R. K. Merton & Paul Lazarsfeld. Glencoe, IL: Free Press.

Runciman W. G. 1966. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth-century England. Berkeley: University of California Press. 352 p.

Veenhoven R. 1991. Is happiness relative? // Social Indicators Research. № 24 (1). P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00292648>

Veenhoven R., Hagerty M. R. 2006. Rising happiness in nations 1946–2004: A reply to Easterlin // Social Indicators Research. № 79 (3). P. 421–436. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-005-5074-x>

Yitzhaki S. 1982. Relative deprivation and economic welfare // European Economic Review. № 17 (1). P. 99–113.

Статья поступила 13.03.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Немировская Анна Валентиновна, кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Соболева Наталья Эдуардовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641

Subjective Well-Being Determinants in Russia: A Regional Perspective

Anna V. Nemirovskaya

National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg, Russia

E-mail: annanemirov@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-2013-0964

Natalya E. Soboleva

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

nsoboleva@hse.ru

ORCID ID: 0000-0001-5171-2196

For citation: Nemirovskaya A. V., Soboleva N. E. Subjective well-being determinants in Russia: a regional perspective. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 54–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641

Abstract. This article reveals that, despite Russian regions being very different from each other when it comes to a great many socio-economic and socio-cultural properties (population income level and living standards, various features of the socio-cultural environment, social optimism, degree of religiosity and so on), those who live in regions far removed from the capital cities, given their lower level of personal income, tend to be more satisfied with their lives and demonstrate a higher level of social wellbeing, according to data from various sociological surveys. Based on empirical data, the authors argue that material aspects are not the only factors which affect subjective wellbeing in any given region. The goal of the study is to analyze the differentiation in the level of subjective wellbeing of the population of various Russian regions, which implies identifying and comparatively analyzing those factors which help interpret these differences. The primary research method is regression analysis of data from sociological surveys conducted in 2012 using the World Values Survey method in nine regions and towns of federal significance: Moscow, Saint-Petersburg, Leningrad Province, Tambov, Tatarstan Republic, Chuvashia Republic, the Altai Krai, Kabardino-Balkaria Republic, Bashkortostan Republic. The analysis showed that there is indeed a connection between one's personal income level and their subjective wellbeing, while there is no such connection between one's subjective wellbeing and how wealthy their region is. This could be explained by the fact that people are more concerned with their personal income level than their region's income. Aside from income level, there are other factors which determine subjective wellbeing in any given region. Moscow is considered to be the wealthiest region, however, it also has the highest level of income inequality. Both individual income and income level in comparison to the reference group considerably affect respondents' subjective wellbeing, regardless of their region of residence. However, individual income has a stronger influence. That said it is in Moscow where subjective evaluation of one's income level and satisfaction with one's material status affect subjective wellbeing to the greatest extent, which is due to the fact that in Moscow both living standards and one's sense of subjective inequality are somewhat higher. The influence of other socio-demographic factors also varies from region to region. For the most part this study confirms Ronald Inglehart's concept of material factors playing a significant role in subjective wellbeing.

Keywords. Subjective well-being, life satisfaction, regional differences, Russian regions, World Values Survey, relative income, reference group income

References

- Alesina A., Di Tella R., MacCulloch R. Inequality and happiness: are Europeans and Americans different? *Journal of Public Economics*, 2008: 88 (9–10): 2009–2042. DOI: 10.3386/w8198
- Brockmann H., Delhey J., Welzel C., Yuan H. The China puzzle: falling happiness in a rising economy. *Journal of Happiness Studies*, 2009: 10 (4): 387–405. DOI: 10.1007/s10902-008-9095-4
- Clark A., Oswald A.J. Satisfaction & Comparison Income. *Journal of Public Economics*. 1996: 61 (3): 359–381. DOI: [https://doi.org/10.1016/0047-2727\(95\)01564-7](https://doi.org/10.1016/0047-2727(95)01564-7)
- D'Ambrosio C., Frick J.R. Income satisfaction and relative deprivation: An empirical link. *Social Indicators Research*, 2007: 81 (3): 497–519. DOI:10.1007/s11205-006-0020-0
- Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984: 95 (3): 542–575.
- Diener E., Diener C. The wealth of nations revisited: Income and quality of life. *Social Indicators Research*, 1995: 36 (3): 275–286.
- Diener E., Diener M., Diener C. Factors predicting the subjective well-being of nations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995: 69 (5): 851–864. DOI: 10.1037/0022-3514.69.5.851
- Easterlin R. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honour of Moses Abramovitz*. Ed. by P. David, M. Reder., New York, Academic Press, 1974: 89–125.
- Easterlin R. Income and happiness: towards a unified theory. *Economic Journal*, 2001: 111 (473): 465–484.
- Easterlin R. Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behaviour and Organization*, 1995: 27 (1): 35–48.
- Graham C., Pettinato S. Frustrated achievers: Winners, losers and subjective well-Being in new market economies. *Journal of Development Studies*, 2002: 38 (4): 100–140. DOI: 10.1080/00220380412331322431
- Hagerty M.R., Veenhoven R. Wealth and happiness revisited – Growing national income does go with greater happiness. *Social Indicators Research*, 2003: 64 (1): 1–27. DOI: 10.1023/A:1024790530822
- Haller M., Hadler M. How social relations and structures can produce happiness and unhappiness: An international comparative analysis. *Social Indicators Research*, 2006: 75 (2): 169–216. DOI: 10.1007/s11205-004-6297-y
- Hyman H.H. Introduction. In: *Readings in Reference Group Theory and Research*. Ed. by H.H. Hyman, E. Singer. New York, The Free Press, 1968: 3–21.
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. et al. (eds.). *World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile 2010–2014*. Madrid: JD Systems Institute, 2014. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV> [accessed: 19.05.20].
- Inglehart R.F. Changing values among Western publics from 1970 to 2006. *Western European Politics*, 2008: 31 (1–2): 130–146.
- Inglehart R.F. *Culture Shift in Advanced Industrial Societies*. Princeton University Press, Princeton, 1990: 504.
- Inglehart R.F. Globalization and postmodern values. *The Washington Quarterly*, 2000; 23(1): 215–228.
- Inglehart R.F., Welzel C. *Modernization, Cultural Change and Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005: 344.
- Kelly H.H. Two Functions of Reference Groups. In: *Readings in Reference Group Theory and Research*. Ed. by H.H. Hyman, E. Singer. New York, The Free Press, 1968: 199–206.
- Maslow A.H. A theory of human motivation. *Psychological Review*, 1943: 50 (4): 370–396.
- Merton R.K., Kitt A. *Contributions to the theory of reference group behavior*. Glencoe, Illinois, Free Press, 1950.
- Rating of social well-being of Russian regions. Second issue. Civil Society Development Foundation, 2013. Available at: <http://civilfund.ru/mat/44> [accessed 06.01.2020] (In Russ.).

Regional indices of social moods. Procedures of index construction and final results. Moscow, Zircon, 2008. Available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/891/080616.pdf> [accessed 06.01.2020] (In Russ.).

Regions of Russia. Socio-economic indicators – 2012. The Rosstat Annual Report. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-08.htm [accessed 06.01.2020] (In Russ.).

Runciman W.G. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth-century England. Berkeley: University of California Press, 1966: 352.

Veenhoven R. Is happiness relative? Social Indicators Research, 1991: 24 (1): 1–34. DOI: 10.1007/BF00292648

Veenhoven R., Hagerty M. R. Rising happiness in nations 1946–2004: A reply to Easterlin. Social Indicators Research, 2006: 79 (3): 421–436. DOI: 10.1007/s11205-005-5074-x

Yitzhaki S. Relative deprivation and economic welfare. European Economic Review, 1982: 17 (1): 99–113.

The article was submitted on: March 13. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nemirovskaya Anna Valentinovna, Candidate of Sociological Science, Candidate of Philological Science, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University «Higher School of Economics». St. Petersburg, Russia

Soboleva Natalya Eduardovna, Candidate of Sociological Science, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University «Higher School of Economics». Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642

Образы российских политических лидеров в представлении молодёжи: семантическая реконструкция

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Образы российских политических лидеров в представлении молодёжи: семантическая реконструкция // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 82–105. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642

For citation: Marin, E. B. Images of Russian political leaders as viewed by youth: a semantic reconstruction. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 82–105. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642

Марин Егор Борисович

Морской государственный университет им. Г. И. Невельского,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

egor-marin@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: [377935](#)

Аннотация. В публикации представлены материалы семантической реконструкции образов российских политических деятелей в представлении учащейся молодёжи по материалам эмпирического исследования, проведённого в 2018 г. В ходе исследования были опрошены студенты высших учебных заведений и среднего профессионального образования Приморского края. Проведённая семантическая реконструкция образов российских политических деятелей позволила выявить как содержательные, так и структурные характеристики каждого образа. Была определена категориальная структура семантического пространства представлений о политических лидерах. К общим категориям, выделенным на основе ассоциаций, относятся прежде всего «лидерские», «нравственные и человеческие качества», «интеллектуальные», «отрицательные личностные качества» и «политическая символика». Данные категории, выделенные на материале ассоциаций, имеют чёткие параллели в категориях, полученных с применением факторного анализа данных семантического дифференциала. К общим категориям оценивания лидеров по данным СД относятся прежде всего «Интеллектуальные и лидерские качества», «Корыстность и лицемерие – доброта», «Агрессивность и грубость – внешняя привлекательность». В составе категории «негативные личностные качества» можно проследить подкатегории, обратные (зеркальные) положительным качествам (глупость противоположна интеллектуальности и мудрости, агрессивность обратна доброте). Кроме того, были выявлены содержательные характеристики образов 4-х ведущих российских политических деятелей в представлении молодёжи. Сравнительный анализ образов российских политиков показывает, что положительные личностные качества в представлении респондентов наиболее выражены

у В. Путина и Р. Кадырова. При этом оба являются носителями так называемых «лидерских качеств» и высоких морально-нравственных характеристик. Такие данные соответствуют запросу современного российского общества на компетентного, волевого и нравственно положительного лидера. В целом выявленные категории и группы качеств позволяют реконструировать структуру организации субъективного опыта восприятия политических лидеров и политического мышления молодых россиян. Данные, полученные в настоящем исследовании, могут быть полезны для последующих исследований политического сознания, использованы политическими лидерами и партиями в практической работе.

Ключевые слова: образ, политический лидер, политическое сознание, психосемантика, студенты, Приморье, молодёжь

Для россиян восприятие политической власти и государства в силу исторических причин имеет персонифицированный характер, т. е. политические институты и явления воспринимаются через личности лидеров. Отсюда особая значимость темы личности политика и особенностей её восприятия населением.

Поскольку в российском обществе растёт запрос на перемены (по результатам социологических исследований), представляется полезным обратиться к теме восприятия российских лидеров. Изучение образов политических лидеров может позволить понять, кого молодые россияне воспринимают достаточно компетентным, чтобы доверить ему руководство государством. Ещё более важно понять, какие категории лежат в основе молодёжных оценок.

Цель данного исследования – реконструировать образы ряда ведущих российских политических деятелей, а также выявить категории, через которые общественное сознание воспринимает политических лидеров. Опрос был сконцентрирован на молодых поколениях россиян, от которых будут зависеть изменения в государстве.

Изученность темы

Изучение образов политических объектов ведётся на стыке нескольких дисциплин – политологии, социологии, политической психологии.

Один из ведущих центров изучения политической психологии сформировался на кафедре социологии и психологии политики МГУ им. Ломоносова. В авторской методике, разработанной под руководством Е. Б. Шестопаля, изучаются как рациональный, так и бессознательный компоненты образа политического лидера [Шестопаля и др. 1996; 2012а; 2012б; Зверев, Палитай 2016].

По мнению автора, сложилась социально одобряемая система требований к политикам: они должны быть честными, умными и т. д. Однако избиратель может делать выбор под влиянием иных ценностей, среди которых возможны иррациональные, влияющие на образ поли-

тика и отношение к нему. В таком случае возникает диссонанс между материалами социологических опросов и результатами голосования. Можно предположить, что при наличии противоречий между рациональными и неосознаваемыми компонентами отношения к политику избиратель во время выбора скорее будет руководствоваться неосознаваемым отношением, основанным на эмоциях.

Близким по тематике является направление в политической психологии, изучающее образ власти. В рамках этого направления созданы интересные методики использования проективных методов. Например, С. В. Нестеровой принадлежит методика оценки образа политической власти по нескольким базовым шкалам: сила – слабость, активность – пассивность, агрессивность – неагрессивность [Нестерова 2002]. По этой методике она выявляет особенности презентации власти и её восприятия гражданами. Исследователи Н. С. Вершинина, Е. А. Мирицкая и О. И. Муравьёва подошли к изучению сознательных и бессознательных компонентов образа политической власти, используя проективный рисунок социального объекта и тест цветовых отношений, а также вербальные высказывания респондентов [Вершинина и др. 2008].

Восприятие политических лидеров изучается и специалистами в области социологии и политологии (С. Г. Климова и Т. В. Якушева, А. В. Затонских, Д. М. Дурдин, Л. Г. Бызов, Ю. М. Баскакова и др.) [Климова, Якушева 2000; Затонских 2013; Дурдин 2000; Выборы на фоне Крыма... 2018]. Ими использовались различные методики сбора и анализа данных.

Так, специалисты центра ФОМ С. Г. Климова и Т. В. Якушева применяли для изучения образов политиков регулярные опросы с использованием открытых вопросов: респондентов просили указать главные качества каждого деятеля [Климова, Якушева 2000]. Затем на основе оценок были выделены пять категорий: деловые; нравственные качества; личностные; идеологические (политические) характеристики; диффузные оценки. Внутри каждой из них вычленялись положительные и отрицательные характеристики и формировалось описание образа каждого политика.

В коллективной монографии «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита», эксперты ВЦИОМ анализируют эволюцию политического поведения россиян, характеризуют новые требования к политическим лидерам на рубеже нового электорального цикла [Выборы на фоне Крыма... 2018].

В работе даётся и анализ разных точек зрения на роль личности российского президента В. Путина в становлении политического и социально-экономического устройства России первых десятилетий XXI в. В центре теоретического анализа оказывается персонализм, исходящий из определяющего влияния лидера государства и его специфических личностных особенностей на формирование политического режима и политику государства.

Ещё одним значимым подходом к изучению образов политических лидеров является психосемантический подход. Одним из первых в нашей стране методы психосемантики к изучению политического сознания

применил В. Ф. Петренко. В ряде работ анализировались элементы политического менталитета, изучались имиджи политических лидеров [Петренко 2005; Петренко, Митина 1997; Петренко, Митина 2015; Петренко и др. 2016]. В этих работах была использована авторская психосемантическая методика «Образ политического лидера», включающая ряд утверждений, соответствие которым образу тех или иных известных политиков оценивали респонденты, а также построение многомерных семантических пространств с применением факторного и дискриминантного анализа [Петренко и др. 2016; Митина, Петренко 2018].

В. С. Собкин совместно с М. А. Мнацаканян применили метод семантического дифференциала для изучения отношения школьников к политическим лидерам [Собкин 1997].

На Дальнем Востоке России психосемантические исследования политического менталитета проводились В. В. Калитой и Е. Б. Мариным [Калита, Марин 2018; Marin et al. 2019]. Например, был разработан и использован в эмпирических исследованиях частный семантический дифференциал «политическая партия» [Марин, Калита 2013].

Выборка

В ходе проведённого нами эмпирического исследования было опрошено 137 респондентов: студентов высшего и среднего профессионального образования в крупнейших городах Приморского края – Владивостоке и Находке, где сконцентрированы почти все крупные учебные заведения: Тихоокеанский государственный медицинский университет (ТГМУ), Морской государственный университет (МГУ им. Г. И. Невельского), Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Филиал Владивостокского университета экономики и сервиса (ВГУЭС) в Находке, Отделение среднего профессионального образования (СПО) филиала ВГУЭС в Находке, Дальневосточный рыбохозяйственный университет.

В опросе приняли участие студенты гуманитарных, технических и медицинских специальностей. Возраст опрошенных от 17 до 25 лет. Опрос проводился зимой–весной 2018 г. В сборе материала приняла участие студентка специальности «психология» ДВФУ Ардагина О. О.

Методы

В исследовании допускались предположения, что в образе политиков сочетаются как рациональные, осознаваемые, так и неосознаваемые характеристики. На формирование образа оказывает влияние общество через транслируемые им требования, личные ценности, представления и интересы как рационального, так и иррационального характера.

Можно также рассматривать этот вопрос с точки зрения теории установок, согласно которой в структуре психологической установки есть аффективный уровень, содержащий эмоциональный компонент; когни-

тивный уровень, включающий в себя те или иные знания, осознанные представления и оценки; поведенческий уровень, предполагающий то или иное поведение по отношению к объекту установки.

С целью отразить различные компоненты образа политических деятелей мы использовали надёжный семантический метод свободных ассоциаций, а также метод проективного рисунка. Метод свободного вербального ассоциативного эксперимента позволяет выявить как рациональные представления, так и компоненты неосознаваемых представлений.

Алгоритм применения методов психосемантики описан в работах В. Ф. Петренко, В. П. Серкина, А. Г. Шмелева [Петренко 2010; 2016; Серкин 2008; Шмелев и др. 1988].

Как полагает В. Ф. Петренко, психосемантические методики полезны при изучении глубинных, часто мало отрефлектированных представлений групп людей. Они могут быть применены при реконструкции системы категорий, применяемых обществом при оценивании политических лидеров, и для определения их места в такой системе категорий [Петренко и др. 2016].

Получив от опрошенных набор ассоциаций к каждому стимулу (ассоциативное поле), мы провели подсчёт частоты встречаемости каждой ассоциации. Затем были выделены основные категории ассоциаций по разработанной авторской методике типологизации материала ассоциаций к подобным стимулам. Ассоциативные универсалии представлены далее в таблицах. Как правило, единичные ассоциации не приводились, за исключением случаев, когда групповых ассоциативных универсалий очень мало (1–2 ассоциации могут носить случайный характер).

Для получения дополнительной информации использовался метод проективного рисунка. Опрашиваемые студенты получили задание нарисовать политических лидеров так, как могут. Полученные рисунки анализировались качественно, выделились наиболее распространённые сюжеты.

Кроме того, характеристики политического сознания молодёжи исследовались с помощью методики униполярного семантического дифференциала (СД). Нами использовался СД для оценки политического лидера, использованный В. С. Собкиным [Собкин 1997], но немного модифицированный (добавлены шкалы).

Матрица первичных данных была подвергнута процедуре факторного анализа по методу главных компонент; метод вращения: вари-макс с нормализацией Кайзера (Extraction Method: Principal Component Analysis. Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization) с использованием компьютерной статистической программы SPSS.

В качестве объектов изучения были выбраны образы четырёх политиков: В. Путина, В. Жириновского, А. Навального и Р. Кадырова (см. таблицу 1). Первые два представляют старшее поколение политиков, которые давно у власти. Два последних являются молодыми политическими деятелями, но уже хорошо известны и представляют различные альтернативные варианты развития государства. Персоналии региональных политиков не включались в работу.

Таблица 1 (Table 1)

Ассоциации респондентов по категориям
Respondents' associations by category

Ассоциации	Стимул			
	Путин	Жириновский	Навальный	Кадыров
Общее количество ассоциаций	245	242	220	186
Лидерские качества	32	11	3	24
Интеллектуальные качества	12	9	2	3
Нравственные и человеческие качества	29	34	4	22
Отрицательные личностные качества	11	67	33	17
Шоу-бизнес		34	31	
Авторитаризм и монархизм	52			20
Политические символы и атрибуты	43	36	96	20
Религиозные и этнические признаки	-	-	-	47
Положительная символика	33	5	6	12
Отрицательная символика	22	25	41	11
Внешние признаки	7	21	4	20

Образ В. Путина

По данным ассоциативного эксперимента ассоциации к стимулу «Путин» плотно наполняют 7 категорий (см. таблицу 2), две из которых («внешние признаки» и «отрицательные личностные качества») слабо наполнены, а одна категория не наполнена вовсе («шоу-бизнес»).

Прежде всего обращает на себя внимание, что действующий президент в представлении опрошенных обладает набором ценных лидерских качеств: сила, лидерство, воля, харизма. Такой набор характеристик означает, что политик воспринимается как очень сильная фигура, подлинный лидер. Ведущей ассоциацией в образе В. Путина является «сила», что соответствует его роли главы страны.

Нравственные и человеческие качества В. Путина в представлении опрошенных: доброта, надёжность, честность, спокойствие и т. д. Кроме того, политик воспринимается и как носитель таких важнейших интеллектуальных качеств, как мудрость и ум.

Таким образом, респонденты видят в главе государства широкий набор положительных лидерских и человеческих качеств. Большое место в его образе занимают морально-нравственные и волевые характеристики, интеллектуальные качества. Лидер страны предстаёт сильным, волевым, мудрым, и вместе с тем добрым и надёжным человеком.

Президент В. Путин прежде всего ассоциируется с группой политических явлений, которую мы объединили понятием «авторитаризм и монархизм», где на первом месте ассоциативная универсалия «власть», что вполне традиционно, а высокая доля этой универсалии в общем

объёме ассоциаций показывает «насыщенность» властностью образа президента. Кроме того, в групповом семантическом пространстве с этой фигурой связаны значения: царь, главный, КГБ, тоталитаризм, культ, вечный, что показывает оттенки восприятия лидера. Все это коннотации ключевого понятия «власть». Таким образом, категория «авторитаризм и монархизм» имеет богатое содержание.

Таблица 2 (Table 2)

Ассоциации респондентов: стимул «Путин»
Respondents' associations: stimulus "Putin"

Категории	Ассоциации (245)
Лидерские качества – 32	Сила (13), лидер (9), сдержанный (4), воля (2), харизма (2), целеустремлённый (2)
Интеллектуальные качества – 12	Ум (8), мудрость (4)
Нравственные и человеческие качества – 29	Добрый (6), надёжность (ответственность) (5), честность (5), спокойствие (4), весёлый (2)
Отрицательные личностные качества – 11*	Хитрый (4), вор (2), глупость (2), безразличный (2)
Шоу-бизнес	-
Политические символы и атрибуты – 43	<i>Символика государства:</i> Президент (15), Россия (6), внешняя политика (5), демократия (3), медведь (4), флаг РФ (2), политик (2), налоги (2)
Авторитаризм и монархизм – 52	Власть (18), царь (7), КГБ (3), тоталитаризм (3), культ (2), вечный (2), главный (2)
Положительная символика – 33	<i>Стабильность:</i> стабильность (8), продолжительность (4), процветание (2), стратегия (2) <i>Положительные эмоции:</i> надежда (2), уважение (2), Солнце (свет) (2), гордость (2)
Негативная символика – 24	Коррупция (6), обещания (4), слова (2), развал (2), неизбежность (2), обман (2)
Внешние признаки – 9	Красавчик (5), спортсмен (2), старый (2)

*Положительные и отрицательные личностные качества выделены, конечно, с известной долей условности. Ряд нейтральных личностных характеристик (например, «эмоциональность») были помещены в категорию нравственных и человеческих качеств.

Ещё одна категория «политические символы и атрибуты» содержит группу ассоциативных универсалий, которую мы объединили характеристикой «символика государства». Она включает статус персоны (Президент), символы российского государства и название страны – Россия, атрибуты государства (внешняя политика, налоги); понятия, относящиеся к политическому режиму. Обращает на себя внимание, что у части опрошенных В. Путин ассоциируется с демократией, а у других с тоталитаризмом и КГБ. Быть может, молодёжи иногда трудно разобраться, при каком режиме они живут.

Довольно информативна по смысловому содержанию и категория «положительная символика». Группу взаимосвязанных по смыслу ассоциаций мы объединили общей характеристикой «стабильность»:

продолжительность, процветание, стратегия, т. е. В. Путин воспринимается как руководитель, связанный со стабильностью в стране. При этом можно отметить отсутствие в образе лидера таких аспектов, как развитие и новизна. Кроме того, с данным лидером в большей степени связаны положительные эмоции (надежда, уважение, гордость). Аффективный компонент его образа в основном положительный.

Однако наличествует и группа негативных ассоциаций, большую часть которых объединяет некое настроение безнадежности, упрёка. Ведущей групповой ассоциативной универсалией в этой категории является «коррупция». Молодёжь в какой-то мере ассоциирует это отрицательное явление с фигурой действующего президента.

Незначительный объём ассоциаций в категории «внешние признаки» показывает, что внешность президента не привлекает особого внимания респондентов. Единичные же ассоциации в этой категории носят скорее негативный характер; иногда становится заметно, что политик стареет. При этом категория оценки «внешность» не вносит заметного ни положительного, ни отрицательного вклада в образ В. Путина.

В целом положительная символика имеет в образе президента намного больший вес, чем негативная. Соответственно, на данный момент фигура В. Путина и проводимая им политика воспринимаются студенческой молодёжью региона со знаком «плюс». При этом, если ярких негативных личностных черт в президенте респонденты не увидели, в ассоциирующейся с ним политической действительности такие черты есть. Наиболее отрицательное политическое явление, связанное у части респондентов с образом главы государства – коррупция.

Проведённый нами анализ содержательных категорий ассоциаций позволяет отметить, что образ В. Путина у молодёжи сильный и положительный, соответствует его посту. Нельзя полностью исключить фактор социальной желательности ответов (хотя опрос проводился анонимно), однако метод ассоциаций в целом уменьшает влияние фактора социальной желательности. Атмосфера проведения опроса была максимально неофициальной, раздававшая бланки студентка отмечала, что целью опроса является написание дипломной работы.

По данным проективных рисунков в изображениях В. Путина можно проследить несколько сюжетов. Во-первых, его портрет представлен на фоне национальных символов государства. Рисунки, где образ В. Путина подан на фоне национально-государственной символики России, составляют 30% от общего объёма изображений данного лидера (для образа других политиков в нашем исследовании данная символика не свойственна). При этом картина подана в выигрышной для политика стилистике – чаще мы видим его молодым, улыбающимся. Можно отметить, что образ российского президента связан с образом самой России. Нередок сюжет, в котором президент изображён в виде царя с соответствующими атрибутами царской власти – короной, тронном и т. д.

В нескольких рисунках он представлен участником международной деятельности: в переговорах или в компании мировых лидеров. В этом случае отразилась функция главы государства – представле-

ние России на мировой арене. В нескольких рисунках подчёркнуты сила и загадочность образа В. Путина: один из респондентов изобразил его в образе супергероя из американских фильмов.

Практически во всех случаях В. В. Путин изображался как крупная фигура, что означает большой масштаб личности данного персонажа. Выражение лица нейтральное или показана улыбка. Общая стилистика имеет положительный характер. Выигрышными являются ассоциации с атрибутикой царской власти или символикой государства Российского, которые можно трактовать как высокую оценку его положения. В целом данные проективных рисунков полностью соответствуют данным ассоциативного эксперимента.

Образ В. Жириновского

По данным ассоциативного эксперимента в молодёжном восприятии В. Жириновский обладает определёнными чертами, которые можно назвать лидерскими – силой, доминантностью, амбициозностью. Однако степень частоты встречаемости соответствующих ассоциаций ниже, чем у В. Путина. Это же касается и наполненности образа политика интеллектуальными качествами.

В категории «Нравственные и человеческие качества» присутствуют такие положительные характеристики, как честность, прямота, справедливость.

К качествам характера В. Жириновского респонденты относят группу свойств, которую мы объединили характеристикой «эмоциональность». Данный лидер воспринимается как эмоциональный и эксцентричный человек.

В категории «отрицательные личностные качества» мы сгруппировали ряд близких по смыслу значений в интегральную характеристику «агрессивность». Политик ассоциируется с понятиями «агрессивный», «несдержанный», «скандальный», «злость».

Аналогичную группу ассоциаций «агрессивность» мы выделили в составе категории «негативная символика». Здесь преобладают поведенческие маркеры (маты¹, крик, неуместность, драки, споры). Ряд респондентов допустили ругательства в адрес политика, что говорит о весьма негативном отношении. Высокая доля ассоциаций с агрессией (эти ассоциации имеют долю около 30% в общем объёме семантического пространства стимула) позволяет говорить, что агрессивность является важнейшей характеристикой облика данного политика.

В категории «шоу-бизнес» можно выделить ряд значений, связанных с понятием «шут»: (клоун, цирк, мем, спектакль). В представлении значительной части респондентов В. Жириновский имеет образ шута или клоуна. Также этот политик ассоциируется с телевидением, которое он так часто использует для своих эксцентричных выступлений.

¹ Данным словом молодёжь обозначает нецензурную лексику

В категории «политические символы и атрибуты» присутствует ряд ассоциаций с политической карьерой В. Жириновского (ЛДПР, дебаты, Дума, трибуна, политик). Респонденты ассоциируют его с соответствующей партией и Думой, данный персонаж хорошо идентифицируется обществом. При этом есть групповые ассоциации с армией и войной, возможно потому, что они были упомянуты в ряде речей политика.

Немногочисленные вошедшие в ассоциативный ряд внешние признаки показывают, что политик воспринимается как «громкий» и «старый». Более слабо В. Жириновский ассоциируется с положительной символикой: значения «честный», «известный», «самоуверенный».

Ведущие групповые ассоциативные универсалии стимула «Жириновский»: агрессивный, ЛДПР, громкий, несдержанный, шут, сила, честность, эмоциональный, маты, цирк и т. д. (см. таблицу 3).

Таблица 3 (Table 3)

Ассоциации респондентов: стимул «Жириновский»
Respondents' associations: stimulus "Zhirinovskiy"

Смысловые группы	Ассоциации (242)
Лидерские качества – 11	Сила (7), активный (2), доминантный (2)
Интеллектуальные качества – 9	Ум (3), интеллект (2), грамота (2), образованность (2)
Нравственные и человеческие качества – 34	<i>Нравственные качества:</i> честность (7), прямота (3), справедливость (2) <i>Эмоциональность:</i> эмоциональный (7), прямолинейный (5), эксцентричный (4), весёлый (3), вспыльчивость (2)
Отрицательные личностные качества – 67	<i>Агрессивность:</i> агрессивный (18), несдержанный (8), злость (4) скандальный (6), грубый (2), крик (2), лицемерие (2), вульгарный (2), конфликтный (2) <i>Неуравновешенность:</i> неадекватный (8), невменяемый (4)
Шоу-бизнес – 34	<i>Шут:</i> шут (8), цирк (6), шоу (4), смешной (2), спектакль (2), мем (2), клоун (2) <i>ТВ:</i> телепередача (2), внушение (2)
Политические символы и атрибуты – 36	<i>Политика:</i> ЛДПР (12), дебаты (4), Дума (3), оратор (3), трибуна (3), политик (3) <i>Война:</i> война (2), армия (2)
Положительная символика – 5	Правда (1), красавчик (1), молоточек (1), известный (1), самоуверенный (1)
Негативная символика – 25	<i>Агрессивность:</i> маты (6), крик (4), неуместность (2), свинья (2) <i>Хаос:</i> абсурд (2), бред (2), необъективность (1), баран (1), критика (1), грех (1), возмущение (1), беспринципность (1)
Внешние признаки – 21	Громкий (9), старый (6), очки (2), большой (2)

По данным проективных рисунков наиболее распространённым сюжетом изображений В. Жириновского является образ оратора, нуждающегося в аудитории. При этом респонденты довольно хорошо прорисовали лицо политика и его костюм.

Типичная поза, в которой лидер ЛДПР предстаёт на данных рисунках, – с поднятой вверх рукой и воздетым или направленным вперёд указательным пальцем. Изображения лидера в данной позе довольно часты. Можно трактовать этот жест как привлечение внимания.

На лице политика присутствуют эмоции, обычно гнев или раздражение, агрессия (типично изображение вскинутых бровей и опущенных уголков рта). На большинстве рисунков рот изображён открытым (иногда даже гиперболизирован), его детали хорошо прорисованы. Обычно чётко изображены губы и зубы. В целом можно предположить, что такой набор элементов свидетельствует об агрессивности и вербальной активности образа В. Жириновского в восприятии людей. Также во многих рисунках представлено текстуальное содержание некоторых фраз из его выступлений. Нередко это грубости или оскорбления, с которыми ассоциируется у молодёжи данный персонаж.

Среди типичных атрибутов политика отмечен деловой костюм, что соответствует сюжетам изображений и его политической роли. Другим типичным атрибутом в ряде рисунков является шутовской колпак (образ шута или клоуна).

Таким образом, данные проективных рисунков полностью соответствуют материалу ассоциаций. Эмоциональный фон большинства рисунков напряжённый или агрессивный, неприятный. При этом образ политика экспрессивен, энергичен.

В результате образ В. Жириновского оказывается весьма противоречивым. Большая часть опрошенных воспринимает его как агрессивного, неуравновешенного политического клоуна, активно использующего в своих интересах телевидение. При этом другой, меньшей частью респондентов он воспринимается как честный и грамотный политик. Налицо поляризация в представлениях молодёжи о данном политическом акторе.

Образ А. Навального

По данным ассоциаций к стимулу «Навальный» анализ показывает слабую наполненность категорий «лидерские качества», «нравственные и человеческие качества» и «интеллект». В этих категориях присутствуют практически только единичные ассоциации. Образ политика очень «слаб» по ключевым категориям оценивания политического лидера.

Напротив, плотно наполнены категории «отрицательные личностные качества», «негативная символика», а также «политические символы и атрибуты», «шоу-бизнес».

Анализ отражённых в материалах представлений о личностных качествах Алексея Навального показывает преобладание отрицательных характеристик образа над положительными. Положительные качества политика представлены понятиями «ум», «честность», «сила».

Отрицательные характеристики более многочисленны. Первую группу отрицательных черт личности (лицемерие, ложь, хитрость, фальшь) можно объединить понятием «лицемерие». Такой набор качеств свидетельствует о недоверии части респондентов к личности Навального. Вторая группа отрицательных черт (злость, наглость, скандальный) может быть объединена понятием «агрессивность».

Смысловой анализ показывает, что данный политик ассоциируется молодёжью в основном с атрибутами его политической деятельности. В категории «политические символы и атрибуты» мы выделили две интегральные характеристики: «протест» и «борьба с коррупцией».

Ведущими групповыми ассоциациями в составе интегральной характеристики «протест» являются «митинги», «оппозиция», «2018», «акции протеста». Ассоциативные универсалии «ФБК», «коррупция», «расследование» мы объединили в интегральную характеристику «борьба с коррупцией».

Таким образом, яркая политическая деятельность А. Навального обеспечивает ему узнаваемость у молодёжи. Однако восприятие этой деятельности носит, как можно заключить, часто негативный эмоциональный оттенок. Так, в категории «негативная символика» большое количество отрицательных ассоциаций (маты, крик, зелёнка¹, судимость и т. д.), которые мы объединили обобщённой характеристикой «хаос». Только небольшая группа нейтральных и положительных ассоциаций (молодёжь, борьба, изменения) может быть выделена в характеристику «положительная символика».

Интересна категория ассоциаций «шоу-бизнес». Групповые ассоциации «шут», «цирк», «клоун» показывают наличие в образе политика черт актёра. Как представляется, это невыигрышная для него особенность имиджа.

Родственной по смыслу является группа ассоциаций (пиар, видеоблог, внушение, хайп), которые по общему значению мы объединили в характеристику «пиар».

Наличие плотно наполненной ассоциациями категории «шоу-бизнес» означает, на наш взгляд, что Навальный и сознательно, и на бессознательном уровне воспринимается многими респондентам театральной персоной, своего рода «политическим актёром».

Ведущие групповые ассоциативные универсалии стимула «Навальный»: митинги, 2018, ФБК, оппозиция, маты, лицемерие, ложь, обман, зелёнка, шут.

Обобщённый образ Навального в представлении молодёжи по результатам исследования ассоциаций: политик, руководящий митингами и расследованиями коррупции, имеет черты шута и лицемера. Это образ, насыщенный негативными коннотациями, как можно предположить, отражает недоверие большинства респондентов к данному персонажу.

По данным проективных рисунков ведущим сюжетом в изображениях А. Навального является публичная акция, митинг. Соответственно, Навальный изображён в образе политика, руководящего митингом, ведущего людей на демонстрацию. В качестве атрибутики в этой категории изображений наличествуют элементы трибун, плакаты «На митинг», изображения участников массовых акций.

¹ Данная ассоциация связана с происшествием, случившимся в Москве в 2017 г.: Алексея Навального облили зелёнкой у офиса Фонда борьбы с коррупцией.

С этим сюжетом тесно переплетается второй образ – оратора, выступающего перед публикой. Присутствует и сюжет, где А. Навальный предстаёт в образе заключённого. Атрибутами в таком случае выступают тюремная решётка, цепи. На одном из рисунков политик изображён прикованным к большой гире. Эти изображения, вероятно, отражают знакомство с сюжетами его биографии, где имели место задержания и судебный процесс.

Таблица 4 (Table 4)

Ассоциации респондентов: стимул «Навальный»
Respondents' associations: stimulus "Navalny"

Категории	Ассоциации (220)
Лидерские качества – 3	Сила (1), целеустремлённый (1), самоуверенный (1)
Интеллектуальные качества – 2	Умный (2)
Нравственные и человеческие качества – 4	Честный (1), идеалист (1), герой (1), эмоциональность (1)
Отрицательные личностные качества – 33	<i>Лицемерие:</i> лицемерие (7), ложь (обман) (7), хитрость (5), корысть (2) <i>Агрессивность:</i> злость (4), наглость (1), скандальный (1) <i>Глупость:</i> глупец (3), выскочка (1), неуверенность (1)
Шоу-бизнес – 31	<i>Шут:</i> шут (5), цирк (4), клоун (3), посмешище (2) <i>Пиар:</i> блогер (7), пиар (2), видеоблог (2), внушение (2)
Политические символы и атрибуты – 96	<i>Протест:</i> митинги (19), оппозиция (11), 2018 (9), акции протеста (4), революция (4), революционер (3), уточка* (3), беспорядки (2) <i>Борьба с коррупцией:</i> ФБК (8), антикоррупционер (6), коррупция (5), расследование (4) <i>Другое:</i> президент (3), Америка (Запад) (2), деньги (2)
Негативная символика – 41	<i>Агрессивность:</i> маты (6), крик (4), бред (1) <i>Судимость:</i> судимость (4), арест (3), уголовное дело (1) <i>Хаос:</i> зелёнка (6), неуместность (2), агент (2), безуспешный (2), козёл (2)
Положительная символика – 6	<i>Надежда:</i> молодёжь (2), школьники (1), изменения (1), светлое будущее (1), правда (1)
Внешние признаки – 4	Молодой (2)

*Символ антиправительственных протестов в России – жёлтая уточка.

Эмоциональный фон большей части рисунков скорее нейтральный. В них присутствует экспрессия, но более слабая, чем в образе В. Жириновского.

Сопоставляя образ А. Навального по результатам ассоциативного эксперимента и проективных рисунков, можно отметить, что многое из атрибутики повторяется. Политик узнаваем, прежде всего, как руководитель митингов и протеста. При этом рисунки дают более нейтральный образ, чем ассоциации.

Образ Р. Кадырова

По данным ассоциаций анализ показывает разную степень наполненности девяти категорий, нет ассоциаций только в категории «шоу-бизнес».

Во-первых, в образе политика обращают на себя внимание развитые «лидерские качества». Респонденты ассоциируют главу Чечни с силой, уверенностью, харизмой, лидерством, волей. На первом месте по выраженности стоит групповая ассоциативная универсалия «сила», что свидетельствует о сильном образе данного лидера. В этом он схож с образом В. Путина. Кроме того, респонденты видят в политике такие нравственные качества, как доброта, справедливость, патриотизм и братство.

В образе Р. Кадырова присутствует ряд характеристик, которые мы объединили понятием «мужественность». Респонденты видят в нём мужественного, строгого горного мужчину. В целом это даёт положительный и яркий образ подлинного лидера, слабо наполнена только категория «интеллектуальные качества». Доминирующей характеристикой внешности главы Чечни является борода. Этот атрибут вполне сочетается с характеристикой «мужественность».

Вместе с тем в представлениях о данном политике есть и негативные черты: многие респонденты видят в его характере несдержанность и невоспитанность. На эмоциональном уровне присутствует страх перед его жёстким характером. Это отражается и в категории «негативная символика». Однако мера семантической выраженности отрицательных качеств не так велика. Положительная символика преобладает над негативной, в её составе присутствуют ассоциации со спортом и стабильностью.

Очень важной и свойственной только для этого политика является категория «этнические и религиозные признаки». Ассоциативные универсалии «ислам», «Аллах», «мечеть», «тюбетейка», «Коран» мы объединили в интегральную характеристику «ислам». Насыщенность данной категории может означать, что в образе Р. Кадырова религиозность является одной из самых ярких и узнаваемых черт. Мы также выделили группу этнорегиональных характеристик (Чечня, горы, традиции и т. д.), которые являются особенностями данного лидера, их наличие отражает специфическую грань восприятия молодёжью его образа как представителя своего народа.

Осталась не наполненной ассоциациями категория «шоу-бизнес». Р. Кадыров часто присутствует в телесюжетах, имеет популярные аккаунты в соцсетях, однако его образ не связывается с медийностью и тем более с ролью политического «клоуна». Это отличает лидера горной республики от таких политиков, как А. Навальный и В. Жириновский.

В категории «авторитаризм и монархизм» ряд ассоциаций связывает Р. Кадырова с властью и порядком, что роднит его образ с образом В. Путина.

Ведущие групповые ассоциативные универсалии стимула «Кадыров»: борода, сила, ислам, Аллах, спорт, опасный, уверенность, горный мужчина (мужественный), строгость, доброта, порядок (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Ассоциации респондентов: стимул «Кадыров»
Respondents' associations: stimulus "Kadyrov"

Категории	Ассоциации (186)
Лидерские качества – 34	Сила (13), уверенность (5), лидер (5), харизма (2), властный (2), воля (2)
Интеллектуальные качества – 3	Мудрость (3)
Нравственные и человеческие качества – 22	<i>Нравственные качества:</i> доброта (4), справедливый (2), патриот (2), принципиальность (2), братство (2) <i>Мужественность:</i> горный мужчина, (мужественный) (5), строгость (4)
Отрицательные личностные качества – 17	<i>Импульсивность:</i> опасный (5), несдержанность (3), невоспитанность (2) <i>Ограниченность:</i> неразумность (3), ограниченность (2)
Шоу-бизнес	-
Религиозные и этнические признаки – 47	<i>Ислам:</i> ислам (10), Аллах (5), мечеть (4), тюрбетейка (3), Коран (2) <i>Этнические и региональные характеристики:</i> Чечня (6), горы (4), традиции (3), чеченцы (2), Кавказ (2)
Авторитаризм и монархизм – 20	Порядок (4), власть (3), Рамзан (3), монархия (1)
Негативная символика – 11	Ужасные законы (2), убийства (2), негатив (2)
Положительная символика – 12	<i>Спорт:</i> спорт (7) <i>Положительная роль:</i> стабильность (2), уважение (2)
Внешние признаки – 20	Борода (16)

По данным проективных рисунков в образе Р. Кадырова с большим перевесом представлены признаки религии, на некоторых рисунках имеют место изображения мечети. Ещё одним важным объектом является частое изображение тюрбетейки¹. Можно заключить, что неразрывной частью образа Р. Кадырова является представление о нём как о правоверном мусульманине.

Некоторые рисунки содержат в себе элементы холодного или огнестрельного оружия, т. е. персонаж ассоциируется с армией и воинственностью. В изображениях, на которых присутствует человеческая фигура, явно подчеркнуты мужские признаки: физическая сила, развитая мускулатура. Широкие, массивные плечи служат выражением физической силы и превосходства. Крупное, сильное тело является пока-

¹ Тюрбетейка – старинный национальный мужской головной убор, который имеет большое значение в исламе.

зателем внутренней силы, мужского «эго». Ярким акцентом большинства рисунков стало присутствие бороды персонажа. Изображение волос на каком-либо из участков тела в целом интерпретируется как стремление подчеркнуть мужественность.

Данные проективных рисунков вполне соответствуют материалам ассоциаций. В целом респонденты видят в Р. Кадырове политика с сильным лидерским потенциалом, мужественного, при этом несколько несдержанного по характеру. Его воспринимают как мусульманина и ассоциируют с атрибутами исламской религии.

Категориальная структура восприятия политических лидеров на основе данных семантического дифференциала

Данные, полученные с применением семантического дифференциала (СД) для оценки политического лидера, были обработаны с применением процедур математической статистики. Матрицы первичных данных СД, полученные при оценивании студентами каждого из четырёх лидеров, были подвергнуты процедуре факторного анализа по методу главных компонент. Были получены факторные структуры оценивания по каждому из четырёх лидеров. Их сравнение позволило выделить общие категории оценивания лидеров (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Категориальная структура восприятия образов политических лидеров (общие категории)

Categorical structure of perception of political leaders' images (general categories)

Факторы, №	Категориальная структура восприятия образов политических лидеров
1	Интеллектуальные и лидерские качества
2	Агрессивность и грубость – внешняя привлекательность
3	Корыстность и лицемерие – доброта
4	Ограниченность и порочность

К общим категориям оценивания лидеров относятся прежде всего «интеллектуальные и лидерские качества». Данная категория есть во всех четырёх реконструкциях. В составе фактора повторяются шкалы: интеллект, образованность, мудрость, воля, харизма, компетентность, мужественность, эрудиция, профессионализм, доброта.

В составе фактора можно выделить три группы качеств: интеллектуальные, волевые (лидерские) и человеческие. На первом месте по значениям факторной нагрузки стоят интеллектуальные и профессиональные качества: интеллект, образованность, мудрость, компетентность, профессионализм. Для молодых людей политик обязательно должен быть носителем высоких интеллектуальных и профессиональных качеств.

У всех политиков в составе фактора № 1 есть также шкала «харизма», и, кроме В. Путина, «внешняя привлекательность». Можно предположить, что наличие перечисленных интеллектуальных качеств делает личность в представлении молодёжи намного более привлекательной внешне, повышает уровень личного обаяния.

Далее идёт набор лидерских качеств: воля, харизма, мужественность. Соответственно, обладание волевыми качествами обязательно для современного политического деятеля.

Присутствует и такое важное нравственное качество, как доброта. Оно коррелирует с высокими интеллектуальными качествами; человек, наделённый ими, воспринимается как «более добрый». Можно сказать, что наличие (в представлении респондентов) ключевых интеллектуальных и волевых характеристик делает политика более привлекательным как внешне, так и по нравственным качествам.

Наличие фактора № 2 «Агрессивность и грубость – внешняя привлекательность» можно трактовать как непривлекательность проявлений агрессии и грубости в поведении политического лидера. Данный фактор реконструирован в трёх случаях из четырёх, поэтому можно считать эту ось оценивания неслучайной. В составе фактора у всех политиков присутствуют такие шкалы, как «грубость» и «агрессивность». Как видно, в сознании респондентов эти шкалы коррелируют.

Кроме того, был реконструирован фактор № 3 «Корыстность и лицемерие – доброта». Данный фактор реконструирован также в трёх случаях из четырёх, поэтому и эту ось оценивания можно считать неслучайной. Наличие такой оси оценивания политиков означает, что молодёжь придаёт большое значение отсутствию в политике качеств «корыстность» и «лицемерие». При этом состав фактора неодинаков в структуре оценивания разных политиков. В некоторых случаях эти шкалы коррелируют с «безнравственностью» и «невоспитанностью».

Фактор № 4 «Ограниченность и порочность» тоже присутствует в трёх случаях из четырёх, и эта ось оценивания значима. В составе фактора у всех политиков присутствуют шкалы «ограниченность» и «порочность». Как можно предположить, в сознании респондентов эти качества взаимосвязаны, и наличие одного может влиять на восприятие второго. В двух случаях с «порочностью» также коррелирует «безнравственность».

Таким образом, среди наиболее значимых категорий оценивания политических лидеров опрошенными молодыми людьми присутствуют интеллектуальные и лидерские качества, нравственные качества, агрессивное/неагрессивное поведение.

В недавней работе О. В. Митиной и В. Ф. Петренко было принято сопоставление категориальной структуры восприятия политических лидеров студентами в России, Южной Кореи и Узбекистане [Митина, Петренко 2018]. В российской выборке были выделены четыре категориальных структуры восприятия имиджа политических лидеров: «моральность и нравственность», «личностная сила и харизматичность», «авторитаризм и диктатура», «западничество (с ориентацией на интересы узкого круга элиты)». Эти данные сопоставимы с настоящим исследованием и во многом подтверждают полученные нами результаты.

Сложно говорить об «идеальном» наборе характеристик лидеров. В любом случае лидеры оцениваются обществом в соответствии с определёнными критериями, присущими общественному сознанию, и такой набор требований зависит от времени и страны. Обладание положительными качествами, отражёнными в первом и втором выявленных нами факторах, представляется абсолютно необходимым для современного политического деятеля, работающего с молодёжью. Напротив, их отсутствие и наличие негативных характеристик может сделать политика крайне непривлекательным для молодых людей.

Сравнительный анализ образов политических лидеров

Полученные эмпирические данные позволили определить содержательные характеристики каждого образа и сравнить их между собой.

Образ В. Путина у молодёжи сильный и в основном положительный, соответствует его посту. Связь образа президента с образом государства и страны является очень весомой характеристикой представлений о нём. Можно предположить, что в сознании части молодого поколения президент привычно ассоциируется со страной, что потенциал этого политика не исчерпан и остаётся на редкость сильным.

Образ В. Жириновского оказался весьма противоречив. Политик большей частью опрошенных воспринимается как агрессивный, неуравновешенный, политический клоун, использующий в своих интересах телевидение. При этом другой, меньшей частью респондентов он воспринимается как честный и грамотный политик. Налицо поляризация в представлениях молодёжи о данном политическом акторе.

Образ А. Навального насыщен негативными коннотациями. Антикоррупционная тематика этого деятеля сделала его узнаваемым, но не снискала ему доверия (у опрошенной аудитории). Его деятельность воспринимается частью молодёжи с недоверием, как игра на публику. Преобладание отрицательных личностных качеств в образе А. Навального может означать, что и на рациональном, и на эмоциональном уровне он воспринимается с большой долей негативных черт. Данный политик обеспечил себе узнаваемость, но его личностный образ, его стиль поведения воспринимаются скорее отрицательно.

В Р. Кадырове опрошенные студенты видят политика с сильным лидерским потенциалом, мужественного. Особенностью образа данного лидера является маскулинность. При этом его воспринимают как мусульманина и ассоциируют с атрибутами исламской религии. При определённой доле опасения на эмоциональном уровне он воспринимается в основном положительно как сильная фигура, наделённая чертами лидера. Образ имеет преимущественно позитивную эмоциональную окраску и ряд уникальных особенностей, делающих политика весьма узнаваемой фигурой.

Сравнительный анализ образов российских политиков показывает, что положительные личностные качества в представлении респондентов наиболее выражены у В. Путина и Р. Кадырова. При этом оба являются

носителями так называемых «лидерских качеств» и высоких морально-нравственных характеристик. Такие данные соответствуют отражённому в материалах факторной реконструкции запросу современного российского общества на компетентного, волевого и нравственно положительного лидера. Сопоставление категориальной структуры оценивания и содержательных данных ассоциаций позволяет говорить, что у опрошенных молодых людей рассмотренные политики положительно воспринимаются по выявленным нами ключевым категориям оценивания лидеров: нравственные, интеллектуальные и лидерские качества.

Эти выводы подтверждаются и в работе О. В. Митиной и В. Ф. Петренко [Митина, Петренко 2018]. По их данным, россияне оценивают образ В. Путина высоко по факторам «личностная сила и харизматичность» и «моральность и нравственность». Кроме того, в ассоциациях, формирующих образы В. Путина и Р. Кадырова, присутствует категория «авторитаризм и монархизм». Можно предположить, что на бессознательном уровне данные лидеры рассматриваются как авторитарные.

В образах А. Навального и В. Жириновского проявились многочисленные характеристики, связанные с агрессивностью. Это позволяет предположить, что по реконструированному нами фактору «Агрессивность и грубость – внешняя привлекательность», их оценка может испытывать снижение.

Также для этих двух политиков свойственны выраженные ассоциации, связанные с медиа и театром. Предположительно, на неосознаваемом уровне данные лидеры воспринимаются частью аудитории как актёры. Это имеет параллели в структуре шкал выделенного О. В. Митиной и В. Ф. Петренко фактора «Западничество (с ориентацией на интересы узкого круга элиты)». В составе данного фактора есть такие шкалы, как «хороший актёр», «популист», «выражает интересы зарубежного капитала».

Таким образом, наиболее благоприятное соотношение выраженности положительных и отрицательных личностных качеств наблюдается в образах В. Путина и Р. Кадырова. Наименее благоприятное – в образе А. Навального.

Выводы

Проведённая семантическая реконструкция образов российских политических деятелей позволила выявить их структурно-содержательные характеристики.

В ходе работы была составлена и опробована авторская методика классификации и анализа ассоциативного материала, определена категориальная структура семантического пространства представлений о политических лидерах. К общим категориям, выделенным на основе ассоциаций, относятся прежде всего «лидерские», «нравственные и человеческие», «интеллектуальные», «отрицательные личностные качества» и «политическая символика».

Данные категории имеют чёткие параллели в категориях, полученных с применением факторного анализа данных семантического дифференциала. К общим категориям оценивания лидеров по данным СД относятся прежде всего «интеллектуальные и лидерские качества», «корыстность и лицемерие – доброта», «агрессивность и грубость – внешняя привлекательность».

В составе категории «негативные личностные качества» можно проследить подкатегории, обратные (зеркальные) положительным качествам (глупость противоположна интеллектуальности и мудрости, агрессивность обратна доброте). Это показывает, что данные категории оценивания универсальны.

Помимо общих категорий, были выявлены как повторяющиеся, так и уникальные категории. Так, в образах В. Путина и Р. Кадырова на основе ассоциаций была реконструирована схожая категория «авторитаризм и монархизм».

Сильное сочетание лидерских, интеллектуальных и положительных человеческих качеств можно проследить в образах В. Путина и Р. Кадырова и в несколько меньшей степени – В. Жириновского.

Высокая доля негативной символики в ассоциациях к стимулам «Навальный» и «Жириновский» означает, что молодые и более образованные респонденты в основном не принимают их стиль поведения в политике. В работе с данной аудиторией стилистика агрессивного и театрального поведения не находит одобрения.

По данным расчёта меры семантической выраженности ассоциаций наиболее благоприятное соотношение выраженности положительных и отрицательных личностных качеств видим опять же в образах В. Путина и Р. Кадырова. Наименее благоприятное – в образе А. Навального.

В образах некоторых политических лидеров присутствует категория «шоу-бизнес», что может свидетельствовать о восприятии их как своего рода «политических актёров». Это явление показывает, что современная политика сближается с шоу-бизнесом.

Выявленные нами категории имеют чёткие параллели с выделенными в недавнем исследовании О. В. Митиной и В. Ф. Петренко факторами оценивания политических лидеров российской молодёжью, что подтверждает полученные нами результаты.

В целом результаты нашего исследования позволяют реконструировать структуру организации субъективного опыта восприятия политических лидеров молодёжью. Они отражают категории политического мышления молодых россиян и могут быть полезны при последующих исследованиях политического сознания, а также использованы политическими лидерами и партиями в практической работе.

Библиографический список

Вершинина Н. С., Мирицкая Е. А., Муравьева О. И. 2008. Сознательные и бессознательные компоненты образа политической власти // Сибирский психологический журнал. № 27. С. 54–59.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Баскакова Ю. М. и др. Под ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 440 с.

Дурдин Д. М. 2000. «Образ» политического лидера и возможности его изменения // Полис. № 2. С. 133–151.

Затонских А. В. 2013. Личность партийного лидера как фактор восприятия политической партии: Круглый стол журнала «Полис» и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова: «Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация» // Полис. Политические исследования. № 6. С. 53–54.

Зверев А. Л., Палитай И. С., Рогозарь А. И., Смутькина Н. В. 2016. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. № 3. С. 40–54.

Калита В. В., Марин Е. Б. 2018. Ведущие политические партии России в представлении студенческой молодёжи Приморского края: семантическая реконструкция: монография. Владивосток: ДВФУ. 114 с.

Климова С. Г., Якушева Т. В. 2000. Образы политиков в представлениях россиян. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/ks0010091> (Дата посещения: 04.02.2019).

Марин Е. Б., Калита В. В. 2013. Разработка и экспертная оценка частного семантического дифференциала (СД) «политическая партия» // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 3. С. 53–60.

Митина О. В., Петренко В. Ф. 2018. Опыт использования психо-семантической методики «Образ политического лидера» для сопоставительных исследований восприятия имиджей политических деятелей // Ярославский педагогический вестник. № 5. С. 265–289.

Нестерова С. В. 2002. Отношения власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами // Психология восприятия власти / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Социально-политическая Мысль. 244 с.

Петренко В. Ф. 2010. Основы психосемантики. 2-е изд. М.: ЭКСМО. 480 с.

Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В. 2016. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки студентов из Южной Кореи) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 2. С. 64–87.

Петренко В. Ф., Митина О. В. 2017. Психосемантический подход в реконструкции политического менталитета: методы и примеры исследований // Вестник Российской академии наук. Т. 87. № 1. С. 50–64.

Петренко В. Ф. 2005. Психосемантический анализ имиджа политических лидеров // Основы психосемантики. СПб.: Питер. С. 418–435.

Петренко В. Ф., Митина О. В. 1997. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ. 213 с.

Петренко В. Ф., Митина О. В. 2015. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. № 3. С. 27–40.

Серкин В. П. 2008. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учеб. пособие для вузов. М.: ПЧЕЛА. 378 с.

Собкин В. С. 1997. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО. 318 с.

Шестопап Е. Б., Новикова-Грунд М. В. 1996. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. № 5. С. 168–191.

Шестопап Е. Б., Нестерова С. В. и др. 2012а. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. № 3. С. 186–190.

Шестопап Е. Б., Шутов А. Ю. и др. 2012б. Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов // Полис. № 4. С. 160–174.

Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. 1988. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ. 208 с.

Marin, E., Vitaly, K., Yulina, G. et al. 2019. Image of The Communist Party of The Russian Federation as Viewed by Russian Students: Factor Semantic Reconstruction. *Amazonia Investiga*. 8(24). P. 53–61.

Статья поступила: 17.03.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент, Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, кафедра истории, политологии и государственно-правовых дисциплин, Дальневосточный федеральный университет, Департамент психологии и образования, Владивосток, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642

Images of Russian Political Leaders as Viewed by Youth: A Semantic Reconstruction

Egor B. Marin

Far Eastern Federal University, Department of psychology and education, Vladivostok, Russia

E-mail: egor-marin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4557-7968

For citation: Marin, E. B. Images of Russian political leaders as viewed by youth: a semantic reconstruction. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 82–105. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642

Abstract. This article presents material associated with the semantic reconstruction of the images of Russian political figures as viewed by young students, based on material from an empirical study conducted in 2018. While conducting research, students attending higher and secondary professional education institutions in Primorsky Krai were surveyed. Such an undertaking as a semantic reconstruction of the images of Russian political figures allowed for identifying both the substantive and the structural properties of each image. The categorical structure of the semantic space of views on

political leaders was defined. The general categories – selected based on associations – primarily include “leadership”, “moral and human qualities”, “intellectual”, “negative personal traits” and “political symbols”. The aforementioned categories, which were selected from the material on associations, bear specific similarities with those categories which were established using factor analysis of semantic differential data. The general categories for evaluating leaders based on semantic differential data include, first of all, “intellectual and leadership qualities”, “greed and hypocrisy – kindness”, “aggression and rudeness – handsomeness”. Within the structure of the category “negative personal traits” we can trace subcategories which are inverse to (or which mirror) the positive traits (stupidity is the opposite of intelligence and wisdom, aggressiveness is contrary to kindness). Additionally the substantive characteristics of the images of Russia’s four leading political figures (according to young people) were identified. A comparative analysis of the images of Russian politicians shows that positive personal traits, according to the respondents, are most apparently exhibited by Vladimir Putin and Ramzan Kadyrov. Incidentally both of them possess so called “leadership qualities” and high moral characteristics. Such data corresponds with modern Russian society’s demand for a competent, strong-willed and righteous leader. All in all the identified categories and groups of traits allow for reconstructing the organizational structure of subjective experience in perceiving political leaders, as well as the political thinking of young people. The data acquired in this study might be useful in the consequent study of the modern Russian people’s political awareness, and they could be used by political leaders and parties in conducting practical operations.

Key words: image, political leader, students, Primorye, political consciousness, youth

References

Duridin D.M. “Image” of a political leader and the possibility of his change. *Polis = Political Studies*, 2000: 2: 133–151 (In Russ.).

Kalita V.V., Marin E.B. The leading political parties of Russia in the representation of students of the Primorsky Region: semantic reconstruction. Vladivostok, FEFU publ., 2018: 114 (In Russ.).

Klimova S.G., Jakusheva T.V. The images of politicians in the representations of Russians. *Obschestvennoe Mnenie Foundation Official website*. Available at: <https://bd.fom.ru/report/map/ks0010091> [accessed: 04.02.19] (In Russ.).

Mamonov M.V., Gavrilov I.V., Viadro M.A., Byzov L.G., Baskakova J.M., Chernozub O.L. Elections against the backdrop of the Crimea: 2016–2018 electoral cycle and prospects of political transit. Ed. by Y.M. Baskakova. Moscow, WCIOM, 2018: 362 (In Russ.).

Marin E.B., Kalita V.V. Development and expert evaluation of the private semantic differential (SD) “political party”. *Social’no-gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke = Social Sciences and Humanities in the Far East*, 2013: 3: 53–60 (In Russ.).

Marin E.B., Vitaly K., Yulina G., Polozhentseva I., Kalnibolanchuk I. Image of The Communist Party of The Russian Federation as Viewed by Russian Students: Factor Semantic Reconstruction. *Amazonia Investiga*, 2019: 8 (24): 53–61.

Mitina O. V., Petrenko V. F. The experience of using the psychosemantic method “Image of a political leader” for comparative studies of the perception of the images of politicians. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogic Bulletin*, 2018: 5: 265–289 (In Russ.).

Nesterova S.V. Relations between the authorities and the population. Problems of the presentation of power and its perception by citizens. In: *Psikhologija vospriyatija vlasti = Psychology of the Power Perception*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow, Social’no-politicheskaja MYSL, 2002: 244 (In Russ.).

Petrenko V.F. *Fundamentals of Psychosemantics* Second edition. Moscow: EKSMO, 2010: 480 (In Russ.).

Petrenko V.F. Psychosemantic analysis of the image of political leaders. In: *Osnovy psihosemantiki = The Basics of Psychosemantics*. Saint-Petersburg, Piter, 2005: 418–435 (In Russ.).

Petrenko V.F., Gladkih N.Y., Mitina O.V. Psychosemantic analysis of the perception of political leaders (based on a sample of students from South Korea). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psikhologija = Moscow University Bulletin. Ser. 14. Psychology*, 2016: 2: 64–87 (In Russ.).

Petrenko V.F., Mitina O.V. Psychosemantic analysis of the dynamics of public consciousness. Moscow, MSU publ., 1997 (In Russ.).

Petrenko V.F., Mitina O.V. Psychosemantic analysis of the political mentality of society *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologija. Pedagogika = SPbSU Bulletin. Ser. 16. Psychology. Pedagogics*, 2015: 3: 27–40 (In Russ.).

Petrenko V.F., Mitina O.V. Psychosemantic approach in the reconstruction of political mentality: methods and examples of research. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of Russian Academy of Sciences*, 2017: 87: 1: 50–64 (In Russ.).

Serkin V.P. Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics. Moscow, Pchela, 2008: 378 (In Russ.).

Shestopal E.B., Nesterova S.V. and oth. Images of presidential candidates 2012 in the public mind. *Vlast' = Power*, 2012: 3: 186–190 (In Russ.).

Shestopal E.B., Novikova-Grund M.V. Perception of the images of the twelve leading Russian politicians (psychological and linguistic analysis). *Polis = Political Studies*, 1996: 5: 168–191 (In Russ.).

Shestopal E.B., Shutov A.Y., Volodenkov S.V., Gaman-Golutvina O.V., Lapkin V.V., Makarenko B.I., Mezhev B.V., Mel'vil' A.Y., Smul'kina N.V., Nesterova S.V. Images of leaders in the public mind on the eve of the presidential election. *Polis = Political Studies*, 2012: 4: 160–174 (In Russ.).

Shmeliov A.G., Pohil'ko V.I., Kozlovskaja-Tel'nova A.Y. Workshop on experimental psychosemantics. *Thesaurus of personality traits*. Moscow, 1988: 118 (In Russ.).

Sobkin B.C. High school student in the world of politics. Empirical research. Moscow, CSO RAO, 1997: 318 (In Russ.)

Vershinina N.S, Mirickaja E.A., Muraviova O.I. Conscious and unconscious components of the image of political power. *Sibirskiy psihologichesky zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2008: 27: 54–59 (In Russ.).

Zatonskikh A.V. The personality of a party leader as a factor in the perception of a political party. *Polis = Political Studies*, 2013: 6: 53 – 54 (In Russ.).

Zverev A.L., Palitay I.S., Rogozar' A.I., Smul'kina N.V. Features of political perception in modern Russian conditions. *Polis = Political Studies*, 2016: 3: 40–54 (In Russ.).

The article was submitted on: March 17.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor Borisovich Marin, Candidate of Historical Science, associate Professor, the Maritime state University named after Admiral G.I. Nevelskoy, Department of history, political science and state and legal disciplines, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643

Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи

Ссылка для цитирования: *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.* Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 106–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643

For citation: Ivchenkov S. G., Saiganova E. V. Value guidelines and their influence on young people's perception of patriotism. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 106–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643

Ивченков Сергей Григорьевич

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

ivchenkovsg@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [330312](#)

Сайганова Елена Викторовна

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

saiganovaev@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [682743](#)

Аннотация. Данная статья основана на результатах социологического исследования саратовской молодёжи методом массового опроса. Рассмотрены теоретические подходы к анализу патриотизма как социального явления с позиций его многовариантности. Содержательное наполнение термина «патриотизм» во многом определяется теми ценностями, которые разделяет молодёжь. Показано, что многообразие ценностных доминант формирует семь моделей патриотических установок: абстрактный патриотизм, традиционный, локальный (включая семейный), либеральный, демократический, критический и глобалистский антипатриотизм; темпорально все эти модели изменяются по разным, часто противоположным векторам. С возрастом значимость абстрактной и традиционной моделей патриотизма снижается, а локального и либерального – растёт (хотя доля семейного патриотизма, включённого в локальный, снижается). По мере взросления молодёжи значимость антипатриотической трактовки также снижается.

Патриотизм молодёжи проявляется в повседневной жизни и реже в политических и праздничных мероприятиях. Больше всего представители молодого поколения гордятся Победой во Второй мировой войне, культурой и историей своей страны. Подтверждено максимальное влияние семейного воспитания на формирование патриотизма молодёжи. Также влияние оказывают (в порядке убывания значимости) общественные организации, структуры государственной власти, СМИ, система образования, религия. Проведённый авторами анализ влияния патриотических мероприятий показал, что наибольший вклад в воспитание патриотизма приносят встречи с ветеранами различных войн. На втором месте в рейтинге эффективности оказались просмотр художественных фильмов и чтение книг. У всех социальных институтов российского общества обнаружен значительный нереализованный потенциал в деле формирования у молодёжи патриотических чувств и взглядов. Чтобы в полной мере этот потенциал раскрыть, авторы предлагают не только коренным образом изменить отношение к проблеме патриотизма, но и активизировать работу в регионах и в местных сообществах, оказывать помощь патриотическим объединениям, клубам, другим организациям патриотической направленности, обратить внимание на деятельность учебных учреждений, усилить патриотическую работу со студентами со стороны Вооружённых сил, добиться коренного изменения отношения к патриотизму и патриотическому воспитанию в средствах массовой информации.

Ключевые слова: патриотизм, Родина, ценности, молодёжь, социальные институты

Патриотическая тематика сегодня актуальна, она ориентируется на социальный заказ социума в формировании этой идеологии как стабилизатора устойчивого российского общества в условиях глобализации. Целью представленного в данной статье социологического анализа является оценка трансформации понятия «патриотизм» у молодого поколения. Рассматриваются перспективы развития патриотизма и патриотического воспитания молодёжи на территории региона, раскрываются основные понятия и их современная трактовка, выделяются основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях.

Концепт патриотизма в социологической теории

Издавна, с появлением независимых государств, патриотизм осмысливался как часть общественного и личностного самосознания, отражал привязанность к своей земле, стране, языку, социокультурным традициям. Э. Дюркгейм одной из задач социологической науки видел в том, чтобы «показать, откуда берётся то, что у нас есть одновременно потребность и средство возвышаться над реальным, добавлять к чувственному миру иной мир, в котором лучшие из нас видят свою настоящую родину» [Дюркгейм 1991: 110]. Патриотизм он трактовал как «совокупность коллективных идеалов», которые «фиксируются в вещах, <их> можно всем увидеть, понять, всем представить, например, в образных рисунках, всякого рода эмблемах, писанных или произносимых формулах, одушевлённых или неодушевлённых существах». [Дюркгейм 1991: 113].

Согласно классификации социального действия М. Вебера [Вебер 1990: 628–629], патриотизм можно отнести к ценностно-рациональному типу, базирующемуся на установках, смысл которых состоит «не в достижении какой-либо внешней цели, а в определённом характере поведения, подчинённом «заповедям», в повиновении которому видит свой долг каждый гражданин.

В социальной системе координат Т. Парсонса патриотизм относится к институционализированным культурно-нормативным компонентам конститутивных структур общества и включает в себя четыре типа независимых переменных: патриотические ценности, соответствующие нормы, коллективы, презентующие и распространяющие патриотические образцы поведения, и патриотические роли. Причём патриотические ценности занимают, по его мнению, ведущее место в деле сохранения и воспроизводства патриотического образца, регулируют процессы принятия социальными субъектами определённых обязательств действия. Нормы не только включают эти ценности, но и конкретизируют их применительно к разным ситуациям, содержат конкретные способы ориентации для конкретного функционального действия в специфичных условиях [Парсонс 1998: 19].

Ещё в 1999 г. Г. Лавин, Э. Стауб и Р. Шатц в своей работе «О разновидностях национальной привязанности: слепой и конструктивный патриотизм» [On the Varieties of... 1999] выделили две разновидности патриотизма – «слепой» и «конструктивный». Первый предполагает патриотизм как безусловную привязанность к стране и нетерпимость к критике своего государства. Студенты США, проявившие такую разновидность патриотизма, как показал их опрос, отличались слабой политической активностью, высоким уровнем национализма, повышенной чувствительностью к внешним угрозам, почитанием государственных символов и т. д. Второй противоположен по своей сути и опирается на любовь к Родине, сопряжённую с её критическим анализом и стремлением изменить к лучшему. Исследователи Дж. Салливан, Э. Фрайд и М. Дитц в статье «Патриотизм и президентские выборы 1988 года», опубликованной в Американском журнале политических наук [Sullivan et al. 1998], обнаружили, что символический, эмоциональный «слепой» патриотизм свойственен значительной части рядовых сограждан и влияет на их гражданскую активность.

В современных условиях глобализации патриотические сюжеты всё чаще рассматриваются как противопоставление патриотизма и космополитизма на фоне различия процессов социальной, политической, экономической и социокультурной унификации, с одной стороны, и роста консолидации на базе национальной идентичности – с другой. Так, М. Нуссбаум [Нуссбаум 2006: 110–119] практически сводила патриотизм к эмоциональным и аффективным формам, способным принести вред национальному единству, преданности достойным моральным идеалам справедливости и равенства. П. Гомберг [Gomberg 2002: 107–108] даже утверждал, что в широком понимании патриотизм ничем не отличается от расизма, т. к. делает акцент на этничность и национальный шовинизм.

К ним присоединяются Л. Эрез и С. Лаборд [Erez, Labord 2020], которые анализируют космополитический патриотизм как гражданский идеал, основанный на коллективной идентификации, поддерживающей

связь между действиями своей страны и соответствующими ценностными установками личности. При этом конструктивный критический патриотизм увязывается с глобальной ответственностью. Однако социолог-неормаркист И. Валлерстайн [Валлерстайн 2006] показал, что в качестве идеологических программ ни космополитизм, ни патриотизм не являются безупречными в современном сложном многофакторном мире.

В защиту патриотизма выступил А. Макинтайр в работе «Является ли патриотизм добродетелью» [MacIntyre 2002], где он определял патриотизм в терминах лояльности к определённой нации, земле, стране, её традициям. Автор видел его проявление в эмоциональной привязанности, которая связывает чувства верности, принадлежности и глубокой внутриличностной близости к Родине. Близкая точка зрения прослеживается в статье С. Натансона «В защиту «умеренного патриотизма»» [Nathanson 2020]. Он утверждает, что «умеренный патриотизм» сопряжён с этикой и моралью в рамках одной общности. Ч. Тейлор [Taylor 2002] отмечал, что только патриотизм способен стать основой для мобилизации граждан, которая основывается на общих идентичностях. Более того, даже в демократических странах только патриотические принципы позволяют самоуправленческим структурам проявлять солидарность и отстаивать интересы своих соотечественников.

Дж. Шаар [Shaar 2002] пытается разграничить инстинктивный, «естественный патриотизм» (любовь к Родине) и «договорной», который основывается на общем участии и соглашении людей относительно единых целей гражданской жизни. Понимание «республиканского патриотизма» предложил итальянский теоретик М. Вироли в книге «За любовь к стране» [Viroli 1995]. Собственное понимание патриотизма Вироли построил на специфических республиканских основаниях периода Возрождения. Под ними он понимал определённые добродетели (*virtu*) – доблесть, любовь к отечеству, свободу граждан, способных участвовать в политической жизни города и не желающих подчиняться единоличному правителю. Очень важно, что «республиканский патриотизм» предполагает отстранённую критику правящих структур.

Ю. Хабермас [Хабермас 2020] ввёл термин «конституционный патриотизм» и показал его связь с национальной идентичностью. При этом разнообразие стиля, образа жизни, повседневные, социокультурные традиции накладываются на абстрактные конституционные процедуры и принципы. Это делает возможным патриотизм, основанный на равноправном сосуществовании социальных групп в рамках единого сообщества. Так абстрактная патриотическая идея демократии и прав человека образует базу, на которую пластуются национальные традиции, язык, литература и история собственной нации. Я. В. Мюллер сравнивал различные модели патриотизма и противопоставлял «конституционный патриотизм» (любовь к демократическим принципам) либеральному национализму (приоритет национальной культуры), космополитизму (универсалистские ценности), «республиканскому патриотизму» [Müller 2007]. Позднее Мюллер обратится к критике современного популизма с позиций «конституционного патриотизма» [Мюллер 2018].

Таким образом, сторонники и защитники патриотизма различают в нём такие модели, как «умеренный патриотизм», «договорной», «республиканский» и «конституционный», противопоставляя их националистическому патриотизму (несущему в себе негативные коннотации) и абстрактным идеалам космополитизма. Формирование той или иной модели патриотизма детерминировано социально-политическим укладом страны. Для России, которая меньше интегрирована в процессы глобализации, патриотизм как стимулятор индивидуальной и коллективной идентичности особенно актуален и выступает как идеологическая активно формирующаяся традиционная ценностная установка.

В России различные аспекты патриотизма рассматриваются в работах М. Мазур и Я. Ванюковой, [Мазур, Ванюкова 2010], Л. Кочиевой [Кочиева 2014] и других авторов [Досов, Кончугов 2009]. И. Халий выделяет типы патриотизма [Халий 2017] и его взаимосвязь с социальной модернизацией российского общества [Халий 2016]. А. Попов с соавторами анализируют социокультурные особенности формирования патриотизма [Попов и др. 2017]. Н. Ореховская и А. Ореховский [Ореховская, Ореховский 2016], И. Афанасьев, С. Тихонова [Афанасьев, Тихонова 2007], Ю. Трофимов [Трофимов 2016] раскрывают патриотизм как объединяющую социум идеологию. Патриотизм как социальная и гражданская ценность акцентируется в работе К. Подъячева [Подъячев 2016]. Ряд исследователей [Узунов, Иванова 2018; Волков, Бинева 2017] выявляют проблемы формирования патриотизма в региональном ракурсе. Патриотизм подрастающего поколения оказался в центре внимания Е. Прониной и Н. Кузнецовой [Кузнецова, Пронина 2016; Пронина 2019], Е. Коган, Д. Кареловой [Коган и др. 2019], а также авторов данной статьи [Ивченков, Сайганова 2019]. Особенно важно отслеживать процесс формирования патриотизма в молодёжной среде [Узунов 2018; Асланов 2015; Шевченко, Вагина 2017], наиболее отзывчивой на все изменения и трансформации ценностей. Сейчас как никогда становится актуальным социологическое изучение этих процессов для прогнозирования потенциала патриотических настроений современного молодого поколения.

Понимание патриотизма различными группами молодёжи

Для определения места патриотизма в системе ценностей молодёжи г. Саратова было проведено социологическое исследование методом анкетирования. В исследовании приняли участие 776 человек, отобранных по территориально-квотной выборке. Критерии отбора: место жительства, пол, возраст. В соответствии с квотами в исследовании приняли участие 44,7% саратовских юношей и 55,3% девушек; 27% в возрасте от 15 до 19 лет, 29% в возрасте 20–24-х и 44% – 25–30-ти лет. 80% составили респонденты, не состоявшие в браке; 11% опрошенных живут незарегистрированными; 7% состоят в браке и 2% опрошенных отметили, что разведены. Неполное общее образование получили 18,67% опрошенных;

11 классов закончили 28% опрошенных; среднее профессиональное образование получили 11,33% от всех опрошенных. Так же в опросе принимали участия молодые люди с незаконченным высшим образованием (менее 3-х курсов) – 28,67%; 7,33% респондентов имеют диплом бакалавра, 4,67% – диплом магистра и 1,33% опрошенных закончили специалитет.

Как показал опрос (см. таблицы 1 и 2), основной жизненной ценностью молодёжи выступает семья (40,0%). Особенно на этом настаивали девушки (41,5%). Причём с возрастом семья как ценность увеличивается свою значимость (соответственно 24,4; 37,8 и 48,3%). На втором месте в рейтинге ценностей оказались работа, карьера (18,7%). Это несколько важнее для юношей (21,4%) и подростков (22,0%). На третьем месте – любовь, дружба (10,0%), что немного важнее для девушек (13,8%) и юной молодёжи (13,3%). Социальный статус и положение в обществе оказались на четвёртом месте рейтинга ценностей (8,7%). Они немного больше занимают умы юношей (12,5%) и подростков (14,6%). Однако с возрастом значимость этой ценности снижается (соответственно 11,1 и 3,3%). Почти столько же молодых людей воспринимают здоровье как ценность (8,0%). В 3 раза чаще этим озабочены девушки (10,6 против 3,6% у юношей). Юноши более ценят духовное развитие (8,9 при 7,3% по всей выборке), к ним присоединяется юная молодёжь (8,9%). Независимость, самостоятельность ценят 5,3% опрошенных. При этом несколько чаще – юноши (7,1%) и подростки (12,2%). Последними в рейтинге ценностей оказались финансовые возможности (2,0%), хотя юношей и подростков они волнуют в 2,5 раза чаще (соответственно 5,4 и 4,9%). Таким образом, основные жизненные ценности молодёжи отличаются традиционностью и устойчивостью. При этом важное значение имеют гендерные различия, так как ценности девушек больше направлены на семейное и личное пространство, ценности юношей – на публичную сферу жизнедеятельности.

Таблица 1 (Table 1)

Гендерные различия основных ценностей в жизни молодёжи, % по полу
Gender distinctions in the fundamental life values of young people, % by gender

Главные ценности в жизни	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Семья	37,5	41,5	40,0
Работа, карьера	21,4	17,0	18,7
Любовь, дружба	3,6	13,8	10,0
Социальный статус и положение в обществе	12,5	6,4	8,7
Здоровье	3,6	10,6	8,0
Духовное развитие	8,9	6,4	7,3
Независимость, самостоятельность	7,1	4,3	5,3
Финансовые возможности	5,4	0,0	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 2 (Table 2)

Возрастные различия основных ценностей в жизни молодёжи, % по возрасту
Age distinctions in the fundamental life values of young people, % by age

Главные ценности в жизни	Возраст, лет			По выборке
	14–19	20–24	25–30	
Семья	24,4	37,8	48,3	40,0
Работа, карьера	22,0	17,8	18,3	18,7
Любовь, дружба	9,8	13,3	8,3	10,0
Социальный статус и положение в обществе	14,6	11,1	3,3	8,7
Здоровье	7,3	8,9	8,3	8,0
Духовное развитие	4,9	8,9	8,3	7,3
Независимость, самостоятельность	12,2	2,2	3,3	5,3
Финансовые возможности	4,9	0,0	1,7	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди тех, кто больше всего ценят свою семью, патриотизм чаще интерпретируется как уважение к Родине, гордость за свою страну (18,3%), любовь к национальной культуре (11,7%), стремление к социальной справедливости (10%), прославление побед Родины (5%). Иными словами, здесь речь идёт скорее о традиционном патриотизме, соединяющемся с демократическим, или даже латентно – с критическим (см. таблицу 3).

Среди ориентированных на работу и карьеру патриотизм чаще воспринимается как любовь к родному городу, деревне, дому (14,3%), к национальной культуре (10,7%), как стремление к безопасному глобальному миру (7,1%). Здесь амбивалентно соединились локальный, либерально-традиционный патриотизм и глобализм.

Сосредоточенные на социальном статусе и положении в обществе в 2,5 раза чаще других интерпретируют патриотизм как любовь к родному городу, деревне, дому, или как любовь к своей семье, близким; в 1,5 раза чаще других понимают под этим термином уважение к своей Родине, гордость за свою страну. Это демонстрирует соединение традиционного и локального патриотизма при доминировании последнего.

Среди ценящих здоровье больше тех, кто интерпретируют патриотизм как любовь к народу. То есть латентно здесь присутствует демократический патриотизм. Отдающие приоритет ценности любви (дружбы) в 2 раза чаще, чем в среднем по выборке, традиционно интерпретируют патриотизм как любовь к народу, прославление побед Родины и уважение к ней, гордость за свою страну и стремление к безопасному глобальному миру. Иными словами, здесь патриотизм выступает как синкретичное понятие, объединяющее традиционные, демократические и глобалистские интенции.

Представители молодого поколения, ценящие духовное развитие, в 3 раза чаще, чем в среднем по выборке, разделяют мнение, что патриотизм – это любовь к своей семье, близким и стремление к соци-

альной справедливости, что характеризует локальный патриотизм. Среди тех, кто особенно ценит независимость, самостоятельность, в 2,5 раза чаще ценится локальное понимание патриотизма как любовь к родному городу, деревне, дому, в 2 раза популярнее традиционные патриотические ориентации: уважение к своей Родине, гордость за свою страну, и в 6 раз чаще встречается мнение, что патриотизм в условиях глобализации теряет своё значение (глобалистические установки). Ориентированные на финансовые возможности в 5 раз чаще, чем в среднем по выборке, интерпретируют патриотизм как стремление к социальной справедливости, и в 7 раз чаще – как любовь к национальной культуре.

Таблица 3 (Table 3)

**Влияние основных жизненных ценностей
на молодёжные интерпретации патриотизма,
% по каждой ценности (положительные ответы)**
*Influence of fundamental life values on young people's interpretation of patriotism,
% by each value (positive responses)*

Главные ценности в жизни	Интерпретация патриотизма								
	Любовь к народу	Любовь к своей семье, близким	Прославление побед Родины	Любовь к родному городу, деревне, дому	Стремление к безопасному глобальному миру	Любовь к национальной культуре	Стремление к социальной справедливости	Уважение к своей родине, гордость за свою страну	Патриотизм в условиях глобализации теряет свое значение
Семья	3,3	5,0	5,0	6,7	3,3	11,7	10,0	18,3	1,7
Работа, карьера	7,1	3,6	3,6	14,3	7,1	10,7	3,6	7,1	3,6
Социальный статус и положение в обществе	7,7	15,4		23,2				23,1	
Здоровье	16,7					8,3		8,3	8,3
Любовь, дружба	13,3	6,7	6,8	6,7	6,7			33,3	
Духовное развитие		18,2				9,1	18,2	9,1	
Независимость, самостоятельность				25,0				37,5	12,5
Финансовые возможности						66,7	33,3		
По выборке	6,1	6,0	3,3	9,3	3,3	9,3	6,7	17,3	2,7

Таким образом, содержательное наполнение термина «патриотизм» во многом определяется теми ценностями, которые разделяет молодёжь. Многообразие ценностных доминант формирует множество моделей патриотизма: от традиционного до глобалистического его отрицания.

33,3% опрошенных молодых людей определили патриотизм как «любовь к Родине» (см. таблицы 4, 5). Эта абстрактная формулировка особенно свойственна юношам (35,7%) и зрелой молодёжи 25–30 лет (36,7%). Вторым по популярности (17,3%) следует понимание патриотизма как «уважение к своей Родине, гордость за свою страну». Данная традиционная интерпретация особенно распространена среди девушек (20,2%) и подростков (22,0%). Причём с возрастом значимость этих двух интерпретаций патриотизма снижается. Затем следуют два варианта понимания: «любовь к национальной культуре» и «любовь к родному городу, деревне, дому» (по 9,3%). Такое социокультурно-либеральное и локальное наполнение данного термина немного чаще проявлялось среди юношей (по 10,7%) и зрелой молодёжи (соответственно 10,0 и 13,3%). С возрастом значимость этих двух интерпретаций патриотизма растёт. 6,7% молодых людей определили патриотизм как «стремление к социальной справедливости», что косвенно может свидетельствовать о демократическом или критическом видении этого понятия. Почти одинаковые доли опрошенных (6,1 и 6,0%) определили патриотизм как «любовь к близким» и «любовь к народу». Причём последнее значение ближе девушкам (8,5%), а «любовь к близким» – юношам (7,1%). И если за демократический «народный» патриотизм немного чаще выступала юная молодёжь 20–24 лет, то за «семейный» патриотизм – подростки 14–19 лет (9,8%). С возрастом значимость этой трактовки патриотизма снижается. 3,4% опрошенных определили патриотизм как «прославление побед Родины». К этому варианту «победного» (возможно радикального) патриотизма немного чаще склонялись юноши (3,6%) и в 2 раза чаще других – подростки (7,3%).

Таблица 4 (Table 4)

Гендерные различия в определении молодёжью понятия «патриотизм»,
% по полу (положительные ответы)
*Gender distinctions in how young people define the term "patriotism",
% by gender (positive responses)*

Смысл понятия «патриотизм»	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Любовь к Родине	35,7	31,9	33,3
Уважение к своей Родине, гордость за свою страну	12,5	20,2	17,3
Любовь к родному городу, деревне, дому	10,7	8,5	9,3
Любовь к национальной культуре	10,7	8,5	9,3
Стремление к социальной справедливости	10,7	4,3	6,7
Любовь к народу	1,8	8,5	6,1
Любовь к своей семье, близким	7,1	5,3	6,0
Прославление побед Родины	3,6	3,2	3,4
Стремление к безопасному глобальному миру	1,8	4,3	3,3
Патриотизм в условиях глобализации теряет своё значение	1,8	3,2	2,7

Таблица 5 (Table 5)

**Возрастные различия в определении молодёжью понятия «патриотизм»,
% по возрасту (положительные ответы)**
*Age distinctions in how young people display patriotism,
% by age (positive responses)*

Смысл понятия «патриотизм»	Возраст, лет			По выборке
	14–19	20–24	25–30	
Любовь к Родине	24,4	33,3	36,7	33,3
Уважение к своей Родине, гордость за свою страну	22,0	17,8	15,0	17,3
Любовь к родному городу, деревне, дому	9,8	8,9	10,0	9,3
Любовь к национальной культуре	4,9	8,9	13,3	9,3
Стремление к социальной справедливости	4,9	8,9	6,7	6,7
Любовь к народу	4,9	8,9	5,0	6,1
Любовь к своей семье, близким	9,8	4,4	3,3	6,0
Прославление побед Родины	7,3	0	3,3	3,4
Стремление к безопасному глобальному миру	4,9	2,2	3,3	3,3
Патриотизм в условиях глобализации теряет своё значение	4,9	2,2	1,7	2,7

Интересно, что 3,3% респондентов увидели смысл патриотизма в «стремлении к безопасному глобальному миру». Такая глобалистская интерпретация особенно свойственна девушкам (4,3%) и подросткам (4,9%). 2,7% молодых людей посчитали, что «патриотизм в условиях глобализации теряет своё значение». Немного чаще других это мнение разделяли девушки (3,2%) и подростки 14–19 лет (4,9%). С возрастом значимость этих двух интерпретаций патриотизма снижается. Таким образом, в молодёжных интерпретациях патриотизма, хотя и в небольшой степени, но присутствуют все современные модели, отражая разнонаправленные, амбивалентные и бифуркационные процессы российской реальности.

Опрос показал, что у 20% молодёжи, особенно девушек (22,3%), среди близкого окружения есть патриоты. Чаще всего такой ответ давали молодые люди 20–24 лет (35,6%). Однако большинство (51,3%) таких вокруг себя не обнаружили. К этому следует добавить 28,7% затруднившихся с ответом. Это может свидетельствовать о низком уровне патриотизма в молодёжной среде или о завышенных представлениях молодёжи о должном поведении патриотов.

Характеристики патриотизма

В результате возникла необходимость уточнения представлений молодёжи о патриотизме как таковом.

Контрольный вопрос о проявления патриотизма у юных сограждан позволил конкретизировать поведенческие признаки патриотизма (см. таблицы 6 и 7).

Таблица 6 (Table 6)

Гендерные различия в проявлениях патриотизма у молодёжи,
% по полу (положительные ответы)
Gender distinctions in how young people display patriotism,
% by gender (positive responses)

Проявления патриотизма	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Беседы со знакомыми на патриотические темы	30,4	26,6	28,0
Работа с полной отдачей сил по своей специальности	17,9	25,5	22,7
Участие в деятельности патриотических организаций	10,7	21,3	17,3
Укрепление семьи и воспитание детей в духе патриотизма	10,7	7,4	8,7
Конструктивная критика недостатков в стране	12,5	4,3	7,3
Голосование на выборах за патриотические партии	8,9	5,3	6,7
Празднование исторических событий и юбилеев	3,6	6,4	5,3

Таблица 7 (Table 7)

Возрастные различия в проявлениях патриотизма у молодёжи,
% по возрасту (положительные ответы)
Age distinctions in how young people display patriotism,
% by age (positive responses)

Проявления патриотизма	Возраст, лет			По выборке
	14–19	20–24	25–30	
Беседы со знакомыми на патриотические темы	29,3	26,7	30,0	28,0
Работа с полной отдачей сил по своей специальности	22,0	24,4	21,7	22,7
Участие в деятельности патриотических организаций	24,4	13,3	15,0	17,3
Укрепление семьи и воспитание детей в духе патриотизма	9,8	6,7	6,7	8,7
Конструктивная критика недостатков в стране	4,9	8,9	8,3	7,3
Голосование на выборах за патриотические партии	0	8,9	10,0	6,7
Празднование исторических событий и юбилеев	7,3	8,9	1,7	5,3

Так, 28,0% молодёжи (особенно юноши – 30,4%, подростки – 29,3% и зрелая молодёжь – 30,0%) видели интерес в беседах со знакомыми на патриотические темы. Ещё одним проявлением патриотизма молодёжь считает работу с полной отдачей сил по своей специальности (22,7%). Немного чаще других на этом настаивали девушки (25,5%) и молодые люди 20–24 лет (24,4%).

Третьей характеристикой патриотизма стало участие в деятельности патриотических организаций (17,3%). Об этом чаще других свидетельствовали девушки (21,3%) и подростки (24,4%). Далее с большим отрывом следует «укрепление семьи и воспитание детей в духе патриотизма» (8,7%). Об этом чаще других говорили юноши (10,7%) и подростки (9,8%).

Интересно, что характеристикой патриотизма стала «конструктивная критика недостатков в стране» (7,3%). Немного чаще этого мнения придерживаются юноши (12,5%) и молодёжь 20–24 и 25–30 лет (соответ-

ственно 8,9 и 8,3%). Это «высвечивает» ещё одну модель патриотизма – критическую. Только 6,7% молодёжи, особенно юношей (8,9%) и зрелых молодых людей (10,0%), видят патриотизм в «голосовании на выборах за патриотические партии». Меньше всего патриотизм ассоциируется с «празднованием исторических событий и юбилеев» (5,3%). Среди девушек и юной молодёжи 20–24 лет такое мнение встречается чуть чаще (соответственно 6,4 и 8,9%). Все это демонстрирует, что патриотизм рядовых российских граждан в основном проявляется в повседневной жизни и реже – в политических и праздничных мероприятиях.

Факторы, влияющие на формирование различных моделей патриотизма

Для Саратовской молодёжи главным объектом гордости выступает Победа в Великой Отечественной войне. На это указывали 38,7% молодых людей, особенно девушки (43,6%), подростки (43,9%) и зрелая молодёжь (41,8%), что ещё раз подтверждает распространённость традиционной модели патриотизма. Культурным наследием гордятся 35,3% опрошенных, особенно девушки (39,4%) и зрелая молодёжь (41,7%), что демонстрирует либерально-социокультурный характер их патриотизма. О безоговорочном традиционном патриотизме свидетельствует наличие гордости за историю страны (32,7%). Об этом чаще говорили юноши (41,1%) и молодёжь 20–24-х лет (35,6%). Примерно каждый четвёртый представитель молодого поколения, особенно девушки (29,8%), гордятся природными богатствами страны. Однако по мере взросления респондентов ресурсы реже выступают как объект гордости. Только 12,0% молодёжи, чуть чаще девушки (13,8%), гордятся своей национальностью. Больше других этим отличаются подростки (14,6%). Однако и здесь с возрастом уровень этой гордости снижается (соответственно 13,3 и 10,0%). 16,0% опрошенных, особенно девушек (17%) и юной молодёжи (22,2%), категорично утверждали, что нашей стране гордиться нечем, что ещё раз демонстрирует критическую настроенность молодёжи.

Только девушки (5,3%) указали, что за последние 2–3 года они не менее 5 раз участвовали в мероприятиях патриотического характера. Об этом чаще других заявляли молодые саратовцы 25–30 лет (6,7%). 24,0% молодых людей, преимущественно девушек (29,8%), участвовали в этом 2–4 раза. 26,7% респондентов (юноши – 30,4%) принимали участие только однажды. 46,0% представителей молодого поколения, особенно юношей (55,4%) и подростков (53,7%), за этот период ни разу не участвовали в подобных мероприятиях.

Мнения молодёжи об эффективности влияния патриотических мероприятий измерялись по 6-балльной шкале, где 0 – совсем не оказывает влияния; 5 – оказывает очень сильное влияние. Выяснилось, молодые люди достаточно единодушны в своих невысоких оценках подобных мероприятий: стандартное отклонение не превышало 1,408. Максимальная

оценка была дана встречам с ветеранами ВОВ и локальных войн, но и она не превышала 3,42 балла. На втором месте в рейтинге эффективности оказались художественные фильмы, литература (3,05 балла), на третьем – мероприятия различных социальных институтов (2,95), на четвёртом – фестивали, конкурсы патриотической направленности (2,37), на пятом – военно-спортивные игры (1,23). Деятельность патриотических клубов по эффективности воздействия оказалась на последнем месте (0,70 балла), что возможно связано с их малочисленностью.

Требовалось уточнить, что в наибольшей степени повлияло на формирование патриотизма у самой молодёжи. На первом месте оказалась семья. На это указали 34% опрошенных, особенно девушки (39,4%) и юная молодёжь (37,8%). На втором месте – общественные объединения и организации (24,7%). Немного чаще других об этом говорили юноши (26,8%) и зрелая молодёжь (33,3%). На третьем месте – структуры государственной власти (20,0%), что немного чаще выделялось юношами (23,2%) и зрелой молодёжью (23,3%). СМИ оказались на четвёртом месте (10,0%). Немного больше они влияют на юношей (12,5%) и подростков (17,1%). Система образования заняла лишь пятое место (8,7%). Чуть больше других она повлияла на девушек (10,6%) и подростков (9,8%). На последнем месте оказалась религия (2,7%), хотя на юношей (7,1%) и юную молодёжь (4,4%) она повлияла немного больше.

Заключение

Итак, содержательное наполнение термина «патриотизм» во многом определяется теми ценностями, которые разделяет молодёжь. Многообразие ценностных доминант формирует семь моделей патриотических установок:

1. Абстрактный патриотизм, который отличается неререфлексируемой любовью к Родине; его разделяют 32% опрошенной саратовской молодёжи.
2. Традиционный патриотизм, включающий в себя гордость за свою страну и её победы, который разделяют 20% молодёжи.
3. Локальный патриотизм, сконцентрированный на любви к своему городу, селу, семье, который разделяют примерно 14% молодых людей.
4. Либеральный патриотизм, сконцентрированный вокруг социокультурных достижений страны; его разделяют около 9% молодёжи.
5. Демократический патриотизм, отражающий любовь к народу и нацеленность на социальную справедливость. Он свойственен примерно 13% молодёжи.
6. Критический патриотизм, который выстраивается вокруг конструктивной критики современных российских институтов и органов власти. Его разделяют около 7% молодёжи.

7. Глобалистский антипатриотизм, отличающийся тем, что не обнаруживает никакой ценности в любви к Родине. Эту позицию разделяют около 5% молодёжи.

Выявлено, что темпорально все эти модели изменяются по разным, даже противоположным векторам. Так, с возрастом значимость абстрактной и традиционной моделей патриотизма снижается, а локальной и либеральной – растёт, хотя доля «семейного» патриотизма снижается. По мере взросления молодёжи значимость антипатриотической трактовки также снижается.

Патриотизм молодёжи проявляется в повседневной жизни и реже в политических и праздничных мероприятиях. Больше всего представители молодого поколения гордятся Победой во Второй мировой войне, культурой и историей своей страны. Наибольший вклад в это приносят встречи с ветеранами различных войн. У всех социальных институтов российского общества обнаружен значительный нереализованный потенциал в деле формирования патриотизма у молодёжи. Для этого важно не только коренным образом изменить отношение к проблеме патриотизма, но и активизировать работу в регионах и местных сообществах, оказывать помощь патриотическим объединениям, клубам, другим организациям патриотической направленности, обратить внимание на деятельность учебных учреждений, усилить патриотическую работу со студентами со стороны Вооружённых сил, МВД, пограничных войск, добиться коренного изменения отношения к патриотизму и патриотическому воспитанию в средствах массовой информации.

Библиографический список

Асланов Я. А. 2015. Теоретические проблемы исследования патриотизма российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. № 9. С. 174–181.

Афанасьев И. А., Тихонова С. В. 2007. Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // Власть. № 1. С. 65–70.

Валлерстайн И. 2006. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего. URL: https://drive.google.com/file/d/1G02onu8R2L_9dBpzmKKBKZn79DZQtDWs/view (Дата посещения: 12.02.2020).

Волков Ю. Г., Бинева Н. К. 2017. Социологическое измерение гражданственности и патриотизма в российских исследованиях // Формирование гражданского патриотизма на Юге России. Материалы Школы молодого социолога «Формирование гражданского патриотизма на Юге России» (1–3 ноября 2017 г., Институт социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. С. 10–17.

Вебер М. 1990. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс. 808 с.

Досов Ю. Н., Кончугов А. В. 2009. Вопросы патриотизма: плюрализм и фальсификации // Армия и общество. № 4. С. 81–87.

Дюркгейм Э. 1991. Ценностные и «реальные» суждения / Пер. с франц. А. Б. Гофмана // Социологические исследования. № 2. С. 106–114.

Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. 2019. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. Том 10. № 1. С. 104–119. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_28/Ivchenkov,Sayganova.pdf (Дата посещения: 28.01.2019).

Коган Е. А., Пронина Е. И., Карелова Д. Г. 2019. Изучение мнений старшеклассников о школе и ее влиянии на развитие их личности // Перспективы науки и образования. № 3 (39). С. 266–273.

Кочиева Л. Г. 2014. Патриотизм, национализм, экстремизм: сравнительный анализ // Молодой ученый. № 20. С. 483–485.

Кузнецова Н. В., Пронина Е. И. 2016. Современный концепт идентичности и новые тенденции формирования гражданственности и патриотизма старшеклассников // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов. С. 2250–2260. (DVD-ROM) ISBN e978-5-904804-14-5.

Мазур М. А., Ванюкова Я. А. 2010. Эволюция понятий патриотизма и патриотического воспитания // Психопедагогика в правоохранительных органах. № 4 (43). С. 51–53.

Мюллер Я. В. 2018. Что такое популизм? / Пер. с англ. А. Архиповой. М.: ИД ВШЭ. 135 с.

Нуссбаум М. 2006. Патриотизм и космополитизм // ЛОГОС. № 2 (53). С. 110–119.

Ореховская Н. А., Ореховский А. В. 2016. Патриотизм как создающая идеология российского общества // Казанский педагогический журнал. № 3. С. 204–208.

Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.

Подъячев К. В. 2016. Роль гражданского общества в трансляции ценностей патриотизма: опыт российских локальностей // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского конгресса (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов. С. 2312–2322. (DVD-ROM) ISBN e978-5-904804-14-5.

Попов А. В., Шевченко О. М., Бинева Н. К., Печкуров И. В. 2017. Социокультурные особенности патриотизма и формирования государственно-гражданской идентичности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. № 4. С. 221–226.

Пронина Е. И. 2019. Формирование гражданственности, патриотизма и исторической памяти в общественном сознании современных старшеклассников // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: сборник материалов III Международной научной конференции, Красково, 25 апр. 2019 г. М.: Перо. С. 467–469.

Трофимов Ю. Н. 2016. О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3 (35). С. 23–31.

Узунов В. В., Иванова Р. А. 2018. Прецедент крымского патриотизма в условиях геополитической трансформации региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 10. С. 85–91.

Узунов В. В. 2018. Особенности формирования патриотизма в молодежной среде и его влияние на гражданскую идентичность: опыт Республики Крым // Социально-гуманитарные знания. № 7. С. 135–141.

Хабермас Ю. 2020. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность, западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы URL: http://rulibs.com/ru_zar/sci_politics/habermas/0/j4.html (Дата посещения: 12.02.2020).

Халий И. А. 2017. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. № 2. С. 67–74.

Халий И. А. 2016. Социология патриотизма в исторической ретроспективе и её применение к анализу российской реальности // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.) Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов. С. 2200–2203. (DVD-ROM) ISBN e978-5-904804-14-5.

Шевченко О. М., Вагина В. О. 2017. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. Т. 6. № 3. С. 300–309.

Erez L, Laborde C. 2020. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal // American Journal of Political Science. № 1 (64). P. 191–203. URL: https://www.researchgate.net/publication/336906358_Cosmpolitan_Patriotismas_a_Civic_Ideal (Дата посещения: 12.02.2020).

Gomberg P. 2002. Patriotism Is Like Racism // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst: Humanity Books. 298 p. P. 105–112.

MacIntyre A. 2002. Is Patriotism a Virtue? // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst: Humanity Books. 298 p. P. 43–58. URL: https://www.researchgate.net/publication/240063996_Is_Patriotism_a_Virtue (Дата посещения: 12.02.2020).

Müller J. W. 2007. *Constitutional patriotism*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 177 p.

Nathanson S. 2020. In Defense of “Moderate Patriotism” // *Ethics* April 1989. 99 (3). P. 535–552. URL: https://www.researchgate.net/publication/249147395_In_Defense_of_Moderate_Patriotism (Дата посещения: 12.02.2020).

On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism, 1999 // URL: <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140> (Дата посещения: 12.02.2020).

Shaar J. H. 2002. The Case for Covenanted Patriotism // *Patriotism*. Primoratz I. (ed.). Amherst: Humanity Books. 298 p. P. 233–257. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=964431> (Дата посещения: 12.02.2020).

Sullivan J., Frade A., Dietz M. 1998. Patriotism, politics, and the presidential election of 1988 // *American Journal of Political Science*. P. 200–234. // URL: <https://www.scholars.northwestern.edu/en/publications/patriotism-and-the-presidential-election-of-1988> (Дата посещения: 12.02.2020).

Taylor Ch. 2002. *Why Democracy needs Patriotism* // Nussbaum M. C. *For love of country?* Massachusetts: Beacon Press. 153 p. P. 119–131.

Viroli M. 1995. *For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism*. Oxford: Clarendon Press. 206 p.

Статья поступила 20. 04. 2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, декан социологического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия
Сайганова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодёжи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643

Values and Their Influence on the Perception of Patriotism Among Young People

Sergey G. Ivchenkov

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia

E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1939-214X

Elena V. Sayganova

Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia

saiganovaev@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3916-2800

For citation: Ivchenkov S. G., Sayganova E. V. Value guidelines and their influence on young people's perception of patriotism. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 106–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643

Abstract. This article is based on the results of a sociological study of Saratov's youth, conducted by means of mass survey. Examined are the theoretical approaches towards analyzing patriotism as a social phenomenon based on the notion of its multi-variance. The substantive content of the term "patriotism" is defined to a significant degree by those values which young people appreciate. It is shown that the diversity of value dominants creates seven models of patriotic attitudes: abstract patriotism, traditional, local (including household), liberal, democratic, critical and globalist anti-patriotism. Temporally all of these models shift in different and often times opposite directions. The older one gets – the more "abstract" and "traditional" models of patriotism diminish in terms of their importance, while local and liberal models grow, on the contrary (however, the proportion of household patriotism, which is included into the local category, does decrease). The process of maturing for young people is typically accompanied by a decreasing significance of the anti-patriotic interpretation.

Young people's patriotism usually manifests itself in everyday life, and less commonly in political and celebratory activities. The younger generation takes the utmost pride in our World War 2 victory, as well as the culture and history of their country. The fact that upbringing has the greatest effect on developing patriotism among young people is confirmed. Other influential factors include (in order of diminishing importance) public organizations, structures of government power, mass media, the education system, religion. The authors' analysis of the influence of patriotic events revealed that the greatest contributing factor to developing patriotism is when young people meet with veterans of various wars. Second place in that rating of effectiveness goes to watching feature films and reading books. All of Russian society's social institutions appear to have vast unrealized potential when it comes to cultivating patriotic sentiments and views among young people. In order to fully realize this potential, the authors suggest not only drastically changing our perspective on such an issue as patriotism, but also initiating active work in regions and in local communities, assisting patriotic associations, clubs and other organizations focused on patriotism, paying close attention to the activities of educational institutions, intensifying patriotic work with students on behalf of the armed forces, and, finally, prompting mass media to radically change their perspective on patriotism and patriotic upbringing.

Keywords: patriotism, homeland, values, youth, social institutions

References

Afanasiev I.A., Tikhonova S.V. Contours of the Russian Patriotic ideology: to the problem of construction. *Vlast` = Power*, 2007: 1: 65–70 (In Russ.).

Aslanov Y.A. Theoretical problems of studying the patriotism of Russian students. *Social`noganumanitarnoe znanie = Social and Humanitarian Knowledge*, 2015: 9: 174–181 (In Russ.). DOI: [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140)

Dosov Y.N., Konchugov A.V. Questions of patriotism: pluralism and falsifications. *Armiya I obschestvo = Army and society*, 2009: 4: 81–87 (In Russ.).

Durkheim E. Value and "real" judgments. *Sotsiologicheskie Issledovanija = Sociological Studies*, 1991: 2: 106–114 (In Russ.).

Erez L, Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal. *American Journal of Political Science*, 2020: 1 (64): 191–203.

Gomberg P. Patriotism Is Like Racism. In: *Patriotism*. Ed. by I. Primoratz. Amherst, Humanity Books, 2002: 298: 105–112.

Habermas Y. Historical consciousness and post-traditional identity, Western orientation of Germany. In: *Habermas Y. Political works*. 2020.

Ivchenkov S.G.; Sayganova E.V. Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective. *Vestnik instituta sotziologii = Institute of Sociology Bulletin*, 2019: 10: 1: 104–119 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558>

Khaliy I.A. Sociology of patriotism in historical retrospect and its application to the analysis of Russian reality. In: *Sociology and society: social inequality and social justice*. Ed. by V. A. Mansurov. Moscow, RSA publ., 2016: 2200–2203 (In Russ.).

Khaliy I.A. Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskie Issledovanija = Sociological Studies*, 2017: 2: 67–74 (In Russ.).

Kochieva L.G. Patriotism, nationalism, extremism: a comparative analysis. *Molodoy Uchioniy = The Young Scientist*, 2014: 20: 483–485 (In Russ.).

Kogan E.A., Pronina E.I., Karelova D.G. Studying the opinions of high school students about the school and its impact on the development of their personality. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* = Prospects of Science and Education, 2019: (39): 266–273 (In Russ.).

Kuznetsova N.V., Pronina E.I. Modern concept of identity and new trends in the formation of citizenship and patriotism of high school students. In: *Sociology and society: social inequality and social justice*. Ed. by V. A. Mansurov. Moscow, RSA publ., 2016: 2250–2260 (In Russ.).

MacIntyre A. Is Patriotism a Virtue? In: *Patriotism*. Ed. by I. Primoratz. Amherst, Humanity Books, 2002: 298: 43–58.

Mazur M.A., Vanykova Y.A. Evolution of concepts of patriotism and Patriotic education. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh* = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies, 2010: 4 (43): 51–53 (In Russ.).

Müller J.W. *Constitutional patriotism*. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2007: 177.

Müller J.W. What is populism? Moscow, NRU HSE publ., 2018: 135 (In Russ.).

Nathanson S. In Defense of “Moderate Patriotism”. *Ethics* April 1989, 2020: 99 (3): 535–552.

Nussbaum M. Patriotism and cosmopolitanism. *LOGOS*, 2006: 2 (53): 110–119 (In Russ.).

Orekhovskaya N. A., Orekhovsky A.V. 2016. Patriotism as a creative ideology of Russian society. *Kazanskii pedagogicheskiy zhurnal* = Kazan pedagogical magazine, 2016: 3: 204–208 (In Russ.).

Parsons T. *The system of modern societies*. Moscow, Aspect Press, 1998: 270 (In Russ.).

Podyachev K.V. The role of civil society in the translation of values of patriotism: the experience of Russian localities In: *Sociology and society: social inequality and social justice*. Ed. by V. A. Mansurov. Moscow, RSA publ., 2016: 2312–2322 (In Russ.).

Popov A.V., Shevchenko O.M., Bineeva N.K., Pechkurov I.V. Sociocultural features of patriotism and formation of state-civil identity in modern Russia. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye* = State and municipal administration. Proceedings of the NKAG, 2017: 4: 221–226 (In Russ.).

Pronina E.I. Formation of citizenship, patriotism and historical memory in the public consciousness of today's high school students. In: *Theory and practice of social development in the light of modern scientific knowledge*. Moscow, Pero, 2019: 467–469 (In Russ.).

Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism. *Political Psychology*, 1999: 20: 1: 151–174.

Shaar J. H. The Case for Covenanted Patriotism In: *Patriotism*. Ed. by I. Primoratz. Amherst: Humanity Books, 2002: 298: 233–257.

Shevchenko O. M., Vagina V. O. Civil patriotism as an idea of youth consolidation in the South of Russia: specifics and difficulties of formation. *Gumanitarniy Yuga Rossii* = Humanities of the South of Russia, 2017: 6: 3: 300–309 (In Russ.).

Sullivan J., Frade A., Dietz M. Patriotism, politics, and the presidential election of 1988. *American Journal of Political Science*, 1992: 36: 200–234.

Taylor Ch. Why Democracy needs Patriotism. In: Nussbaum M.C. and oth. *For love of country?* Mass., Beacon Press, 2002: 153: 119–131.

Trofimov Y.N. About Patriotic ideology in conditions of ideological diversity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philosophiya. Sotsiologiya. Politologiya* = Bulletin of Tomsk state University. Philosophy. Sociology. Political science, 2016: 3 (35): 23–31 (In Russ.).

Uzunov V.V. Features of formation of patriotism in the youth environment and its influence on civil identity: experience of the Republic of Crimea. *Social'no-gumanitarnoe znanie* = Social and Humanitarian Knowledge, 2018; 7: 135–141 (In Russ.).

Uzunov V.V., Ivanova R.A. Precedent of Crimean patriotism in the context of geopolitical transformation of the region. *Gumanitarnye, sotsial'no-economicheskiye i obschestvennye nauki* = Humanities, Socio-economic and Social Sciences, 2018: 10: 85–91 (In Russ.).

Viroli M. *For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism*. Oxford, Clarendon Press, 1995: 206.

Volkov Y.G., Bineeva N.K. Sociological measurement of citizenship and patriotism in Russian studies. In: *Formation of civil patriotism in the South of Russia*. Ed. by Y.G. Volkov. Rostov-on-don, Foundation for science and education, 2017: 10–17 (In Russ.).

Wallerstein I. World system analysis: Management. Moscow, Territoriya buduschego, 2006 (In Russ.).

Weber M. Selected works. Moscow, Progress, 1990: 808 (In Russ.).

The article was submitted on: April 20.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivchenkov Sergei Grigorievich, Doctor of Sociological Science, Dean of the faculty of sociology, Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Sayganova Elena Viktorovna, Candidate of Sociological Sciences, associate Professor, Department of youth sociology, Saratov national research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

МОДЕРНИЗАЦИЯ, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644

Социальные детерминанты организации государственного стратегического управления

Ссылка для цитирования: Корнилович В. А. Социальные детерминанты организации государственного стратегического управления // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 126–140. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644

For citation: Kornilovich, V. A. Social determinants in organizing government strategic management. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 126–140. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644

Корнилович Владимир Адамович

НП «Неправительственный инновационный центр»,
Москва, Россия

kornilovich69@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [722788](#)

Аннотация. Стратегическое управление является высшей функцией государства, которая реализуется органами власти посредством системы государственного стратегического планирования и конкретного типа управленческой деятельности – разработки и реализации стратегий, национальных проектов и программ. Стратегии, по своей сути, – нормативно нагруженные, формализованные приоритеты, цели, задачи долгосрочного развития России и её регионов, призваны быть действенным инструментом реализации текущей государственной политики, служить источником компромисса в обществе и обеспечить целенаправленный характер совместной деятельности множества социальных субъектов по достижению планируемых результатов. На проблему в организации государственного стратегического управления указывает продолжающийся рост территориальных диспропорций в социально-экономическом, социокультурном развитии городов и регионов России, отстранённость населения от стратегий, федеральных и региональных проектов. К числу факторов, ограничивающих способность органов власти к достижению планируемых результатов общественного развития следует отнести множество различных систем социального управления, сложившихся на региональном и муниципальном уровнях, которые не позволяют реализовать линейные зависимости в отношениях управления. Более того, в развитии территориально локализованных сообществ проявляется внутренняя детерминация, когда поведение выделяемой социальной целостности определяется не столько внешней причиной или управленческим воздействием, сколько фактическим характером внутренних связей, памятью о прошлых состояниях, правилами взаимодействия социальных субъектов,

жизненными планами и жизненными стратегиями индивидов и социальных групп. Решение проблемы организованности системы государственного стратегического управления и обеспечение управляемости процессов развития российского общества автор связывает с раскрытием социальных факторов и явлений, определяющих допустимость новаций для локального сообщества, достижимость планируемых результатов на уровне региона, а также выбор методов управленческого воздействия, к которым выделяемая социальная целостность будет чувствительна. На эмпирическом материале автор статьи доказывает существование зависимости между отношением населения к системе государственного стратегического управления и уровнем модернизированности региона (по классификации Н. И. Лапина), а также утверждает, что различие регионов по уровню модернизированности – это информация для дифференциации структуры, функций органов власти по стратегическому планированию и выбору механизмов регуляции (от менеджмента, управления ресурсами до нормативно-ценностного, институционального управления)¹.

Ключевые слова: государственное и стратегическое управление, стратегическое планирование, модернизация, уровень модернизированности регионов, социальные детерминанты, социальное управление, социология управления

Перспективы участия России в процессах глобального развития во многом определяются завершённостью внутренних процессов трансформации и развития российского общества. Скорость, с которой общество адаптируется к новациям, влияет на формирование новых моделей поведения и организации жизнедеятельности и предполагает наличие в действиях органов власти периода упреждения – среднесрочного, долгосрочного. Этим условием актуализируется одна из основных функций государства – стратегическое управление, которая реализуется органами власти посредством определённого типа управленческой деятельности – стратегического планирования, показателем эффективности которого является управляемость процессов долгосрочного развития общества.

Обозначенный в начале 2000-х гг. Президентом России приоритет государственной политики – модернизация российского общества как условие его развития и повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке – получил практическое воплощение в реформировании государственного управления, переходе к долгосрочному циклу планирования социально-экономического развития. Постепенно процесс производства документов стратегического планирования стал определяющим в замещении прежних механизмов регуляции (централизованного директивного управления, ресурсного обеспечения развития) на новые механизмы рационализации общественных отношений – стратегии,

¹ Информационную базу составляют данные, полученные в ходе исследовательского проекта Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН «Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» (РНФ, 2015–17).

национальные проекты и т. п. Вместе с тем в решениях органов власти, принятых за последние годы¹, проявляются все признаки того, что модернизация российского общества неразрывно связана с проблемой организации стратегического государственного управления.

Проблема организованности системы стратегического государственного управления в России обусловлена существующим многообразием систем социального управления, сформировавшихся на региональном и муниципальном уровнях и увеличением значения субъективного фактора в управлении [Власть и общество... 2015; Идеальное общество...2016; Нова ли новая... 2016; Тихонов 2018; Мерзляков 2018]. В данных условиях включённость конкретных городов и регионов, макрорегионов в общий процесс определяется не столько внешней причиной – реализацией государственной стратегии, целевых программ или национальных проектов, сколько свойствами локального сообщества: его организации, фактическим характером внутренних связей, памятью о прошлых состояниях, правилами взаимодействия социальных субъектов, их жизненными планами и жизненными стратегиями. Социологическая закономерность состоит в том, что сложившаяся в каждом конкретном регионе система социального управления обеспечивает управляемость процессов общественного развития, но лишь до определённого порога сложности социальной целостности, правил или ситуаций. Сложность социетальной системы проявляется не в массиве информации о её состояниях, факторах и изменениях, а в различиях одной социальной целостности от другой, которые формируются в процессе трансформации общества.

Стратегическое управление как особый тип социального взаимодействия

Приблизиться к решению проблемы организованности государственной системы стратегического управления и управляемости процессов общественного развития позволяет представление о единстве естественной (социальная самоорганизация) и искусственной (органы власти и управления, социальные институты) структур общества [Кузнецов и др. 2001: 7; Степин и др. 1995: 15]. В теории аутопоэзиса утверждается, что целостность выделяемой системы обеспечивается при условии опе-

¹ Указ Президента России от 30 июня 2016 года № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам»; Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации № 1050 от 15 ноября 2016 года. // Сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/24918/> (Дата посещения: 17.12.2016).

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (Дата посещения: 17.10.2018).

Портал «Цифровая экономика 2024». URL: https://digital.ac.gov.ru/news/1536/?sphrase_id=3195 (Дата посещения: 30.10.2019).

рациональной замкнутости организованных и спонтанных социальных процессов или оперативной замкнутости, по Н. Луману [Луман 2004]. Исходная идея Т. И. Заславской в объяснении социального механизма трансформации общества и становления новых практик в его жизнедеятельности также состоит в замкнутом контуре связей процессов, регулируемых органами власти/социальными институтами и спонтанных, определяемых социально-экономическим положением и сознанием социальных групп [Заславская 2007]. Управление, в его социологической трактовке, – это уже не просто фиксация фактов наличия системы органов власти и управления, повсеместного применения органами власти идей и механизмов регуляции управленческого типа, а некий методологический конструкт. Это особенный взгляд на социальную реальность с позиций социологических закономерностей, под которыми имеется в виду существование управления как феномена жизнедеятельности общества, обладающего универсальным свойством и универсальным качеством, универсальными отношениями, в воспроизводстве которых участвуют все социальные субъекты [Тихонов 2007]. Совокупность явлений управления, факторов и зависимостей, взаимодействий индивидуальных и коллективных социальных субъектов, определяющих процессы общественного развития, образует коллективное явление жизнедеятельности общества, некий целостный феномен – систему государственного стратегического управления, в которой организованные и спонтанные социальные процессы канализируются через различные структуры: пространственные (административно-территориальные единицы, локальные сообщества), временные (социальное время, отражающее асинхронность развития локальных сообществ и территориальных единиц), пространственно-временные (динамика общественных изменений) и функциональные (органы власти, социальные институты) [Корнилович 2015]. Содержание и своеобразие этих структур определяются уровнем социально-экономического и социокультурного развития городов и регионов России.

В описании феномена государственного стратегического управления указанные структуры были выделены нами аналитически и подтверждены путём вторичного анализа данных эмпирических исследований. Созданные под руководством Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой социокультурные портреты регионов позволили нам показать, что сложная география России согласуется с параметром социального времени [Атлас модернизации... 2016; Лапин 2014: 20–24; Лапин, Беляева 2013: 8–19]. Уровень социально-экономического, социокультурного развития конкретного региона отражает циклическое время, т. е. изменение внутренних параметров отдельных сообществ, локализованных территориально: поселение, город, регион, макрорегион. В пределах целого общества или макрорегиона дифференциация регионов по уровню модернизированности отражает структурное время – динамику социальных изменений. Пространство и время определяют динамику развития общества, а соответственно и понимание должного – меры управленче-

ского воздействия по стимулированию роста количественных и качественных изменений в жизнедеятельности конкретного локального сообщества и общества в целом.

Таким образом, в проблемное поле социологии управления попадают новый социальный феномен и социальные процессы, определяющие способность органов власти к реализации функции государства по стратегическому управлению и достижению социально значимых результатов развития российского общества.

Социальный механизм развития общества

Относительная автономность сложившихся на региональном уровне систем социального управления указывает на рекурсивный механизм общественных изменений (от достигнутого) [Хиценко 2014: 44–46] и означает, что изменения в социальной, экономической, духовной и политической сферах жизнедеятельности конкретного региона определяются внутренними свойствами локального сообщества, его организации, уровнем модернизированности. Если достигнутый уровень модернизированности региона фиксируется в конкретные периоды времени и определяет текущее состояние наблюдаемой социальной целостности, то динамика системы может быть выражена разностным уравнением вида:

$$x_{k+1} = \Phi(x_k, \mu).$$

Уравнение описывает рекурсивный механизм формирования состояний конкретного региона в следующий момент времени x_{k+1} на основе текущих состояний x_k ; μ – набор параметров, заданный исследователем: (социально-экономические, социокультурные, политические, социальная активность, напряжённость, событийность, сохранение/уничтожение промышленности, культурные ограничения, биотические системы и т. п.); Φ – оператор эволюции (отражает сложившуюся структуру и организацию внутренних связей и представляет собой ничто иное как механизмы регуляции: власть, собственность, управление).

Принимая во внимание, что система стратегического государственного управления имеет иерархическую структуру (федеральные, региональные органы власти и органы местного самоуправления), каждый нижестоящий уровень будет воспринимать сигналы вышестоящего как внешнюю силу. Внешний сигнал можно отождествить с начальным состоянием x_0 , но затем, по мере развития рекурсии, мы всё более забываем о нём, и всё большую роль начинает играть структура внутренних связей сложившейся системы социального управления (отражаемая оператором Φ). Так что к сопоставимому результату можно прийти от разных стартовых точек – достигнутого уровня социально-экономического и социокультурного развития конкретного региона или группы регионов и при использовании различных методов управленческого воздействия.

Таким образом, приведение системы стратегического государственного управления в соответствие сложности современного российского общества состоит в преднамеренном изменении оператора Φ , т. е. приведение функций органов власти и методов стратегического управления в соответствие со свойствами выделяемой социальной целостности и достигнутым уровнем модернизированности региона.

Характеристика исследования

Теоретическая модель стратегического государственного управления получила дальнейшее развитие в рамках исследовательского проекта Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН по изучению функционирования органов власти и управления в контексте социокультурной модернизации регионов (2012–17 гг.) [Социальная диагностика... 2013; Россия и мир... 2017]. Задача конкретного исследования и анализа данных состояла в выявлении социальных детерминант обновления функций и методов государственного стратегического управления в условиях различной темпоральности социально-экономического и социокультурного развития регионов России. С целью эмпирической проверки высказанного выше предположения была сформулирована рабочая гипотеза: восприятие населением проблем в стратегическом планировании и оценка деятельности органов власти в сфере стратегического управления опосредованы уровнем модернизированности региона.

Анкета для опроса была составлена таким образом, что респонденты при ответе вначале оценивают состояние дел в различных областях жизнедеятельности своего региона, в том числе в разработке документов стратегического планирования (закрытый список), а затем дают оценку деятельности органов власти по решению перечисленных в списке проблем. В анкете пространство мнений населения было задано пятибалльной шкалой.

Теоретическую предпосылку типизации субъектов Федерации по критерию модернизированности составляет концепция «вторичной модернизации»¹ профессора Хэ Чуаньци [He 2013: 19; Обзорный доклад... 2011: 13; Inglehart et al. 2005: 18]. Отбор регионов России для проведения опроса был осуществлён согласно предложенной Н. И. Лапиным классификации регионов на стадии вторичной модернизации: Республика Дагестан, Смоленская область, Республика Калмыкия – уровень «низкий»; Республика Якутия, Республика Башкортостан, Омская область – уровень «ниже среднего»; Амурская, Белгородская, Вологодская обла-

¹ Суть концепции состоит в том, что в современных обществах одновременно осуществляются две стадии модернизации. Первичная модернизация (ПМ) – это переход от традиционного общества к индустриальному. Вторичная модернизация (ВМ) возникает на основе первичной стадии – завершения индустриализации – и означает переход к информационному обществу. Сочетание стадии модернизации (индустриальная или информационная) и фазы её эволюции (низкий уровень, ниже среднего, средний, высокий) формируют основные состояния (типы) модернизированности.

сти – уровень «средний»; Московская, Нижегородская, Свердловская области – уровень «высокий» [Атлас модернизации... 2016]. Общее количество обработанных документов – 5452 по 12 регионам России.

Отношение населения к стратегическому управлению в регионах с разным уровнем модернизированности

На основании анализа сопряженности оценок населением положения дел в сфере стратегического планирования с уровнем развития региона сделаны следующие заключения:

1. При сопоставимых условиях (достигнутый уровень модернизированности в группе регионов) не обязательно складываются подобные системы социального управления, но проявляются специфичные для конкретного региона факторы, формирующие отношение населения к методам достижения планируемых результатов развития.

2. При условии небольшого улучшения социально-экономической ситуации в регионе с «низким» и «ниже среднего» уровнями развития население склонно выше оценивать значимость стратегий (особенно в национальных административно-территориальных образованиях).

3. Обращает на себя внимание факт, что при переходе от «среднего» уровня развития региона к «высокому» не происходит принципиального изменения оценок населением роли документов стратегического планирования в решении актуальных проблем жизнедеятельности локального сообщества. Для группы регионов «среднего» уровня развития положительная оценка даже несколько выше: «удовлетворительно» – 39,3%, «хорошо» – 33,5%, а в группе «высокого» уровня развития эти оценки составляют 36,5 и 32,9% соответственно.

Допустим, что при переходе от «среднего» уровня развития региона к «высокому» роль документов стратегического планирования в решении социально значимых проблем локального сообщества становится менее значимой в представлениях населения. Исключительно экономические, инфраструктурные решения, которые, кстати, составляют содержание национальных проектов¹, в регионах с высоким уровнем развития уже не будут иметь ожидаемой поддержки со стороны населения.

Таким образом можно утверждать: изменение уровня модернизированности региона сопровождается изменениями в отношении населения к системе стратегического государственного управления.

Проявляется ли фиксируемая нами зависимость теперь уже в оценках деятельности органов власти по разработке и реализации документов стратегического планирования? (см. рис. 1).

¹ Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 // Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (Дата посещения: 20.02.2019).

Рис. 1. Сопряжённость оценок населением работы органов власти и управления по решению проблем в сфере стратегического планирования с уровнем модернизованности региона

Figure 1. The relation between the population's assessments of government bodies' and authorities' efforts in solving problems in the field of strategic planning and a region's level of modernization

В группе регионов с «**низким**» уровнем развития (Республики Дагестан и Калмыкия, Смоленская область) при оценке деятельности органов власти примерно равный процент населения оказывается на полюсах: «очень плохо» и «хорошо» – 15,8 и 12,5% соответственно. Распределение оценок работы органов власти (в среднем по группе): «очень плохо» – 15,8%, «довольно плохо» – 28,0%, и «удовлетворительно» – 42,4% свидетельствует о высокой чувствительности к действиям либо бездействию органов власти. Внутри самой группы регионов существуют различия социально-экономического и социокультурного развития, которые также находят отражение в ответах респондентов.

Группа регионов с уровнем модернизованности «**ниже среднего**» (Республики Якутия и Башкортостан, Омская область) демонстрирует существенные изменения в оценках населением деятельности органов власти в сфере стратегического планирования: «очень плохо» – 14,6%, «хорошо» – 22,6%. Сравнение с предшествующей группой реги-

онов, где подобного разрыва в оценках не отмечалось (15,8 и 12,5% соответственно), показывает резкую поляризацию мнений населения при условии достижения и более высокого уровня модернизированности региона, что может отражать и дифференциацию населения по уровню жизни и потребления. Опять-таки мы наблюдаем тенденцию более высокой оценки деятельности органов власти в национальных образованиях при условии перехода региона на следующий уровень модернизированности.

В группе регионов «среднего» уровня развития (Амурская, Белгородская и Вологодская области) становится достаточно заметным смещение оценок способности органов власти решать задачи стратегического управления в сторону положительных. Тем не менее в оценках населения прослеживается усложнение общественных отношений и системы социального управления в каждом конкретном регионе. Население Амурской области оценивает работу органов власти как «очень плохо» и «довольно плохо» в 11,8 и 10,0% случаев соответственно, «удовлетворительно» – в 38,3%, а «хорошо» – в 31%. В Белгородской области оценки: «очень плохо» и «довольно плохо» составляют 4,2 и 9,9% случаев соответственно, «удовлетворительно» – 29,8%, а «хорошо» – в 46% случаев. В Вологодской области работу органов власти как «очень плохо» оценивают 4,8% населения, оценку «довольно плохо» ставят 13,6% и «удовлетворительно» – 49,5%. Отсюда следует, что при сопоставимых условиях – достигнутом уровне модернизированности – в регионах складываются различные системы социального управления.

Московская, Нижегородская и Свердловская области составили группу регионов с «высоким» уровнем развития, которая в сравнении с группой регионов «среднего» уровня демонстрирует некоторое снижение в соотношении оценок: «очень плохо» и «хорошо» – 7,6 и 32,0% соответственно. К особенностям данной группы стоит отнести факт плавного распределения населения в отношении оценок деятельности органов власти по стратегическому планированию, что было характерно для группы регионов «низкого» уровня развития. При этом сохраняются и особенности группы регионов «среднего» уровня развития, где наблюдается концентрация в зоне «положительных» оценок: «удовлетворительно» – 36,2%, «хорошо» – 32,0%.

Выявляется сходство в оценках проблем в стратегическом планировании и в оценках деятельности органов власти по стратегическому управлению. Оно состоит в следующем:

1. Усилия органов власти по стимулированию процессов социально-экономического развития посредством определённого типа деятельности и механизмов регуляции – стратегии, национальные проекты – оцениваются населением более высоко в ситуации перехода от «низкого» к «ниже среднего» и к «среднему» уровню развития.

2. В состоянии «среднего» и «высокого» уровней развития региона различия оценок проблем жизнедеятельности локального сообщества и оценок деятельности органов власти по решению этих проблем невелики.

Объяснение данной зависимости видится в том, что по мере достижения регионом более высокого уровня социально-экономического и социокультурного развития происходит ускорение социального времени (частота событий) и одновременно снижение сензитивности (чувствительности) индивидов и социальных групп к перманентным изменениям в социальной, политической, экономической и духовной сферах жизнедеятельности. В данных условиях для достижения управляемости процессов требуются более сложные механизмы рационализации общественных отношений, например, институциональное, нормативно-ценностное управление.

Напротив, в условиях «низкого» и «ниже среднего» уровней модернизированности региона предпочтительным способом реализации стратегии национальных проектов оказывается менеджмент. Для достижения и демонстрации социально значимых результатов более эффективными являются инфраструктурные решения. Принимая во внимание, что суть утверждённых Правительством России национальных и федеральных проектов состоит в развитии инфраструктуры системы образования, здравоохранения, культуры, дорожного хозяйства и т. д., то наибольшую поддержку национальные проекты могут получить именно в этих регионах.

Различение механизмов рационализации общественных отношений проводится нами по следующим методологическим основаниям. При реализации государством своей функции по стратегическому управлению в общественных отношениях устанавливаются прямые причинно-следственные связи, связи влияния и резонансные. Соответственно, различаются и формы управленческого воздействия, такие как прямое воздействие (менеджмент – способ организации совместной деятельности), воздействие регулятивное (законы, прогнозы, стратегии и т. п.) и контролируемое вмешательство в естественные процессы жизнедеятельности общества (институциональное, нормативно-ценностное управление). Путём производства и реализации документов стратегического планирования, преднамеренного изменения функций и целей социальных институтов в общественные отношения внедряются новые причинно-следственные связи, программируется/рационализируется совместная продуктивная деятельность множества социальных субъектов на муниципальном, региональном и федеральном уровнях, что в конечном итоге формирует свойства, масштаб, объём и качество процессов развития общества. Нормативно-ценностный механизм определяет характер функциональных взаимодействий множества социальных институтов. К таким механизмам относятся идеологемы – способ репрезентации той или иной стратегии, идеологии, например: глобализация, информатизация, добровольчество, толерантность и многие другие.

Заключение

К социальным детерминантам организации стратегического государственного управления следует отнести уровень модернизированности региона, сформировавшуюся в нём систему социального управления и свойства локального сообщества, приобретённые в процессе социаль-

ного развития. В совокупности они определяют допустимость новаций для конкретного локального сообщества, достижимость планируемых социально значимых результатов и чувствительность выделяемой социальной целостности к тем или иным методам стратегического государственного управления.

Применительно к задаче организации стратегического государственного управления в условиях различной темпоральности развития регионов и сложности современного российского общества следует считать принципиальными выявленные автором социологические факты, подтверждённые в ходе полевых исследований:

- В социальной реальности существует зависимость между отношением населения к системе государственного стратегического управления и уровнем модернизованности региона. Небольшие колебания в оценках по регионам внутри выделяемых групп не играют сколько-нибудь существенной роли для выявленных зависимостей.

- Изменение вектора состояний выделяемой социальной целостности (город, регион, локальное сообщество) определяется: а) текущим состоянием (x_k) социально-экономического и социокультурного развития; б) заданным набором параметров (μ); в) внутренним механизмом формирования свойств, масштаба, качества и объёма социальных процессов (институциональная система, социокультурные или биотические факторы, прямое управленческое воздействие).

- Достигнутые группами регионов уровни модернизованности – это информация для дифференциации структуры, функций органов власти по стратегическому планированию и выбора механизмов регуляции (от менеджмента, управления ресурсами до нормативно-ценностного, институционального управления).

- Различение регионов по уровню социально-экономического и социокультурного развития, а также существующего множества систем социального управления на муниципальном, региональном и макрорегиональном уровнях – это исходные условия для реализации государством стратегии поэтапной модернизации российского общества.

Общий вывод состоит в том, что социологические конструкты многомерности социальной реальности, многоукладности экономики России и объяснение явлений управления дают основания для установления должного, что необходимо сделать для приведения структуры, организации, функций и методов государственного стратегического управления в соответствие состоянию современного российского общества.

Суть реформирования действующей системы государственного стратегического планирования будет заключаться в (1) выделении стратегического управления в качестве самостоятельного фактора социальных изменений, что превращает его в институт постиндустриального общества, (2) фиксации выявленных связей и зависимостей в позитивном праве, что (3) приведёт к оформлению новой структуры и организации государственного стратегического планирования.

Библиографический список

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. 2016. / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир. 360 с.

Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия. 2015. / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН. 183 с.

Заславская Т. И. 2007. Избранные произведения в 3 томах. М.: Экономика. Т. 2. 636 с.

Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае. 2016 / [М. К. Горшков и др.]. Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф. 424 с.

Корнилович В. А. 2015. Стратегическое управление: социологический подход. М.: Институт социологии РАН. 273 с.

Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е. 2001. Устойчивое развитие: Научные основы проектирования в системе природа–общество–человек. СПб–Москва–Дубна. 616 с.

Лапин Н. И. 2014. Проблемы формирования концепции человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и её регионов // Социс. № 7 (363). С. 8–19.

Лапин Н. И., Беляева Л. А. 2013. Проблемы социокультурной модернизации регионов России. М.: Academia. С. 20–24.

Луман Н. 2004. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос. 232 с.

Мерзляков А. А. 2018. Феномен субъектности регионов в решении проблем реформирования отечественной системы управления // Вестник Института социологии. № 25. С. 48–65. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=vestnik&jn=vestnik&jid=509 (Дата посещения: 20.12.2018). DOI: [10.19181/vis.2018.25.2.508](https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.508).

Нова ли новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994–2013 гг. / Под ред. О. И. Шкаратана, Г. А. Ястребова. М.: Университетская книга, 2016. С. 367–368.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Пер. с англ. под ред. Н. И. Лапина. М.: Весь мир, 2011. 256 с.

Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.

Социальная диагностика проблемы радикального реформирования властно-управленческой вертикали. Коллективный доклад по материалам Метапроекта «Гражданская экспертиза сферы управления». М.: ИС РАН, 2013 // URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Kollektivny_doklad_meta_proekt.pdf (Дата посещения: 20.05.2014).

Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. 1995. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа. 384 с.

Тихонов А. В. 2007. Социология управления: Теоретические основы / Издание 2-е, доп. и перераб. М.: Канон+. 350 с.

Тихонов А. В. 2018. Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // Вестник Института социологии. № 25. С. 10–26 // URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2018_25/Tikhonov.pdf (Дата посещения: 20.12.2018).

Хиценко В. Е. 2014. Самоорганизация. Элементы теории и социальные приложения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». С. 44–46.

Inglehart R., Welzel Ch. 2005. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. N. Y.: Cambridge University Press. 333 p.

He C. 2013. Second Modernization Theory: World Frontiers and Principles of Human Development. Beijing: Science Press.

Статья поступила: 06.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнилович Владимир Адамович, кандидат социологических наук, член Научно-технического совета, НП «Неправительственный инновационный центр», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644

Social Determinants in Organizing Government Strategic Management

Vladimir A. Kornilovich

Non-Profit-Making Partnership «International innovation institute», Moscow, Russia

E-mail: kornilovich69@mail.ru

ORCID ID:0000-0002-1789-4691

For citation: Kornilovich, V. A. Social determinants in organizing government strategic management. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 126–140. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644

Abstract. The author of this article relies on the premise that strategic management is the highest function of any government, with it being implemented by government bodies through a system of government strategic planning, as well as a specific type of administrative activity – developing and executing strategies, as well as national projects and programs. In essence strategies are normatively burdened formalized priorities, goals and tasks associated with the development of Russia and its regions in the long term. These strategies are meant to be an effective means of implementing relevant government policy, to serve as a source of compromise for society and to ensure purposeful action when it comes to a multitude of social subjects cooperating with each other in order to attain the results in mind. You can tell that there is a problem in organizing government strategic management by the fact that we are dealing with a constant increase in territorial disproportions in the socio-economic, socio-cultural development of Russia's cities and regions, as well as the population's indifference towards strategies, federal and regional projects. Among the factors which limit government bodies' capacity to execute plans for social development is a multitude of various systems of social management in place on a regional and municipal level which do not allow for implementing linear correlations when it comes to administration. Furthermore, internal determination is a factor in developing

territorially localized communities, which is when the behavior of any given social group is defined not so much by external factors or administrative pressure, but rather by the actual nature of internal relationships, by recollection of past situations, rules of cooperation for social subjects, life plans and life strategies of individuals and social groups. Solving the problem of organizing government strategic planning systems and ensuring control over the course of Russian society's development is linked, in the author's opinion, to revealing those social factors and phenomena which define how appropriate certain innovations are for any given local community, figure out whether the planned results are achievable on a regional level, and to choosing such methods of administrative pressure that the social group in question will be susceptible to. Based on the empirical data, the author of this article argues that there is a connection between the population's attitude towards the system of government strategic management and a region's level of development (according to Nikolai Lapin's classification), while insisting that the differentiation of regions based on their level of modernization is vital information when it comes to differentiating structures and functions of government bodies in regards to strategic planning and choosing regulative mechanisms (from management and handling resources to normative-value and institutional management)¹.

Keywords: public administration; strategic management; strategic planning; modernization; level of a modernization of regions; social determinants; social management; sociology of management

References

An Ideal Society in the Dreams of People in Russia and China. 2016. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., Novy khronograf, 2016: 424 (In Russ.).

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. Moscow, Ves Mir, 2016: 360 (In Russ.).

He C. Second Modernization Theory: World Frontiers and Principles of Human Development. Beijing, Science Press, 2013.

Hicenko V. E. Self-organization. In: Elements of theory and social applications. Moscow, LIBROKOM, 2014: 44–46 (In Russ.).

Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. New York, Cambridge University Press, 2005: 333.

Is new Russia new? Changes in the social structure of society and social reproduction of Russians based on surveys from 1994–2013. Ed. by O. I. Shkaratan, G.A. Yastrebov. Moscow, University book, 2016: 367–368 (In Russ.).

Kornilovich V.A. Strategic management: a sociological approach. Moscow, IS RAS publ., 2015: 273 (In Russ.).

Kuznetsov O. L., Bol'shakov B. E. Sustainable development: Scientific foundations of design in the nature-society-human system. Saint-Petersburg – Moscow – Dubna, 2001: 616 (In Russ.).

Lapin N.I. Problems of formation of the concept and human dimensions of the strategy of gradual modernization of Russia and its regions. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2014: 7 (363): 8–19. (In Russ.).

Lapin N.I. Problems of socio-cultural modernization of Russian regions. Moscow, Academia, 2013: 20–24. (In Russ.).

Luman N. Society as a social system. Moscow, Logos, 2004: 232 (In Russ.).

Merzliakov A. A. The Phenomenon of Regional Subjectness in Solving the Issue of Reforming Russia's System of Government. Vestnik Instituta Sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology, 2018: 25: 48–65 (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508

Overview report on modernization in the world and China (2001–2010). Ed. by HjeChuan'ci. Moscow, Ves Mir, 2011: 256 (In Russ.).

Power and society in Russia's regions: interaction practices. Ed. by I.A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015: 183 (In Russ.).

Russia and the world: global challenges and strategies for socio-cultural modernization. Moscow: FCTAS RAS, 2017: 760 (In Russ.).

¹ The information base of the study contains the data obtained during the research project of the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Russian Academy of Sciences "Civil Expertise of the Problem of Reforming the Power and Management Vertical in the Context of Processes of Sociocultural Modernization of Regions: from State Monitoring to Predictive Design" (RNF, 2015–2017).

Social diagnostics of the problem of radical reform of the power-management vertical. Collective report based on the materials of the mega-project “Civil examination of the sphere of management”. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Kollektivny_doklad_meta_proekt.pdf [accessed: 20.05.2014] (In Russ.).

Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. Philosophy of science and technology. Moscow, Contact-Alpha, 1995: 384 (In Russ.).

Tikhonov A.V. Sociology of management: Theoretical foundations. Moscow, Kanon, 2007: 350 (In Russ.).

Tikhonov A.V. The Problem with Reforming Our Country’s System of Government: Addition to the History of Developing a Research Program. Vestnik Instituta Sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology, 2018: 25: 10–26 (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.506

Zaslavskaja T.I. Selected works. Vol. 2. Moscow, Ekonomika, 2007: 636 (In Russ.).

The article was submitted on February 06.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Adamovich Kornilovich, Candidate of Sociological Science, member of the scientific and technical Council, Non-Profit-Making Partnership «International innovation institute». Moscow, Russia.

МОДЕРНИЗАЦИЯ, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650

Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности?

Ссылка для цитирования: Асеева И. А. Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности? // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 141–156. DOI: DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650

For citation: Aseeva, I. A. Are the Russian people prepared to enter the new techno-anthropological reality? *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 141–156. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650

**Асеева
Ирина Александровна**

Юго-Западный государственный университет,
Курск, Россия

irinaaseeva2011@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: [287059](#)

Аннотация. Статья посвящена изучению социальной рефлексии влияния новых инфосоциальных технологий на повседневную жизнь человека и общества. В работе показано, как информационные и социальные технологии адаптируют современного человека к новой антропотехнореальности, формируя установку на изменение привычного образа жизни; в частности, готовность современного россиянина к профессиональной переподготовке, если в результате развития кибертехнологий ему придётся оставить привычную работу, и как на её формирование повлияли современные информационные и социальные технологии. В статье представлены результаты авторского социологического исследования «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности», проведённого в июне–ноябре 2019 г. среди жителей города Курска (Россия). Генеральная совокупность – жители города в возрасте от 18 лет и старше – 321 тыс. человек, выборочная совокупность – 384 респондента. В ходе исследования было выявлено значительное конвергирующее влияние информационных и социальных технологий на личность. Причём информационные технологии (интернет, в частности), по мнению наших респондентов, являются самыми популярными для них источниками информации, в том числе и каналами, через которые осуществляются разнообразные манипулятивные воздействия, влияющие на поведение личности, готовность к конкретным и адресным действиям, формирование нужного отношения группы или индивида к тому или иному явлению социальной действительности, а также навязывается определённый способ восприятия этого явления. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-18-00504 «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений».

Ключевые слова: социальные технологии, информационные технологии, антропотехнореальность, цифровизация, управление обществом, манипуляция, социальная установка

Современная техногенная цивилизация в большой мере определяется интенсивно развивающимся сложным междисциплинарным комплексом конвергирующих наукоёмких технологий: нано-, био-, информационно-коммуникационных, когнитивных (НБИК). По своей специфике, предмету и методологии эти технологии относятся скорее к естественным и техническим отраслям современной технонауки. Однако и нано-, и био-, и особенно актуальные сегодня информационные и когнитивные технологии оказывают беспрецедентное влияние на направление развития общества и человека, с одной стороны, и в то же время стимулируются вызовами и потребностями техносоциальной среды. НБИК-технологии сопряжены с особыми социальными технологиями, которые и призваны не только довести и внедрить результаты конвергентных технологий в жизнь человека и общества, но и, в идеале, контролировать и управлять ею.

Социальным технологиям, направленным на управление социальными процессами и взаимодействиями, длительное время отводилась второстепенная роль в социологии, менеджменте и философии. Однако в нынешнем технологическом укладе взаимодействие современных информационных, коммуникативных и социальных технологий очертило новый круг возможностей их колоссального и быстрого воздействия на общество в целом и на отдельных людей. Изучив специфику социальных технологий, их неоднозначное влияние на личность, можно утверждать, что именно социальные технологии являются фактором продвижения инноваций и социального контроля, организации и самоорганизации, диагностики, тактики и стратегии социального развития, с одной стороны, механизмом трансформации установок личности, – с другой [Асеева 2016]. Однако специальных исследований, изучающих, как именно социальные технологии влияют на выбор, модели поведения, ценности и установки личности, а также как сама личность реагирует на эти воздействия в условиях современной технологизированной среды, не проводилось ни в нашей стране, ни за рубежом, что и стало предметом данной статьи. Показано, что информационные и социальные технологии адаптируют современного человека к новой антропотехнореальности, формируя установку на изменение привычного образа жизни, в частности – готовность современного россиянина к профессиональной переподготовке, если в результате развития кибертехнологий ему придётся оставить привычную работу.

Социальные технологии и управление обществом

«Социальные технологии» – сравнительно новый термин в социологии, он стал активно разрабатываться лишь в конце XX в. Технология в общем смысле (от греч. *techne* – искусство, мастерство, умение и *logos* – учение) – особый способ и средство обработки и качественного совершенствования процесса или объекта. Повсеместная

экспансия технонауки и технологий происходит не только в нашей повседневной жизни, но является результатом усиления влияния науки и точного научного знания на социальную действительность, на систему социальных коммуникаций [Герасимова 2012]. Интенсивно меняющаяся социальная реальность под воздействием конвергирующих технологий в ситуации надвигающейся острой конкуренции людей и все более «умной» техники испытывает потребность не только в новых формах организации деятельности и управления, не только в ином подходе к системе профессиональной подготовки и переподготовки кадров, но и в минимизации формирующейся в обществе футурофобии, связанной с опасениями за своё достойное место в этой новой антропотехнореальности [Буданов, Асеева 2017]. Поэтому в настоящее время всё активнее используется понятие «социальная технология», разрабатываемое в социологии и социальной философии через призму её функций, механизмов, специфику решаемых задач, рисков и т. д.

Вместе с тем термин «социальные технологии» был введён в научный оборот ещё в конце XIX в. Трудрами Смолла, Хендерсона, Бернарда, Бушнелла, Веблена, Поппера и др. Причём социальные технологии упоминаются ими как нечто хорошо известное, понятное, не требующее разъяснений. Большинство авторов социальные технологии понимаются как рациональное, научно обоснованное проектирование желаемого, а также как «метод достижения того, что должно быть» [Henderson 1901: 468], как некое научное усилие, направленное на оценку проблемной ситуации и разработку оптимальных способов её решения. Хендерсон, например, считал, что создание социальных технологий является задачей прикладной социологии, которая «заключается в рациональном и справедливом распределении благ цивилизации. Ценность наук лежит в их способности быть средством управления силами и ресурсами для удовлетворения человеческих потребностей» [Henderson 1912: 221]. Такая направленность связывает социальные технологии с необходимостью выработки принципов и методов социального администрирования [Henderson 1901: 480–481; Bernard 1928: 192].

Теоретический базис социальных технологий как инструмента воздействия на общество был заложен в социологии и философии на основе открытых закономерностей и эмпирических результатов. Так, К. Поппер предполагает использование теоретических выводов социологии в практических целях, для целенаправленного изменения общества средствами и методами социальных технологий [Поппер 1992: 54]. Социальные технологии выполняют прежде всего инновационную функцию, являются важным элементом управления, специальной системой методов, направленных на выявление и использование неявных потенциалов социальной системы, что должно обеспечить эффективный результат при наименьших управленческих усилиях и издержках. Рассматривая социальные технологии как особый тип технологий, В. Н. Иванов и В. И. Патрушев определяют их через цели, целенаправленно ориентированные на благо общества, а именно:

а) улучшение условий жизни людей, б) предотвращение социального конфликта, в) укрепление социальной организации [Иванов, Патрушев 2004: 17]. По определению Ю. М. Резника, «социальные технологии в сфере управления представляют собой специально созданные и эмпирически обоснованные средства (методы, правила, процедуры и пр.) воздействия на поведение субъектов управленческого процесса с целью оптимизации их «рутинной» деятельности и построения образа желаемого будущего (проекта) с учётом интересов всех участников совместной деятельности» [Резник 2016: 25].

В близком смысле понимают социальные технологии и абсолютное большинство (100%) опрошенных нами респондентов¹. Независимо от возраста и направленности образования, под термином «социальные технологии» они понимают совокупность приёмов, методов и воздействий, применяемых для решения разного рода социальных проблем. При этом в ответах подчёркивается как минимум две важнейшие функции социальных технологий. Первая связывается с чётким и детальным алгоритмом действий, разработанным на основе системного социологического анализа бытия общества, обусловленного императивами научности и технологичности. Вторая – с функционированием специальной системы социального контроля исполнения, например, управленческих решений, или организации гуманитарной экспертизы внедрения технологических инноваций. Таким образом, социальные технологии, по сути, предназначены для управления не только социальными процессами, но и самой личностью, её выбором, ценностями, установками.

Инфосоциальные технологии и их манипулятивный потенциал

Быстрый прогресс информационно-коммуникационных технологий открывает новые возможности для быстрого, эффективного и творческого решения насущных социальных проблем. Электронизация экономических отношений, дистанционного обучения и телемедицина позволяют не только интенсифицировать социальные процессы, но и совершенствовать возможности непосредственного общения между людьми районов, городов, даже государств в режиме реального времени.

Влияние средств массовой коммуникации в реалиях современного общества трудно переоценить. В системе современных массмедиа особое место занимает телевидение. Оно создаёт у зрителя, наблюдающего

¹ Опрос проводился методом анкетирования в рамках авторского социологического исследования «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности», проведённого в июне–ноябре 2019 г. среди жителей г. Курска (Россия). Генеральная совокупность – жители города в возрасте от 18 лет и старше – 321 тыс. чел., метод выборки квотный, выборочная совокупность – 384 респондента.

Материалы социологического исследования находятся в открытом доступе на сайте «Курский социологический клуб», вкладка «Выполненные исследования» – Проект «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности» // URL: http://sociokursk.ru/?page_id=3979 (Дата посещения: 01.04.2020).

прямую трансляцию с места события, «эффект присутствия», ощущение увиденного «своими глазами», что подготавливает личность к восприятию своеобразных социальных иллюзий, тем самым способствуя разнообразным манипулятивным действиям. Иллюзии, продуцируемые и транслируемые посредством СМИ, А. М. Юсупова называет «социальными иллюзиями технологического характера». Под ними она понимает «разновидность манипулятивных технологий, формирование искажённой картины действительности посредством интерпретации в СМИ реальных событий с помощью культурных кодов типа мифа и стереотипа для решения конкретных политических задач и воздействия на общественное мнение» [Юсупова 2016: 8].

Лавинообразный массив информации, изливающийся с экрана на зрителя, с одной стороны, вызывает чувство сопричастности, вовлечённости в коммуникативный процесс, а с другой – продуцирует стремительные, неотрефлексированные решения на основе первичных внутренних импульсов и впечатлений. Речь идёт о так называемом «клиповом мышлении», понятии, разработанном в трудах Э. Тоффлера [Тоффлер 2008], М. Маклюэна [Маклюэн 2005], Ф. Гиренка [Гиренок 2016], которое является основным инструментом быстрой рекламы ещё со времён доминирования телевидения, а сейчас и основным стилем обработки огромных потоков информации в интернет-сетях и на маркетах. При этом возможна высокая скорость обработки данных, в том числе и параллельных потоков, однако в ущерб глубине критического осмысления этой информации.

В информационном пространстве современного общества значительное место начинает занимать интернет, радикально меняющий образ жизни миллионов людей. Японский исследователь Ё. Масуда одним из первых обратил внимание на фантастический потенциал компьютерных и телекоммуникационных технологий для усиления интеллектуальных возможностей людей, обеспечения неограниченного доступа к беспрецедентным источникам информации и освобождения их от рутинной или шаблонной работы [Masuda 1983]. Прогнозы японского учёного подтверждает следующая статистика: до 1960 г. во всём мире, по оценке специалистов, использовалось не более 7 тысяч компьютеров. Исторический перелом наступил лишь в 1993 г., когда впервые объём производства персональных компьютеров превзошёл объём производства легковых автомобилей и достиг 35,4 млн единиц, а в 2010 г. продавался 1 млн компьютеров в день¹. По подсчётам экспертов компании IDC, в 2019 г. общий объём продаж компьютеров составил 266,7 млн единиц². То есть персональным компьютером пользуется сейчас каждый 25-й житель планеты, включая младенцев, умалишённых и представителей цивилизаций, не знакомых с электричеством. Поражает и скорость развития

¹ Intel Core: Звезды становятся ближе // URL: <http://ferralabs.ru/reviews/cpu/6149-Intel-Core-Zvezdy-stanovjatsja-blizhe> (Дата посещения: 03.04.2020).

² Компьютеры_(мировой_рынок) // URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (Дата посещения: 08.05.2020).

сети интернет. В 1993 г. в мире было всего около 70 тыс. её пользователей, в 1999 – около 200 млн, к концу 2001 г. – 552,51 млн, а в мае 2002 г. это число достигло, по данным компании NUA Internet Surveys, уже 580,78 млн, что составляет 9,57% от населения Земли. В 2019 г. аудитория интернета насчитывает 4,39 млрд человек, что составляет уже 57% населения Земли. В социальных сетях зарегистрировано 3,48 млрд пользователей. Сегодня 3,26 млрд человек заходят в социальные сети с мобильных устройств¹.

Таким образом, новые информационные технологии, СМИ и интернет создают продуктивную среду для донесения до огромного числа людей отредактированной, психологически грамотно обработанной и целенаправленно сфокусированной информации быстро и адресно.

Проведённое нами социологическое исследование очень наглядно проявляет два обстоятельства: 1) инфокоммуникационные технологии значительно усиливают и ускоряют воздействие социальных технологий; 2) в обществе сохраняется критическое отношение к манипулятивным социальным технологиям. Покажем это на результатах опроса.

Самыми распространёнными респонденты считают социальные технологии рекламы и продвижения товара – 27,5% опрошенных, в средствах массовой информации – 25,6%, в сфере социальных коммуникаций и взаимодействий в интернете – 19,7%.

Причём показательно, что респонденты 18–25 лет (как правило студенты) отмечают распространение социальных технологий в интернете и СМИ в 2 раза чаще, чем респонденты других возрастов.

Интересно отметить, что ещё несколько лет назад, в 2005 г., социологические исследования, изучавшие рекламу как социокультурный феномен, отмечали, что лишь «20,68% ответивших считают рекламу хорошим источником информации...», «10,10% респондентов всё же признают роль рекламы в формировании своих потребностей. В свою очередь, 12,65% респондентов считают, что реклама – негативный элемент общественной жизни, с которым необходимо бороться» [Боев 2005: 105–106].

Поскольку среди самых распространённых социальных технологий называли рекламу, то нас интересовал вопрос, часто ли наши респонденты замечают, что их интересы отслеживаются (см. рис. 1).

Причём 45% респондентов отмечали, что не реагируют на лично ориентированную рекламу; 5,3% относятся абсолютно положительно, так как считают, что реклама специально ориентирована на их потребности, а 20% опрошенных подозревают, что она свидетельствует об отслеживании их интересов и запросов, поэтому относятся абсолютно отрицательно. Подавляющее большинство респондентов не согласны с несанкционированным использованием личной информации – 69,4%, безразличны 6,1%, а абсолютно согласны всего 4,3% опрошенных.

¹ Вся статистика интернета //URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (Дата посещения: 03.04.2020).

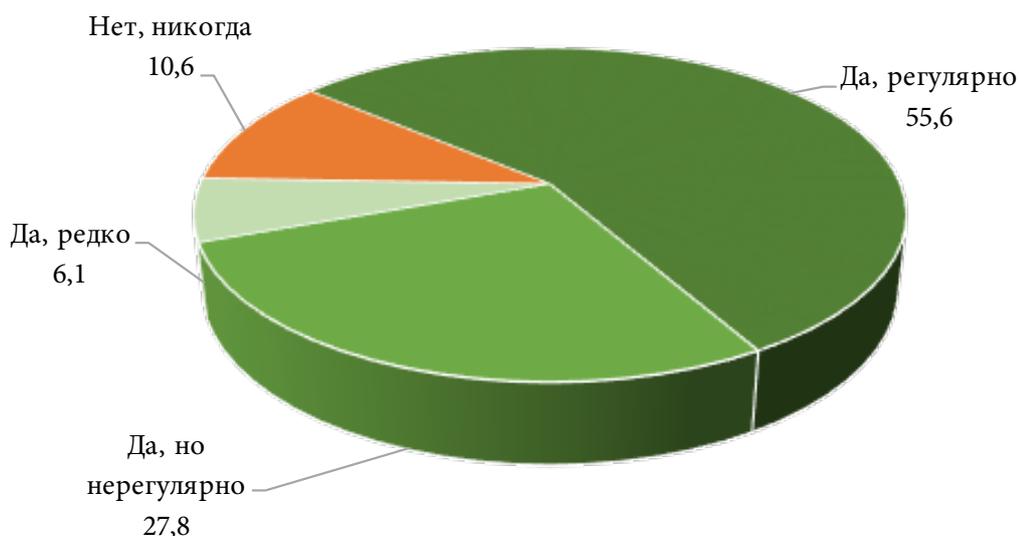

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Замечали ли Вы, что получаете рекламу о товарах, которыми ранее интересовались в интернете?», %

Figure 1. Distribution of responses to the question: “have you ever noticed receiving an ad about a product that you previously looked into on the internet?” %

Далее нас интересовал вопрос, связанный с реальной манипуляцией выбором респондента, который воспользовался информацией из клиентоориентированной рекламы. В. В. Щербина считает, что манипуляционные социальные технологии создаются «под задачи политической и иногда управленческой (PR) технологии, преобразующей и корректирующей социальные практики. Их специфика состоит в том, что такие инструментальные средства используют методы направленного, прямого и фокусированного информационного воздействия на людей (избирателей, потенциальных клиентов, работников организации) с целью изменения восприятия реальности и модификации их поведения в интересах заказчиков (политиков, бизнесменов, управленцев). Объектом воздействия при этом становится не деятельность, а люди. Итогом воздействия и критерием эффективности технологий здесь является степень изменения поведения людей в заданном направлении» [Щербина 2018: 156]. В близком значении мы понимаем под манипуляцией целенаправленные действия, направленные на создание необходимых установок с целью влияния на выбор личности или общества и выработку определённой модели поведения.

В ходе социологического исследования нам удалось выявить, что 23,8% опрошенных никогда не приобретали услуги или товары, о покупке которых позже пожалели, а 76,2% респондентов ответили «да, приобретали и пожалели», но с разной степенью периодичности. Отметим, что в качестве самого распространённого источника информации о неудачной покупке 39,1% опрошенных назвали интернет.

Можно констатировать, что наши респонденты считают интернет и самой актуальной социальной технологией, и самым распространённым источником информации, и широким полем для различных манипуля-

ций. Причём 86,4% опрошенных считают, информационные технологии значительно усиливают воздействие социальных технологий на людей. Мы просили респондентов оценить по 10-балльной шкале, насколько сильно это влияние, где 1 – совершенно не усиливают, 10 – значительно усиливают. 15,1% выбрали оценки от 1 до 5. А самые частые оценки – 8 (26,1%), 9 (15,5%), 10 (18,2%). Распределение ответов можно проследить на рис. 2.

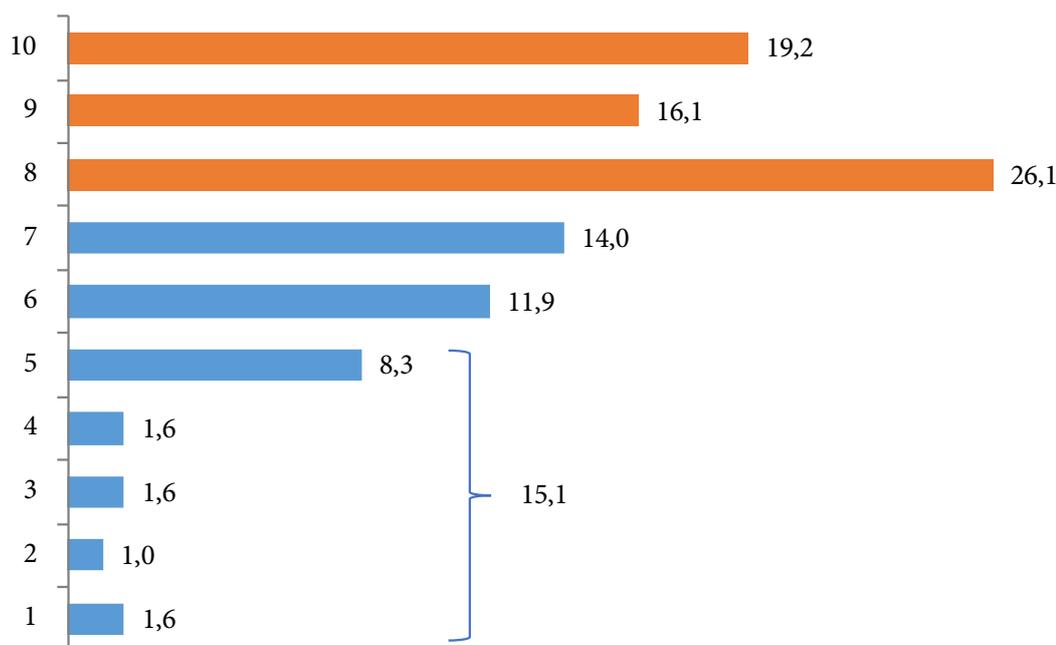

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, насколько сильно информационные технологии усиливают воздействие социальных технологий на людей», %

Figure 2. Distribution of responses to the question: “in your estimation, how significantly do information technologies increase the influence of social technologies on people”, %

Но задача социологии, по нашему убеждению, состоит не только в том, чтобы зафиксировать разброс мнений респондентов по конкретному вопросу, но и по возможности понять скрытые или только формирующиеся причины, объясняющие полученные результаты. Поэтому следующий блок вопросов анкеты касался тех могущественных сил, которым может быть выгодна или полезна манипуляция общественным или персональным выбором при посредничестве социальных технологий.

Почти треть опрошенных считают, что социальные технологии используются для формирования массового общественного мнения (29,9%), а 16,8% думают, что социальные технологии нужны для манипулирования выбором личности. Причём женщины в 2 раза чаще, чем мужчины, думают, что социальные технологии используются для формирования личного мнения (5,7% против 3,2); зато мужчины усматривают в социальных технологиях тотальный контроль (8,4 против 4,4% у женщин).

Возникает логичный вопрос: кто заинтересован в использовании социальных технологий в своих целях? 39,1% респондентов полагают, что крупный бизнес, 15,9% – политические элиты. Вместе с тем 17,0% опрошенных утверждают, что распространение новых технологий будет способствовать развитию всей цивилизации, общества в целом.

Следующий блок вопросов анкеты преследовал цель выяснить, испытывали ли респонденты на себе влияние социальных технологий. Их мнения по этому поводу можно проследить на рис. 3.

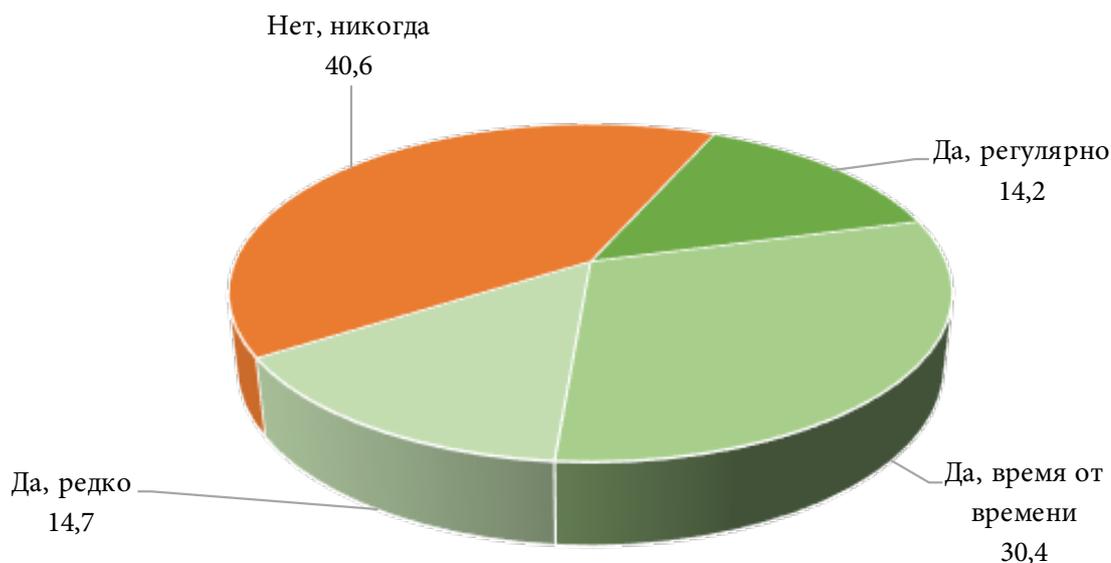

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
 «Как часто, по Вашему мнению, Вы являлись (являетесь) объектом манипуляций с использованием социальных технологий?», %
Figure 3. Distribution of responses to the question:
 “in your opinion, how often have you been (or continue to be) subject to manipulation with the use of social technologies?” %

Из диаграммы видно, что больше половины респондентов – 61,1% – считают себя объектом манипуляций с использованием социальных технологий, 38,9% – не считают.

Причём респонденты с высшим или неоконченным высшим образованием чаще, чем опрошенные с другим уровнем образования, замечали, что их мнением манипулируют.

Молодые люди 18–25 лет чаще, по их мнению, являлись объектами манипуляций, чем респонденты других возрастов – 31,1%, по сравнению с респондентами 26–39 лет – 17,8% и 40–55 лет – 9,5%. Можно предположить, что молодёжь в силу её более активного использования интернета как источника информации чаще становится объектом манипулятивных воздействий. Опрошенные мужчины (34,3%) немного чаще, чем женщины (26,2%) чувствовали, что ими пытаются манипулировать с использованием социальных технологий.

Итак, на основании ответов наших респондентов становится очевидным значительный ресурс, которым обладают новые конвергентные информационные и социальные технологии в целенаправленном воздействии на личность для создания и тиражирования социальных иллюзий, мифов, установок.

Формирование социальных установок личности средствами новых технологий

Понятие «установки личности» используется в гуманитарных и социальных науках при построении разнообразных типологий личности, учитывающих внешние характеристики тела человека [Кречмер 1924; Sheldon 1940]; биопсихические [Павлов 2004; Теплов 1985, Небылицын 1976] и психологические характеристики [Юнг 1998]. Перед осуществлением любой деятельности человек психологически готовится к этому, причём сам процесс может им даже не осознаваться. Сам процесс и результат подготовки психики Д. Н. Узнадзе назвал установкой [Узнадзе 1966]. Субъективно установка переживается как некое состояние готовности к совершению определённого действия, направленного на удовлетворение возникшей потребности, желания. Узнадзе считал, что, с одной стороны, установка стабилизирует поведение личности в постоянно меняющихся обстоятельствах, направляет деятельность по уже знакомому и отработанному алгоритму, а с другой – может создавать препятствия для принятия новой информации и выработки новых моделей поведения в обществе. Именно момент целесообразности установки в социальной среде позволяет многим исследователям использовать термин «социальная установка».

Американские социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в своих исследованиях обращали внимание на процесс формирования социальных установок, который в итоге является неким компромиссом между социально приемлемыми способами поведения, значимыми ценностями и субъективными характеристиками личности. Они понимают социальную установку как «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» или как «состояние сознания индивида относительно некоторой социальной ценности» [Thomas, Znaniecki 1927].

Социальные установки выступают как принятие определённых целей и моделей поведения по отношению к интересующим объектам и как сложившаяся готовность индивида к реагированию на определённые аспекты складывающейся ситуации: предрасположенность индивида, побуждающая его действовать в отношении этих объектов определённым образом [Байков 1970: 7]. Социальная установка личности означает, следовательно, её предрасположенность к определённой оценке тех или иных социальных явлений и готовность в отношении этих явлений к определённым действиям, вытекающим из этой оценки.

Согласимся с важнейшими признаками социальной установки, выделенными С. С. Гордеевой: социальный характер объекта, на который ориентировано поведение человека, осознанность этого поведения, наличие эмоционального компонента и регулятивный характер установки [Гордеева 2016: 136].

При проведении нашего эмпирического исследования мы стремились выяснить, сформирована ли установка на изменение привычного образа жизни у современного жителя Курска, в частности – готов ли он к профессиональной переподготовке, если в результате развития технологий ему придётся оставить привычную работу, и как на формирование этой установки повлияли современные информационные и социальные технологии.

Мы предлагали респондентам поразмышлять над темой, бурно обсуждаемой в интернете и СМИ, – как могут повлиять новые технологии, цифровизация, роботизация сферы производства и услуг на повседневную жизнь человека, и готовы ли наши респонденты менять образ жизни и профессию, чтобы приспособиться к новой антропотехнической гибридной среде.

57,7% респондентов уверены, что в результате цифровизации, распространения новых технологий и роботов существенно поменяется структура профессий в будущем, большинство современных профессий сохранится, но появится и много новых; лишь 2,9% опрошенных думают, что ничего не изменится. 77,8% не считают, что человек обязательно должен реализоваться только в одной профессии. Готовность осваивать новые профессии в большей степени проявили молодые люди 18–25 лет (41%). С увеличением возраста желание менять профессию у наших респондентов снижается.

Готовность сменить профессию оказалась присуща в большей степени респондентам с техническим образованием (40,8%), в меньшей – естественникам (2,2%). Причём 32,4% респондентов считают, что процесс кардинальных социальных трансформаций – дело уже настоящего, а не будущего времени. Распределение ответов респондентов явно демонстрирует социальный характер объекта (профессии, в частности), на который ориентировано поведение человека, т. е. первая характеристика формирующейся установки налицо.

Далее выясняем, насколько осознана нашими респондентами такая точка зрения. 40,2% опрошенных признаются, что постоянно интересуются обсуждениями этого вопроса в интернете, 39,4% отмечают влияние фильмов, 36,8% – телевизионных программ. Частота ответов респондентов демонстрирует большой интерес к перспективам развития нашей техноцивилизации. В формировании установок личности отметим сильное влияние информационных технологий, среди которых интернет уверенно лидирует.

Вопрос анкеты: «Как Вы оцениваете своё отношение к ситуации, если в вашей сфере деятельности начнут конкурировать люди и роботы?» проявляет разброс эмоциональных оценок ситуации. Вместе с тем ответы респондентов демонстрируют явное намерение людей достойно соперничать с машинами. 39,4% опрошенных уверены в себе, спокойны насчёт своей будущей профессиональной востребованности; тревожатся, что не смогут найти достойную работу 19,4%; пугает такая перспектива 20,5% и готовы смириться 9,4% опрошенных.

Наконец, регулятивный характер социальной установки на изменение привычного образа жизни выявляет следующий блок вопросов и ответов: 48,1% респондентов намерены совершенствовать свой профессиональный уровень; 19,1% готовы сменить сферу деятельности, а 31,2% (суммарно) не хотят продолжать работу по профессии. Причём наиболее оптимистичны и настроены на конкуренцию респонденты с неоконченным высшим образованием (студенты) – 21,9%; менее – обладатели общего образования (2,1%) и учёной степени (1,5%).

Таблица сопряжённости намерений людей и сферы профессиональной деятельности показывает, что скорее готовы совершенствоваться или осваивать новую профессию респонденты, занятые в производстве (22%) и СМИ (8,9%). Не готовы к переменам представители сферы политики (0,5%), здравоохранения (1,5%) и культуры (1%).

Мужчины чаще, чем женщины, готовы поменять профессию (12,9 против 6,6%), женщины чаще предпочитают найти дело для души, хобби вне профессиональной деятельности (12,1 против 6,3%). В целом респонденты положительно (суммарно 57,9%) оценивают роль и значение новых технологий для формирования перспектив развития общества.

Заключение

Итак, мы показали значимость и взаимосвязь социокультурных процессов и научно-технического развития общества, что позволяет воспринимать новые технологии как действенный инструмент снижения управленческих и техногенных рисков развития цивилизации. Вместе с тем следует констатировать повсеместное распространение явного и скрытого манипулятивного воздействия новых технологий на массовое и индивидуальное сознание. Такое завуалированное воздействие является невидимой технологией управления общественной жизнью, которая пронизывает сегодня буквально все уровни социального взаимодействия, начиная от межличностных и заканчивая государственными. По сути, человек современного общества (особенно представитель молодого поколения) формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, созданном массмедиа.

В ходе исследования было выявлено:

1. 100% респондентов, независимо от возраста и направленности образования, понимают социальные технологии как целенаправленное воздействие с целью решения каких-то социально значимых задач, влияния на личность или массовое сознание. Причём информационные технологии значительно усиливают воздействие социальных технологий (клиентоориентированной рекламы, агрессивного маркетинга, политических манипуляций и т. п.). Согласно нашему социологическому опросу, 86,4% респондентов оценили интенсивность такого воздействия по 10-балльной шкале от 6 до 10.

2. 45,3% респондентов отмечают, что информационные технологии (интернет, в частности) являются самым популярным для них источником информации, в том числе и каналом, через который осуществляются разнообразные манипулятивные воздействия, влияющие на поведение личности. 61,1% респондентов считают, что являлись объектами манипуляций с использованием новых технологий. 89,4% респондентов замечают, что их интересы и поисковые запросы отслеживаются в интернете. Причём 69,4% опрошенных не согласны предоставлять подробную личную информацию, которую они не выкладывали в социальные сети, для формирования адресной клиентоориентированной рекламы.

3. Оценив степень активного использования информационных технологий, можно заключить, что именно посредством интернета и СМИ происходит выработка искомой модели поведения пользователей этими технологиями, готовность к конкретным и адресным действиям, формирование нужного отношения группы или индивида к тому или иному явлению социальной действительности, а также навязывается определённый способ восприятия этого явления.

4. Активное обсуждение темы возможного переформатирования социокультурной ситуации в СМИ, интернете и фильмах подготовило людей к возможным кардинальным изменениям их образа жизни и сформировало установку на активные действия по адаптации к новой техногенной реальности.

Библиографический список

Асеева И. А. 2016. Социальные технологии как влиятельный фактор развития технонауки и общества // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. № 4 (16). С. 79–86.

Байков Е. И. 1970 Изменение социальных установок личности в процессе секуляризации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. 16 с.

Боев Е. И. 2005. Реклама как социокультурное явление в системе социальной коммуникации: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. Курск. 139 с.

Буданов В. Г., Асеева И. А. 2017. Дорожные карты антропотехносферы XXI века // Экономические стратегии. Т. 19. № 5 (147). С. 120–127.

Герасимова И. А. 2012. Неустранимость неопределенности в социальной оценке техники // Эпистемология и философия науки. Т. XXXII. № 2. С. 123–140.

Гиренок Ф. И. 2016. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое. М.: Проспект. 256 с.

Гордеева С. С. 2016. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 3 (27). С. 135–140.

- Иванов В. Н., Патрушев В. И. 2004. Социальные технологии. М.: Муниципальный мир. 488 с.
- Кречмер Э. 1924. Строение тела и характер / Под ред. Ганнушкина П. Б., перевод с нем. Тартаковского Г. Я. Москва–Петроград: Государственное издательство. 283 с.
- Маклюэн М. 2005. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект. 495 с.
- Небылицын В. Д. 1976. Темперамент // Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука. С. 178–186.
- Павлов И. П. 2004. Мозг и психика: избранные психологические труды. / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Московский психолого-социальный ин-т.; Воронеж: МОДЭК. 358 с.
- Поппер К. Р. 1992. Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива». Т. 1. 448 с.
- Резник Ю. М. 2016. Конструирование бытия человека: от социальной инженерии к гуманитарным технологиям проектирования // Народное образование. № 4–5 (1456). С. 17–29.
- Теплов Б. М. 1985. Избранные труды. В 2-х т. / Ред.-сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. С. Лейтес, И. В. Равич-Щербо. М.: Педагогика. 328 с.
- Тоффлер Э. 2008. Шок будущего. М.: АСТ. 560 с.
- Узнадзе Д. Н. 1966. Психологические исследования. М.: Наука. 451 с.
- Щербина В. В. 2018. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии: [монография] / М.: Новый хронограф. 416 с.
- Юнг К. Г. 1998. Психологические типы/ Перевод с нем. С. Лорие, переработанный и дополненный В. Зеленским. М.: Университетская книга, АСТ. 720 с.
- Юсупова А. М. 2016. Журналистика как фактор формирования социальных иллюзий: на примере общественно-политических изданий Уральского федерального округа: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург. 228 л.
- Bernard L. L. 1928. Standards of Living and Planes of Living // Social Forces. Vol. 7. № 2. P. 190–202.
- Henderson C. R. 1912. Applied Sociology (Or Social Technology) // American Journal of Sociology. Vol. 18. № 2. P. 215–221.
- Henderson C. R. 1901. The Scope of Social Technology // American Journal of Sociology. Vol. 6. № 4. P. 465–486.
- Masuda Y. 1983. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Soc. 171 p.
- Sheldon W. H. 1940. The varieties of human physique: An introduction to constitutional psychology. N.Y.: Harper & Brothers. 348 p.

Thomas W., Znaniecki F. 1927. The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. N.Y.: Alfred A. Knopf. Vol. 1. 1115 p.

Статья поступила: 10.03.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Асеева Ирина Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650

Are the Russian People Prepared to Enter the New Techno-Anthropological Reality?

Irina A. Aseeva

Southwest State University, Kursk, Russia

E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

ORCID ID:0000-0002-4172-7762

For citation: Aseeva, I. A. Are the Russian people prepared to enter the new techno-anthropological reality? *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 141–156. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650

Abstract. This article is dedicated to studying the social reflection of how the latest info-social technologies influence the everyday life of individuals and society. The study shows that information and social technologies help modern humans adapt to the new techno-anthropological reality, developing the intention for them to change their customary lifestyle. For example, preparing a modern citizen of Russia for professional retraining, if further development of cyber-technology forces people to abandon their usual jobs, and how its development was affected by modern information and social technologies. This article presents the results of the author's own sociological study titled "Modern social technologies as a means of managing individual attitudes", conducted in 2019 from June to November among inhabitants of the city of Kursk, which is a Russian regional capital. The statistical population – residents who are 18 years of age and older – amounts to 321 thousand people, while the sample population included 384 respondents. While conducting research, a significant converging influence of information and social technologies on an individual became apparent. It's worth noting that information technologies (the internet in particular) are the most popular sources of information, according to our respondents, while also being mediums through which various manipulations are exercised, which affect an individual's behavior, their willingness to take specific and targeted actions, the development of the necessary attitudes of a group or individual towards any given social phenomenon, as well as through which a certain means of perceiving said phenomenon is imposed. The study was funded by Russian Science Foundation grant №19-18-00504 "The socio-technical landscapes of the digital reality: ontological matrixes, ethical-axiological regulatives, road maps and informational support of management solutions".

Keywords: social technologies, information technologies, anthropotechnical reality, digitalization, social management, manipulation, social attitude

References

Aseeva I.A. Social technologies as an influential factor in the development of technoscience and society. *Biosfernaya sovmestimost': chelovek, region, tekhnologii = Biosphere Compatibility: a Human, Region, Technologies*, 2016: 4 (16): 79–86 (In Russ.).

Baykov E.I. Change in social attitudes of personality in the process of secularization: avtoref. dis. cand. philos. nauk. Moscow, 1970: 16 (In Russ.).

Bernard L.L. Standards of Living and Planes of Living. *Social Forces*, 1928: 7: 2: 190–202.

Boev E.I. Advertising as a sociocultural phenomenon in the system of social communication: dis. cand. soc. nauk. Kursk, 2005: 139 (In Russ.).

Budanov V.G., Aseeva I.A. Roadmaps of the anthropotechnosphere of the 21st century. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, 2017: 19: 5 (147): 120–127 (In Russ.).

Gerasimova I.A. The fatigue of uncertainty in the social assessment of technology. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 2012: 32: 2: 123–140 (In Russ.).

Girenok F.I. Clip consciousness: clips in science, clips in philosophy, clips in politics, clips in art, clips in education, non-clip. Moscow, Prospekt, 2016: 256 (In Russ.).

Gordeeva S.S. The essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya = Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2016: 3 (27): 135–140 (In Russ.).

Henderson C.R. Applied Sociology (or Social Technology). *American Journal of Sociology*, 1912: 18: 2: 215–221 (In Russ.).

Henderson C.R. The Scope of Social Technology. *American Journal of Sociology*, 1901: 6: 4: 465–486 (In Russ.).

Ivanov V.N., Patrushev V.I. Social technologies. Moscow, Munitsipalny mir, 2004: 488 (In Russ.).

Krechmer E. Körperbau und Charakter. Untersuchungen zum Konstitutionsproblem und zur Lehre von den Temperamenten. Moscow – Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924: 283 (In Russ. from German).

Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington, World Future Soc., 1983: 171.

McCluwen M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Moscow, Akademicheskiy proekt, 2005: 495 (In Russ.).

Nebylitsyn V.D. Temperament. In: *Psikhofiziologicheskie issledovaniya individualnykh razlichiy = Psychophysiological Studies of Individual Differences*. Moscow, Nauka, 1976: 178–186 (In Russ.).

Pavlov I.P. Brain and psyche: selected psychological works. Moscow – Voronezh, MODEK, 2004: 358 (In Russ.).

Popper K.R. Open Society and its Enemies. Vol. 1. Moscow, Feniks, Kul'turnaya initsiativa, 1992: 448 (In Russ.).

Reznik Y.M. The construction of human being: from social engineering to humanitarian design technologies. *Narodnoe obrazovanie = Public Education*, 2016: 4–5 (1456): 17–29 (In Russ.).

Shcherbina V.V. Rationalizing diagnostic management social technologies. Moscow, Novy khronograph, 2018: 416 (In Russ.).

Sheldon W.H. The varieties of human physique: An introduction to constitutional psychology. New York, Harper & Brothers, 1940: 348.

Teplov B.M. Selected Works. Moscow, Pedagogika, 1985: 328.

Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. Vol. 1. New York, Alfred A. Knopf, 1927: 1115. (In Russ.).

Toffler E. Future Shock, 1970. Moscow, AST, 2008: 560 (In Russ.).

Uznadze D.N. Psychological research. Moscow, Nauka, 1966: 451 (In Russ.).

Young K.G. Psychological types. Moscow, Universitetskaya kniga, AST, 1998: 720. (In Russ.).

Yusupova A.M. Journalism as a factor in the formation of social illusions: the example of socio-political publications of the Ural Federal District: dis. cand. philolog. nauk. Ekaterinburg, 2016: 228 (In Russ.).

The article was submitted on: March 10. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aseeva Irina Aleksandrovna, Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophy and Sociology, the Southwest State University, Kursk, Russia

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651

Роль общественно-профессиональных объединений педагогов в условиях модернизации системы образования

Ссылка для цитирования: Проказина Н. В., Ланцев В. Л. Роль общественно-профессиональных объединений педагогов в условиях модернизации системы образования // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 157–173. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651

For citation: Prokazina N. V., Lantsev V. L. The role of socio-professional teachers' unions in a situation when the education system is being modernized *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 157–173. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651

**Проказина
Наталья Васильевна**

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
Орёл, Россия

nvprokazina@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [415159](#)

**Ланцев
Виктор Леонидович**

Бюджетное учреждение дополнительного образования
Орловской области «Дворец пионеров и школьников
имени Ю.А. Гагарина», Орёл, Россия

vic_lan@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [1006430](#)

Аннотация. Процесс модернизации системы образования Российской Федерации направлен на формирование педагогического корпуса, готового решать задачи, связанные с повышением качества образования. В этих реалиях возникает необходимость поиска эффективных инструментов в развитии профессиональных компетенций учителей. Одним из направлений модернизации системы образования является национальная система учительского роста, которая постулирует необходимость создания условий для формального и неформального образования учителей. Особую актуальность в этой связи приобретают общественно-профессиональные объединения педагогов. Целью исследования было установление взаимосвязи активности участия в деятельности подобных объединений и профессионального становления молодого учителя. Исследование проводилось на территории Орловской области. В качестве объекта исследования выступили члены региональной Ассоциации молодых учителей математики. Метод исследования – опрос в форме анкети-

рования. В фокусе исследования находилось несколько аспектов учительской деятельности: профессиональные затруднения молодых педагогов, система наставничества, ценностные ориентации личности учителя, профессиональное развитие.

Полученные результаты социологического исследования позволили выделить три группы учителей. Первая – молодые учителя, которые в рамках проводимых образовательных событий не демонстрируют высокой активности. Вторая группа включает учителей, которые не делятся своими собственными методическими наработками, но принимают участие при проведении семинаров и мастер-классов. Третья группа – педагоги, которые публично презентуют свой опыт и готовы выступать генераторами идей в процессе планирования будущих мероприятий.

В статье показано, что активность участия в мероприятиях Ассоциации оказала существенное влияние на ценностные ориентации личности в профессиональной сфере. Педагоги, которые публично представляли опыт своей работы, продемонстрировали более высокую степень профессиональной готовности к выполнению трудовых функций в условиях национальной системы учительского роста.

Активная деятельность в составе Ассоциации позволяет молодым педагогам быстрее адаптироваться в профессиональном сообществе и способствует образованию устойчивых социальных связей с коллегами. В статье отмечается необходимость формирования в образовательных организациях системы наставничества, в том числе с использованием ресурсов общественно-профессиональных объединений педагогов.

Ключевые слова: общественно-профессиональные объединения педагогов, профессиональные компетенции, профессиональный стандарт педагога

Система подготовки педагогических кадров в настоящее время столкнулась с непростой задачей повышения уровня профессиональных компетенций учителей в условиях перманентной модернизации системы образования. Необходимость преобразования существующих подходов к обучению, воспитанию и развитию подрастающего поколения не вызывает сомнения. Как минимум это обусловлено отставанием выпускников общеобразовательных организаций по ряду показателей от своих сверстников, обучающихся в других странах. Это касается в первую очередь навыков, связанных с практическим применением полученных в школе знаний, способности к самостоятельному поиску информации, в том числе в профессиональной деятельности [Пентин и др. 2018]. В этой связи на протяжении ряда лет в отечественной системе образования происходят глубокие системные преобразования, выразившиеся во введении новых форм оценки качества подготовки обучающихся, внедрении новых федеральных государственных образовательных стандартов, постулирующих формирование метапредметных умений и компетенций. Всё это стало причиной обсуждения новых подходов к организации труда учителей, работающих в общеобразовательных организациях.

В 2013 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации был утверждён профессиональный стандарт педагога, который регламентировал выполнение определённых трудовых функций и наличие важнейших профессиональных компетенций. Похожие проблемы в процессе внедрения отраслевых профессиональных стандартов выявляются

и в зарубежных системах образования [Sachs 2016; Adoniou, Gallagher 2017]. Опыт внедрения данного инструмента, направленного на повышение уровня специальных компетенций, в нашей стране и за рубежом показал, что существует серьёзный разрыв между подготовкой выпускников учреждений профессионального образования и реалиями системы образования, с которыми молодым учителям придётся столкнуться в первые годы работы. Одной из причин, обуславливающих относительную несостоятельность профстандарта, стало закрепление в нём требований только к уровню подготовки специалистов, без определения механизмов развития профессиональных компетенций учителей. Это послужило причиной разработки на федеральном уровне концепции национальной системы учительского роста, включающей в себя не только профстандарт как вектор в выборе траектории развития учителя, но и новую систему должностей, современные подходы к аттестации, конкурсы профессионального мастерства, адресное повышение квалификации и многие другие направления профессионального развития педагога. Пристальное внимание специалистов федеральных институтов, надзорных органов и муниципальных органов исполнительной власти приковано прежде всего к подготовке молодых учителей, которым придётся работать в новых реалиях [Куликова, Пронина 2018]. В этой связи предпочтение может быть отдано не только формальному, но также неформальному и информальному образованию специалистов системы образования, которое, в частности, может быть реализовано через профессиональные союзы и ассоциации учителей [Медник 2015; Нерадовская 2018; Сорокина 2018]. Целью нашей работы стало исследование роли общественно-профессиональных объединений педагогов в процессе становления и развития профессиональных компетенций молодых учителей с учётом ценностной составляющей их труда.

Материалы и методы

Объектом исследования стали молодые педагоги образовательных организаций Орловской области – члены региональной Ассоциации молодых учителей математики (далее – Ассоциации). Организатором исследования выступил региональный Институт развития образования, курирующий в том числе и деятельность общественно-профессиональных объединений педагогов. Куратором проекта выступила кафедра социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

В апреле–мае 2019 г. было опрошено 32 респондента, что составляет 100% участников данного общественно-профессионального объединения педагогов. Опрос проводился в форме анкетирования с использованием открытых, закрытых, полужакрытых и вопросов в табличной форме.

Среди опрошенных 9,4% составляют мужчины, однако статистически достоверной разницы в ответах представителей разного пола выявить не удалось. Основная масса респондентов представлена учителями городских школ – 65,6%, сельских – 34,4%. Среди них – 59,4% педагоги

общеобразовательных школ, 25% работают в лицеях и 15,6% – в гимназиях. Возраст большинства респондентов составил от 25 до 35 лет (81,3%).

В рамках данного исследования производилось изучение профессиональных затруднений, с которыми сталкиваются молодые педагоги в первый год работы; факторов, способствовавших преодолению возникающих трудностей; уровня сформированности ценностных ориентаций, а также динамики развития ведущих учительских компетенций и профессиональных устремлений. С учётом специфики исследования все респонденты в зависимости от степени вовлечённости в мероприятия, проводимые Ассоциацией, разделены нами на три группы. К первой (№ 1) относятся молодые учителя, которые в рамках проводимых образовательных событий не демонстрируют высокой активности, т. е. являются пассивными слушателями (31,3% от общего числа опрошенных). Во второй группе (№ 2) представлены учителя математики, которые не делятся своими собственными методическими наработками, но принимают участие в обсуждении представленного для изучения материала, работают в составе фокус-групп при проведении семинаров и мастер-классов (37,5%). В третью группу (№ 3) вошли педагоги, которые публично презентуют свой опыт и готовы выступать генераторами идей в процессе планирования будущих мероприятий (31,3%).

В фокусе исследования находилось несколько аспектов: профессиональные затруднения молодых педагогов, система наставничества, ценностные ориентации личности учителя, профессиональное развитие [Edgerton, Desimone 2019].

Следует отметить, что полученные результаты не могут в полной мере отражать положение дел на всей территории страны, однако возможно их рассмотрение в качестве предварительных в процессе планирования более крупных исследований.

Результаты исследования. Направления деятельности общественно-профессиональных объединений с целью повышения профессиональной компетентности молодых специалистов

Особенности адаптации к педагогической деятельности молодых учителей

Профессиональные затруднения. Понимание перспектив профессионального развития молодого специалиста невозможно без вычленения тех сложностей, с которыми ему приходится сталкиваться в процессе работы [Хошимова, Тагоева 2017; Boyd, Ash 2018]. Результаты анализа полученных данных позволяют выделить наиболее острые проблемы, стоящие перед молодыми учителями математики в первый год работы. Большинство респондентов отметили сложности (среднее значение по данному показателю – 5,05, где 10 – это значение признака, при котором индивид испы-

тывает максимальные трудности) в написании рабочих программ, в выборе методов и средств обучения (4,95), в процессе публичных выступлений (4,9), в подготовке и проведении уроков и внеурочных, в том числе воспитательных занятий (по 4,7 соответственно). Следует отметить, что подобная картина наблюдается практически по каждой из трёх выделенных групп. На этом фоне участники группы № 3 в среднем испытывали меньше затруднений в процессе публичных выступлений по сравнению с группами № 1 и № 2, для которых этот вид деятельности представлял серьёзную задачу (4,0 против 5,5 и 5,0 соответственно). Существует вероятность, что опыт участия в качестве активных выступающих в рамках мероприятий Ассоциации сглаживает негативное восприятие данной проблемы. Это приводит к тому, что молодые учителя, получив опыт публичного выступления в рамках региональных образовательных событий, преуменьшают значение данного фактора при проведении субъективного анализа своей профессиональной деятельности. В то же время члены группы № 3 в качестве наиболее серьёзных затруднений указывали вопросы, связанные с осуществлением трудовых функций обучения, воспитания и развития по сравнению с представителями групп № 1 и № 2. Это может быть обусловлено более развитой способностью к саморефлексии и осознанием направленности мероприятий Ассоциации прежде всего на развитие предметных и коммуникативных компетенций. Необходимо отметить, что выстраивание взаимоотношений с коллегами, по мнению представителей каждой из выделяемых категорий молодых учителей, представляло наименьшую сложность.

Преодоление выявленных профессиональных затруднений большинство респондентов связывают с постоянным самообразованием (8,25), участием в мероприятиях, проводимых Ассоциацией (6,8) и помощью администрации (6,4). Следует отметить, что с увеличением вовлечённости в образовательные события, организуемые Ассоциацией, менее значимой для педагогов становится роль других профессиональных мероприятий локального (школьного), муниципального, регионального или федерального уровней. Так, респонденты третьей, наиболее активной группы, оценивая влияние федеральных или региональных образовательных событий на формирование своих профессиональных компетенций, отмечают их меньшее влияние по сравнению с проводимыми на других площадках (3,5 против 4,5 по группе № 2 и 5,17 по группе № 1). Данная тенденция отмечается для мероприятий муниципального (4,67 против 5,13 и 6,0 соответственно) и школьного уровней (4,83 против 6,63 и 6,5 соответственно). Таким образом, активное участие в мероприятиях Ассоциации, с одной стороны, способствует преодолению профессиональных сложностей, с которыми сталкиваются молодые учителя математики в первый год работы, и, следовательно, профессиональному росту, а с другой – не дают возможности учителям в полной мере получать методическую помощь из разных источников ввиду привязанности к конкретной группе специалистов [Самойлова 2006]. В то же время более рациональным подходом с управленческой точки зрения является оказание адресной консультативной поддержки молодым специалистам с использованием ресурсов общественно-профессиональных объединений

[Довбыш 2018]. Следует отметить, что несмотря на разный уровень вовлечённости в работу, представители каждой из групп респондентов указывают на высокий уровень личностной и профессиональной значимости участия в образовательных событиях Ассоциации. В частности, члены первой группы респондентов не проявляли высокой активности в процессе проведения мероприятий, однако все они отмечают полезность проводимой работы и положительное влияние семинаров, заседаний и мастер-классов на формирование их профессиональных компетенций.

Система наставничества. Управление профессиональным развитием молодых кадров является одним из важнейших направлений деятельности руководителя общеобразовательной организации. Формирование системы наставничества в школе может быть не только эффективным инструментом введения учителя в профессиональную деятельность, но и благоприятным фактором процесса профессиональной социализации начинающего педагога и вхождения его в трудовой коллектив [Лыжина, Сарычева 2018]. Среди опрошенных нами членов Ассоциации молодых учителей математики лишь 55% респондентов имеют наставника из числа опытных коллег в своей образовательной организации. Анализ полученных данных свидетельствует о наличии устойчивой связи между такими критериями, как активность участия в мероприятиях Ассоциации и наличие наставника. Так, подавляющее большинство педагогов, принимающих активное участие в данных мероприятиях (группа № 3), имеют наставника в своей школе (83,3%). Среди молодых учителей математики, чьё участие в образовательных событиях в большинстве случаев сводится к высказыванию своего мнения в рамках дискуссий (группа № 2), лишь 62,5% отмечают наличие профессиональной помощи в своём трудовом коллективе. Для педагогов, которые в рамках деятельности Ассоциации предпочитают оставаться пассивными слушателями (группа № 1), характерно практически полное отсутствие куратора из числа опытных коллег (наставник есть лишь у 16,7% молодых учителей).

Таким образом, наличие наставника из числа специалистов образовательной организации, в которой осуществляет свою трудовую деятельность молодой учитель, способствует повышению его профессиональной активности [Sarvis, Silvers 2019]. Фактически, чем большее внимание уделяют педагогу по месту его основной работы, тем в большей мере он готов презентовать себя профессиональному сообществу.

Задачей руководителя образовательной организации, заинтересованного не только в привлечении молодых специалистов, но и в профессиональной подготовке молодых кадров, является организация системы наставничества, заключающейся в передаче методического опыта посредством сложившейся в школе системе социальных связей. Так, наставник может стать не только лицом, курирующим и корректирующим работу молодого сотрудника, но и способствовать его вхождению в профессиональное сообщество, существующее на локальном, муниципальном или региональном уровне [Ayish, Devenci 2019]. Помимо прочего, эффективно работающий в общеобразовательной школе институт наставничества способствует образованию устойчивых интеракций в педагогическом

коллективе, что положительно сказывается на стабильности существующего в образовательной организации социального порядка в условиях внедрения профстандарта педагога [Clarke, Moore 2013].

Вместе с тем анализ полученных данных указывает на то, что для педагогов, имеющих наставника из числа коллег в своей образовательной организации, значимость мероприятий Ассоциации несколько выше, чем для тех, кто лишён методической помощи по месту основной работы (7,1 против 6,4 соответственно). Возможно, это связано именно с более высокой ценностью мероприятий, организуемых профессиональным педагогическим сообществом для молодых математиков, имеющих наставника, в том числе в качестве площадки для проб себя в качестве методиста, что в перспективе даст уверенность начинающему специалисту при аттестации на первую или высшую категорию. Наличие данного опыта может быть положительно оценено администрацией образовательной организации и способствовать замещению должностей старшего и ведущего учителя, введение которых предусмотрено национальной системой учительского роста.

В ряде образовательных организаций нет возможности сформировать эффективную систему наставничества ввиду отсутствия опытных специалистов по данному профилю, малой численности педагогического коллектива, высокой нагрузки учителей и некоторых других объективных причин [Шилова и др. 2018]. В подобных условиях обеспечение развития профессиональных компетенций молодых учителей возможно с использованием ресурсов общественно-профессиональных объединений, в том числе с применением дистанционных технологий, что представляется весьма актуальным с учётом отдалённости некоторых образовательных организаций от регионального или районного центра [Кармаева, Кармаев 2019].

Ценностные ориентации личности. Структура ценностных ориентаций личности имеет колоссальное значение в процессе осуществления педагогического труда. Молодым учителям математики в рамках проведённого анкетирования было предложено ответить на полуоткрытый вопрос: «Что представляет для Вас наибольшую ценность в профессиональной деятельности?». Статистический анализ полученных данных показывает, что вне зависимости от активности участия молодых учителей в мероприятиях Ассоциации наибольшее удовлетворение в труде они получают от возможности профессионального и личностного роста (9,0), участия в процессе формирования личности ребёнка (8,7), возможности общения с коллегами и учениками, их родителями (8,1), а также от интеллектуального характера труда (8,0). Наименее привлекательны в профессии учителя – отсутствие возможности карьерного роста (5,0), существующие условия для написания научной работы (5,3), уровень заработной платы (5,4). На этом фоне для учителей, принимающих активное участие в мероприятиях Ассоциации, ценность таких показателей, как заработная плата, достойный «соцпакет» и построение карьеры на педагогическом поприще, несколько выше по сравнению с уровнем их значимости для более пассивных педагогов. Вероятно, это свидетельствует о более зрелом взгляде на выбранную профессию. Учитывая, что средний возраст и стаж респондентов каждой из выделяемых групп имеют приблизительно равные

значения, решающим фактором, формирующим позитивный взгляд на собственную трудовую деятельность, является активная жизненная и профессиональная позиция педагога [Москвина 2017].

Характеристика профессионального развития и личностного роста молодых учителей

Профессиональное развитие. Для изучения роли общественно-профессиональных объединений молодых учителей на развитие их важнейших компетенций респондентам было предложено оценить уровень своего профессионализма путём оценки ряда показателей по шкале от 1 до 10. Все использованные критерии можно разделить на три группы в зависимости от их ценностно-смысловой ориентации.

К первой группе критериев мы отнесли характеризующие отношение молодого специалиста к трудовой деятельности в целом: уровень своего профессионализма, профессиональную активность, а также преданность выбранной профессии, что среди педагогов называется «любовью» к учительству как сфере трудовой деятельности.

Критерии второй группы представляют наибольший интерес с учётом внедрения национальной системы учительского роста и специфики оценки уровня компетенций учителей надзорными органами в сфере образования. Подобный подход лежит не только в основе международных исследований педагогического корпуса, но и отечественных мониторинговых исследований, в том числе направленных на разработку единых федеральных оценочных материалов как объективных инструментов в оценке компетенций учителей. Несмотря на то, что в большинстве аналогичных исследований приводятся данные лишь о сформированности предметных и методических компетенций, мы смогли получить результаты и по коммуникативным компетенциям, что невозможно при использовании печатных тестов для учителей. В то же время коммуникативные компетенции имеют колоссальную значимость для педагога, который вынужден постоянно выстраивать взаимоотношения с другими участниками образовательного процесса [Кокшарова 2017]. Кроме того, активное участие в мероприятиях Ассоциации предполагает формирование культуры публичного выступления и участие в дискуссиях, что не могло не отразиться на развитии навыков эффективной коммуникации.

К третьей группе критериев мы отнесли нацеленность на развитие, продолжение трудовой деятельности в педагогической профессии и желание в дальнейшем участвовать в конкурсах профессионального мастерства и образовательных событиях федерального и регионального уровней с целью презентации накопленного методического и инновационного опыта. Фактически эта группа показателей включает ценностные ориентации в сфере непосредственной трудовой деятельности и в некоторой степени отражает социальные личностные установки. Согласно диспозиционной теории личности В. А. Ядова, жизненные ориентации представляют собой высший уровень иерархической структуры личности и оказывают влияние на витальные и ситуативные поведенческие реакции [Ядов

2013]. Мы полагаем, что зачастую процесс формирования диспозиционной структуры личности может происходить снизу вверх. В этом случае ценностные ориентации трансформируются исходя из условий, в которых живёт, трудится и проводит досуг человек. В связи с этим участие молодых учителей математики в работе Ассоциации способно влиять на формирование профессиональных ценностей и закладывать прочное основание ориентации на дальнейшее самосовершенствование [Wang, Shuttlesworth 2020]. В то же время негативный опыт, полученный педагогом в процессе общения с коллегами, в том числе в условиях неформального образования, может стать фактором, существенно понижающим привлекательность профессии для конкретного специалиста [Ефимова 2015].

Результат исследования влияния Ассоциации на профессиональное развитие молодых учителей математики представлен на рис. 1.

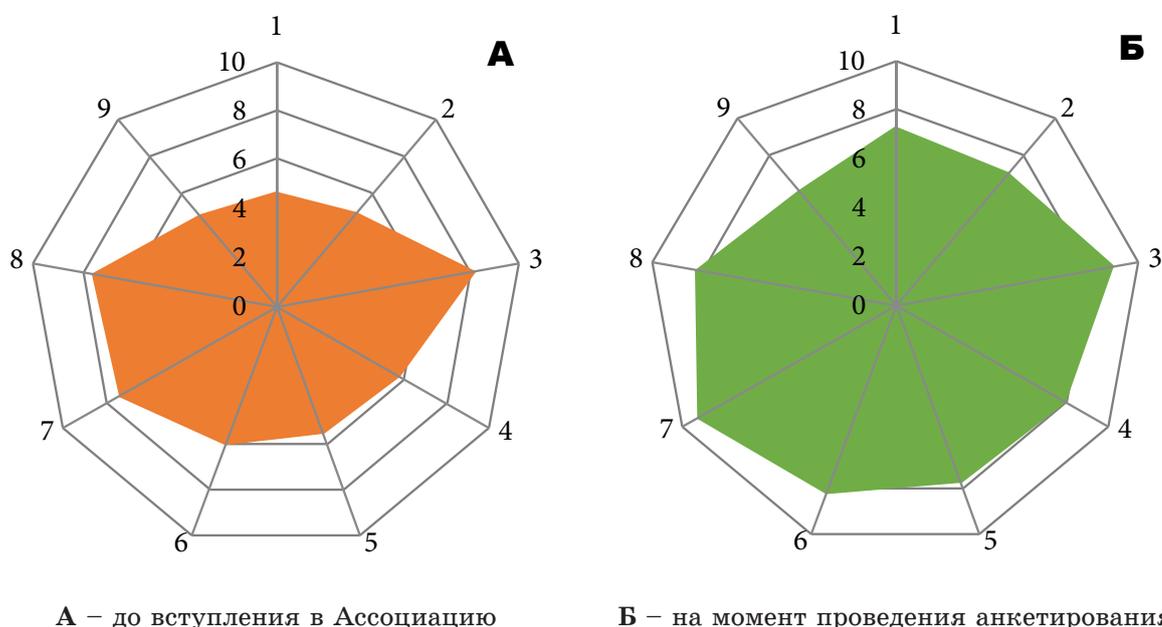

Рис. 1. Показатели профессионального развития молодого учителя математики

Figure 1. Young math teachers' professional growth indexes

Значения: 1 – уровень профессионализма; 2 – профессиональная активность; 3 – преданность профессии; 4 – предметные компетенции; 5 – методические компетенции; 6 – коммуникативные компетенции; 7 – нацеленность на профессиональное и личностное развитие; 8 – нацеленность на дальнейшую трудовую деятельность в выбранной профессии; 9 – нацеленность на презентацию собственного опыта и участие в конкурсах профессионального мастерства.

Анализируя полученные данные, можно констатировать, что участие в деятельности изучаемого нами общественно-профессионального объединения педагогов оказывает положительное влияние на развитие каждого из признаков (прирост по всем признакам находится в диапазоне от 0,7 до 2,6).

Рассматривая первую группу признаков, необходимо отметить, что наибольший прирост в результате участия молодых учителей в работе Ассоциации наблюдается по показателю «уровень профессионализма», а наименьший – по «преданности профессии». Данное обстоятельство может быть обусловлено осознанным выбором сферы трудовой деятельности выпускниками. Не может остаться без внимания и тот факт, что

обозначенные молодыми специалистами трудности, которые они испытывали в начале профессиональной деятельности, в том числе и в бытовом плане, не способствовали отторжению профессии учителя как таковой. Рост профессиональной активности в большей степени характеризует педагогов, которые выступают в рамках мероприятий изучаемого общественно-профессионального объединения (группа № 3). На этом фоне для представителей других групп повышение активности не так выражено.

Развитие профессиональных компетенций учителей математики в рамках мероприятий Ассоциации происходило с достаточной степенью интенсивности [Simons et al. 2020]. Об этом свидетельствует увеличение значения среднего индикатора оценки на 35–40% в среднем. В абсолютном выражении прирост по каждому типу компетенций составил 2,2 единицы. Педагоги третьей группы характеризуются более высоким приростом уровня владения предметными и коммуникативными компетенциями по сравнению со средним по выборке показателем (2,9 против 2,2 и 3,0 против 2,2 соответственно). Полученные результаты представляются вполне закономерными с учётом того, что активным учителям приходится много готовиться перед выступлениями и мастер-классами, оттачивать речь и отрабатывать навыки ведения дискуссии с представителями профессионального сообщества. Данное обстоятельство делает участие в работе подобных общественно-профессиональных объединений весьма актуальным в условиях внедрения национальной системы учительского роста. Кроме того, апробация единых федеральных оценочных материалов, проведённая в ряде регионов в 2018 г., показала довольно низкий уровень профессиональных компетенций учителей, что должно направить образовательную политику субъектов Российской Федерации на поиск и внедрение эффективных инструментов повышения профессионализма учителей. В связи с этим деятельность общественно-профессиональных объединений, подобных Ассоциации молодых учителей математики Орловской области, требует дальнейшего изучения и распространения в качестве одного из возможных механизмов организации непрерывного образования (концепция «Life Long Learning»).

Проводя оценку жизненных ориентиров, связанных с профессиональной деятельностью, мы можем констатировать, что участие в мероприятиях Ассоциации способствует возрастанию интереса к профессиональному развитию, выраженному также в желании публично представить педагогическому сообществу накопленный опыт. Для респондентов, которые указали, что они активно участвуют в работе данного общественно-профессионального объединения (группа № 3), показатель заинтересованности в продолжении совершенствования своих профессиональных компетенций соответствует среднему значению по всей исследуемой совокупности. На этом фоне представители данной группы демонстрируют более высокий уровень ориентированности на участие в образовательных событиях федерального и регионального уровней с целью презентации собственных идей и инновационных методик (прирост по данному показателю составил 1,5, что на 0,8 больше по сравнению со средним значением по всем опрошенным) и желание продолжать профессионально развиваться в сфере препода-

вания математики в средней школе (на 2,2 против 1,2 по совокупности) [Константиновский и др. 2019]. Это обстоятельство может быть обусловлено наличием определённого опыта взаимодействия в профессиональной среде, осознанием правильности выбора жизненного плана, а также стратегией достижения высоких результатов в профессии.

Говоря о развитии личностных качеств, следует отметить, что оценка их уровня может быть произведена только по некоторым субъективным показателям. При выборе некоторых из них в нашем исследовании мы руководствовались общими принципами морально-этической составляющей труда учителя (см. рис. 2). Так, молодые учителя достаточно высоко оценивают уровень собственной ориентации на формирование личности ребёнка. В этой связи отмечается незначительный рост показателей 1 и 2 (на 5,1 и 2,5% соответственно).

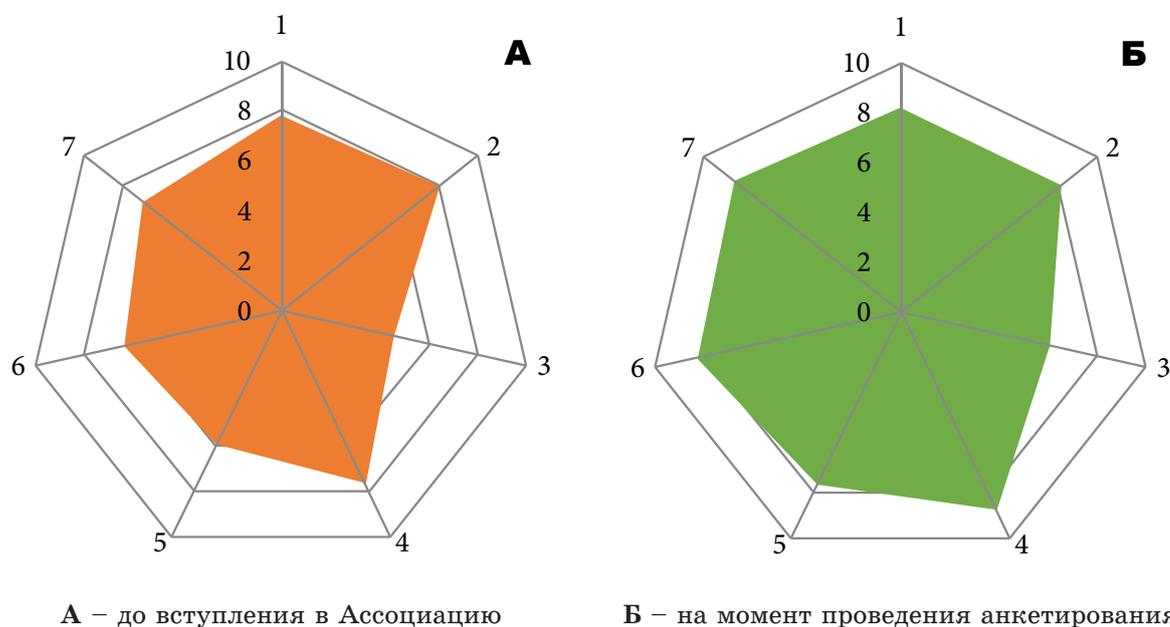

Рис. 2. Показатели личностного развития молодого учителя математики

Figure 2. Young math teachers' personal growth indexes

Значения: 1 – способность выстраивать взаимоотношения с обучающимися и их родителями; 2 – личная заинтересованность в судьбе ребёнка; 3 – нематериальное удовлетворение от работы; 4 – осознание социальной значимости профессии педагога; 5 – культура публичных выступлений; 6 – удовлетворение от работы в коллективе; 7 – расширение кругозора.

В то же время у части респондентов наблюдается переориентация с материальной составляющей труда на нематериальную (прирост показателя составил 32,6%) и осознание роли профессии учителя как одной из важнейших социально значимых профессий (увеличение на 14,3%). Это – показатель формирования зрелого отношения к учительскому труду, предполагающему ответственную позицию в воспитании человека и гражданина своей страны. Именно в этой связи происходит смещение акцентов с уровня фактической оплаты труда на моральную удовлетворённость от результата проделанной работы, заключающегося в оценке учебных и личностных успехов обучающихся. Кроме того, активное включение в деятельность общественно-профессиональных сообществ способствует развитию культуры публичных выступлений

(на 30,5%), что с учётом положительной динамики позволяет говорить о преодолении частью педагогов психологических барьеров, возникающих при взаимодействии с большими аудиториями. Это обстоятельство также является благоприятным фактором, предоставляющим возможность увереннее чувствовать себя в педагогическом коллективе. В этой связи происходит формирование осознания значимости работы в коллективе единомышленников как фактора, способствующего достижению лучших результатов в процессе обучения, воспитания и развития детей. Положительный прирост по показателю в этом случае составил 30,1%.

Следует отметить, что работа в составе Ассоциации, по мнению ряда опрошенных, способствовала расширению общего кругозора и формированию мировоззрения (произошло увеличение на 20%). Таким образом, деятельность общественно-профессиональных, в том числе и молодёжных объединений, предоставляет возможности не только профессионального, но и личностного развития специалистов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет с определённой долей вероятности констатировать, что участие в деятельности общественно-профессиональных объединений способствует повышению профессиональной компетентности молодых специалистов. Пристальное внимание профессионального сообщества к судьбе начинающих учителей позволяет последним справляться с трудностями, которые возникают в первые годы работы, легче находить единомышленников, получать неформальное образование, что в настоящее время является одной из общих тенденций в системе образования в разных странах. В то же время само по себе участие в работе различных объединений не гарантирует акселерации в развитии необходимых компетенций. Молодые специалисты, заинтересованные в активном участии в мероприятиях, организуемых подобными сообществами, вынуждены развиваться более интенсивно, оттачивая не только предметные и методические компетенции, но и коммуникативные. В этом процессе большую роль играет наличие наставника из числа коллег, работающих в той же организации, что и молодой специалист. Участие в деятельности Ассоциации компенсирует нехватку методической помощи педагогам, не имеющим закреплённого наставника, или позволяет его найти среди коллег, способных поделиться своим опытом с начинающими педагогами.

Следует отметить, что участие в профессиональных сообществах оказывает заметное влияние на формирование иерархической структуры личности, в частности на уровне поведенческих реакций и жизненных ценностей, ориентируя тем самым молодого специалиста на социальное взаимодействие не только в непосредственном трудовом коллективе, но и за его пределами. В перспективе это позволяет говорить о формировании в регионе кластера профессиональной педагогической элиты и изменении положения социально-профессиональной группы учителей в период образовательных реформ [Ильин и др. 2017].

Таким образом, одной из наиболее важных задач, стоящих перед региональными органами исполнительной власти, курирующими работу системы образования в условиях внедрения национальной системы учительского роста, является создание условий для повышения квалификации педагогов общеобразовательных организаций не только через формальное, но и неформальное образование. В этой связи региональные общественно-профессиональные объединения учителей представляются мощным инструментом, способным оказывать непосредственное влияние на адаптацию к педагогической деятельности и, что особенно важно, на развитие профессиональных компетенций молодых учителей.

Библиографический список

Довбыш С. Е. 2018. Индивидуальная траектория профессионального роста педагога: постановка проблемы // Управление образованием: теория и практика. № 2 (30). С. 5–10. URL: <http://iuorao.ru/wp-content/uploads/2018/07/dov.doc.pdf> (Дата посещения: 13.12.2019).

Ефимова Г. З. 2015. Молодой учитель: профессиональная социализация и качество жизни // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 1. № 3 (3). С. 102–113. URL: <https://vestnik.utmn.ru/sociology/vypuski/2016-tom-2/3/213003/> (Дата посещения: 03.10.2019).

Ильин В. А., Леонидова Г. В., Головчин М. А. 2017. Российский учитель в реформирующемся обществе: взгляд из региона // Социологические исследования. № 3. С. 51–58.

Кармаева Н. Н., Кармаев Н. А. 2019. Молодые преподаватели в условиях дифференциации в российском высшем образовании: практики сотрудничества // Социологические исследования. № 10. С. 63–72. Doi: 10.31857/S013216250004279-9

Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С. 2019. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. № 10. С. 14–25. Doi: 10.31857/S013216250004949-6

Кокшарова А. А. 2017. Психологическая компетентность педагогов в рамках реализации профессионального стандарта «Педагог» // Молодой ученый. № 8. С. 278–281. URL: <https://moluch.ru/archive/142/39918/> (Дата посещения: 12.09.2019).

Куликова Т. А., Пронина Н. А. 2018. Формирование готовности будущего педагога к профессиональной деятельности // Вестник ТГПУ. № 3 (192). С. 84–90 URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/kulikova_t._a._84_90_3_192_2018.pdf (Дата посещения: 28.12.2019).

Лыжина Н. П., Сарычева М. О. 2018. Региональная система педагогического наставничества Томской области: механизмы формирования и развития // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 4 (32). С. 47–55.

Медник Е. А. 2015. Профессиональные сообщества и их роль в повышении квалификации педагогов // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 2 (18). С. 80–84.

Москвина Д. Н. 2017. К вопросу о профессионально-педагогических ценностях // Молодой ученый. № 12. С. 528–530. URL: <https://moluch.ru/archive/146/40935/> (Дата посещения: 12.09.2019).

Нерадовская О. Р. 2018. Неформальные профессиональные сообщества и группы повышения квалификации педагогов системы общего образования: отличительные признаки // Научно-педагогическое обозрение. № 2 (20). С. 76–82. Doi: 10.23951/2307-6127-2018-2-76-82

Пентин А. Ю., Ковалева Г. С., Давыдова Е. И., Смирнова Е. С. 2018. Состояние естественнонаучного образования в российской школе по результатам международных исследований TIMSS и PISA // Вопросы образования. № 1. С. 79–109.

Самойлова Е. В. 2006. Социологический анализ процесса профессиональной социализации будущих учителей // Интеграция образования. № 3. С. 150–154. URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/06-3.pdf> (Дата посещения: 15.11.2019).

Сорокина Н. Е. 2018. Сетевые формы организации методической деятельности как средство повышения мастерства педагогов // Наука и школа. № 2. С. 107–110.

Хошимова Н. М., Тагоева С. М. 2017. Трудности и недостатки в профессиональной деятельности начинающих учителей // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. № 1 (50). С. 234–238.

Шилова О. Н., Ермолаева М. Г., Ахтиева Г. Р. 2018. Современное состояние и проблемы развития института наставничества молодых учителей // Человек и образование. № 4 (57). С. 202–209. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/D/Journal_4_2018.pdf (Дата посещения: 17.12.2019).

Ядов В. А. 2013. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ // URL: https://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/Yadov_2013.pdf (Дата посещения: 08.01.2020).

Adoniou M., Gallagher M. 2017. Professional standards for teachers – what are they good for? // Oxford Review of Education. № 43 (1). P. 109–126. Doi: 10.1080/03054985.2016.1243522

Ayish N., Devenci T. 2019. Student Perceptions of Responsibility for Their Own Learning and for Supporting Peers' Learning in a Project-based Learning Environment // International Journal of Teaching and Learning in Higher Education. Vol. 31. № 2. P. 224–237. URL: <http://www.isetl.org/ijtlhe/pdf/IJTLHE3303.pdf> (Дата посещения: 09.01.2020).

Boyd P., Ash A. 2018. Mastery mathematics: Changing teacher beliefs around in-class grouping and mindset // Teaching and Teacher Education. Vol. 85. P. 214–223. Doi: 10.1016/j.tate.2018.06.016

Clarke M., Moore A. 2013. Professional standards, teacher identities and an ethics of singularity // Cambridge Journal of Education. № 43 (4). P. 487–500. Doi: 10.1080/0305764X.2013.819070

Edgerton A. K., Desimone L. 2019. Mind the Gaps: Differences in How Teachers, Principals, and Districts Experience College- and Career-Readiness Policies // American Journal of Education. V. 125. P. 593–619. Doi: 10.1086/704099

Sachs J. 2016. Teacher professionalism: why are we still talking about it? // Teachers and Teaching: theory and practice. № 22 (4). P. 413–425. Doi: 10.1080/03055698.2016.1219651

Sarvis J., Silvers P. 2019. Partnering for a Field-Based Residency: Challenges and Possibilities // International Journal of Teaching and Learning in Higher Education. Vol. 31. № 1. P. 147–153. URL: <http://www.isetl.org/ijtlhe/pdf/IJTLHE3178.pdf> (Дата посещения: 14.01.2020).

Simons M., Baeten M., Vanhees C. 2020. Team Teaching During Field Experiences in Teacher Education: Investigating Student Teachers' Experiences With Parallel and Sequential Teaching // Journal of Teacher Education. V. 71. № 1. P. 24–40. Doi: 10.1177/0022487118789064

Wang Y., Shuttlesworth D. 2020. Close the Achievement Gap With Professional Development // International Journal of Teacher Education and Professional Development. V. 3. I. 1. P.88–101. Doi: 10.4018/IJTEPD.2020010106

Статья поступила 13.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий, ФГБОУ ВО «Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС», Орёл, Россия

Ланцев Виктор Леонидович, заместитель директора по проектному управлению Бюджетного учреждения дополнительного образования Орловской области «Дворец пионеров и школьников имени Ю.А. Гагарина», Орёл, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651

The Role of Socio-Professional Teachers' Unions in a Situation when the Education System is Being Modernized

Natalia V. Prokazina

Central Russian Institute of management – branch of Ranepa, Orel, Russia

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1677-5324

Viktor L. Lantsev

Institute of education development, Orel, Russia

E-mail: vic_lan@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8869-5174

For citation: Prokazina N. V., Lantsev V. L. The role of socio-professional teachers' unions in a situation when the education system is being modernized. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 157–173. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651

Abstract. This article points out that the process of modernizing the Russian Federation's education system is aimed at developing such a professional body of teachers that would be prepared to solve issues associated with improving the quality of education. Given such a situation, the need arises for finding effective means of developing the professional competencies of teachers. One direction for modernizing the education system would be a national system of advancement for teachers, which postulates the need for creating the right conditions for the formal and informal training of educators. Given the context, socio-professional teachers' unions turn out to be especially vital. The goal of this study was to identify how active participation in the practices of such organizations is connected to a young teacher's professional growth. The study was conducted in Orel Province. Members of the regional young math teachers' association were selected to be the object of research, with questionnaire survey used as the research method. The study focused on several aspects of teaching: professional difficulties faced by young educators, the mentorship system, an educator's value orientations, professional growth.

The results of the study allowed for identifying three groups of educators, the first one being young teachers who do not actively participate in educational events. The second group included teachers who do not share their own methodical expertise, but partake in seminars and master classes. The third group consists of educators who publically share their experience and are prepared to think of new ideas for future events.

The article shows that the Association's active participation in various events significantly affected the individual value orientations of trade professionals. Those educators who shared their publically work experience demonstrated a higher degree of professional aptitude in performing their jobs within the national system of teachers' training.

Active efforts as members of the Association helped young educators quickly adapt within their professional community and establish firm social connections with their colleagues. The authors suggest the need for developing a system of mentorship in educational institutions, which would utilize resources provided by socio-professional teachers' unions.

Keywords: social and professional associations of teachers, professional competence, the professional standard of the teacher

References

Adoniou M., Gallagher M. Professional standards for teachers – what are they good for? *Oxford Review of Education*, 2017: 43 (1): 109–126. DOI: 10.1080/03054985.2016.1243522

Ayish N., Deveci T. Student Perceptions of Responsibility for Their Own Learning and for Supporting Peers' Learning in a Project-based Learning Environment. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 2019: 31: 2: 224–237. Available at: <http://www.ijetl.org/ijtlhe/pdf/IJTLHE3303.pdf> [accessed 09.01.2020].

Boyd P., Ash A. Mastery mathematics: Changing teacher beliefs around in-class grouping and mindset. *Teaching and Teacher Education*, 2018: 85: 214–223. DOI: 10.1016/j.tate.2018.06.016

Clarke M., Moore A. Professional standards, teacher identities and an ethics of singularity. *Cambridge Journal of Education*, 2013: 43 (4): 487–500. DOI: 10.1080/0305764X.2013.819070

Dovbysh S. E. Individual trajectory of professional growth of a teacher: problem statement. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management: theory and practice*, 2018; 2(30): 5–10. Available at: <http://iuorao.ru/wp-content/uploads/2018/07/dov.doc.pdf> [accessed 13.12.2019] (In. Russ.).

Edgerton A.K., Desimone L. Mind the Gaps: Differences in How Teachers, Principals, and Districts Experience College- and Career-Readiness Policies. *American Journal of Education*, 2019: 125: 593–619. DOI:10.1086/704099

Efimova G.Z. The young teacher: professional socialization and living standards. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia = Bulletin of Tyumen state University. Socio-economic and Legal Studies*, 2015: 1: 3: 102–113. Available at: <https://vestnik.utmn.ru/sociology/vypuski/2016-tom-2/3/213003> [accessed 03.10.2019] (In. Russ.).

Ilyin V. A., Leonidova G. V., Golovchin M. A. Russian teacher in a reformed society: a view from the region. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017: 3: 51–58 (In. Russ.).

Karmaeva N.N., Karmaev N.A. Young teachers in the conditions of differentiation in Russian higher education: practices of cooperation. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019: 10: 63–72 (In. Russ.). doi:10.31857/S013216250004279-9

Khoshimova N.M., Tagoeva S.M. Difficulties and shortcomings in the professional activities of novice teachers. *Uchionye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki = Scientific notes of B. Gafurov's Khujand State University. Humanities*, 2017: 1 (50): 234–238. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-i-nedostatki-v-deyatelnosti-nachinayuschih-uchiteley> [accessed 22.12.2019] (In. Russ.).

Koksharova A.A. Psychological competence of teachers in the implementation of the professional standard «Teacher». *Molodoy uchioniy = Young scientist*, 2017; 8: 278–581. Available at: <https://moluch.ru/archive/142/39918> [accessed 12.09.2019] (In. Russ.).

Konstantinovskiy D.L., Pinskaya M.A., Zvyagintsev R.S. Professional well-being of teachers: from enthusiasm to burnout. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019; 10: 14–25 (In. Russ.). DOI: 10.31857/S013216250004949-6

Kulikova T.A., Pronina N.A. Formation of readiness of the future teacher for professional activity. *Vestnik TGPU = TSPU Bulletin*, 2018; 3: 84–90 (In. Russ.).

Lyzhina N., Sarycheva M. Regional system of teacher mentoring in Tomsk region: mechanisms of formation and development. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, 2018; 4 (32): 47–55 (In. Russ.).

Mednik E.A. Professional communities and their role in the professional development of teachers. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, 2015; 2: 80–84 (In. Russ.).

Moskvina D.N. On the question of professional and pedagogical values. *Molodoy uchioniy = Young scientist*, 2017; 12: 528–530 (In. Russ.).

Neradovskaya O.R. Informal professional communities and groups of professional development of teachers of the General education system: distinctive features. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review. = Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review*, 2018; 2 (20): 76–82. DOI:10.23951/2307-6127-2018-2-76-82 (In Russ.).

Pentin A.Y., Kovaleva G.S., Davydova E.I., Smirnova E.S. The state of science education in a Russian school according to the results of international research TIMSS and PISA. *Voprosy obrazovaniya = Education issues*, 2018; 1: 79–109 (In Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-1-79-109

Sachs J. Teacher professionalism: why are we still talking about it? *Teachers and Teaching: theory and practice*, 2016; 22 (4): 413–425. DOI: 10.1080/03055698.2016.1219651

Samoilova E.V. Sociological analysis of the process of professional socialization of future teachers. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*, 2006; 3: 150–154 (In. Russ.).

Sarvis J., Silvers P. Partnering for a Field-Based Residency: Challenges and Possibilities. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 2019; 31: 1: 147–153.

Shilova O.N., Ermolaeva M.G., Ahtieva G.R. Current state and problems of mentoring of institute for young teachers development. *Chelovek i obrazovanie = People and Education*, 2018; 4 (57): 202–209 (In. Russ.).

Simons M., Baeten M., Vanhees C. Team Teaching During Field Experiences in Teacher Education: Investigating Student Teachers' Experiences With Parallel and Sequential Teaching. *Journal of Teacher Education*, 2020; 71: 1: 24–40. DOI: 10.1177/0022487118789064

Sorokina N.E. Network forms of organizing methodical activity as a means of improving the teacher's skills. *Nauka i obschestvo = Science and society*, 2018; 2: 107–110 (In Russ.).

Wang Y., Shuttlesworth D. Close the Achievement Gap With Professional Development. *International Journal of Teacher Education and Professional Development*, 2020; 3: 1: 88–101. DOI: 10.4018/IJTEPD.2020010106

Yadov V. A. Self-regulation and forecasting of social behavior of a person: Dispositional concept. Moscow, CSPiM, 2013. Available at: https://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/Yadov_2013.pdf [accessed 08.01.2020] (In Russ.).

The article was submitted on: April 13. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Prokazina Natalia Vasilievna, Doctor of Sociological Science, head of the Department of sociology and information technology, associate Professor, Central Russian Institute of management – branch of RANEPa, Orel, Russia

Lantsev Viktor Leonidovich, Vice Director for Project Management of Budgetary institution of the Orel region of additional education «Palace of pioneers and schoolchildren named after Yuri Gagarin», Orel, Russia

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652

Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития

Ссылка для цитирования: Сизова И. Л., Коренькова М. М. Новые потребительские практики современных городских семей в сфере ухода за детьми и их развития // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 174–193. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652

For citation: Sizova I. L., Korenkova M. M. Modern urban families' new consumer practices in childcare and parenting *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 174–193. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652

**Сизова
Ирина Леонидовна**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

sizovai@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [185382](#)

**Коренькова
Марианна Максимовна**

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

mkorenkova@hse.ru

AuthorID РИНЦ: [826653](#)

Аннотация. Целью исследования является характеристика потребления российскими матерями услуг по уходу за детьми и их развитию. Рассматривается трансформация семейной функции воспитания, социализации и развития детей. В настоящее время увеличивается число родителей, которые становятся потребителями платных семейных услуг. Соответственно, важно понять, как развивается этот рыночный сегмент, чем определяется выбор услуг среди потребителей и какие формы услуг пользуются наибольшей популярностью, а также определить степень удовлетворённости приобретёнными услугами. В данной статье анализ проводится на основе серии полустандартизированных интервью с российскими женщинами, имеющими детей дошкольного и школьного возраста. Респондентами выступали как работающие (по найму, самозанятые), так и неработающие женщины. Исследование проводилось в городском пространстве областного центра Нижний Новгород.

В ходе интервью выяснено, что основной набор услуг, которыми родители пользуются на платной основе, включает в себя услуги детских развивающих центров, платные дополнительные занятия в детском саду и школе, спортивные секции, танцы, рисование, иностранные языки; услуги по проведению детских праздников – аренда специализированных помещений, предоставление аниматоров, покупка тематической программы и праздничного угощения; услуги няней (на постоянной основе или по требованию), психологов и тренеров по воспитанию детей.

В результате авторы приходят к выводу, что современная городская семья стремится разделить ответственность (делегировать полномочия) за воспитание, уход и обучение своих детей с теми, кто выступают экспертами в этой области. Потребление услуг современными городскими семьями начинается раньше и длится дольше по мере взросления детей, оно не отличается большим разнообразием, но зависит от таких наиболее важных мотивов, как стремление соответствовать современным требованиям в воспитании и развитии детей, высвобождение времени для собственных нужд и потребностей родителей, забота о будущем ребёнка.

Ключевые слова: материнство, семейный функционал, платные услуги, рынок семейных услуг, доверие, развитие ребёнка, социализация, семейный уклад

Постиндустриальный семейный функционал и рост спроса на коммерческие услуги для детей

Основной идеей современного научного дискурса о семье является единодушное признание факта серьёзной трансформации семейного функционала, который продолжает меняться. Многие традиционные функции семьи, определённые социологами ранее [Голофаст 1974, Мацковский 1989, Гребенников 1991], либо утрачены, либо реализуются иначе. Увеличивается численность новорождённых вне зарегистрированного брака, родителями становятся во всё более позднем возрасте, растёт число бездетных семей, добровольно отказывающихся от рождения детей [Полутова, Жанбаз 2015], учащаются случаи обращения к суррогатному материнству и экстракорпоральному оплодотворению для преодоления бесплодия. Претерпевает изменения хозяйственно-бытовая функция. Наблюдается отход от традиционного распределения обязанностей по дому по гендерному признаку, когда женщине отводилась исключительно роль домохозяйки. Так, согласно исследованию жизненных моделей молодёжи в сфере близких отношений и их представлений о семье родителей, подавляющее большинство видят распределение обязанностей с эгалитарной позиции («выполнять какую-либо обязанность будет тот, у кого есть возможность и время» — 92%) [Москвичева и др. 2019].

Значительно трансформируется и воспитательная функция (социализация), которой уделяется особое внимание в данной статье. В старой традиции воспитание осуществлялось в большой многопоколенной семье, объединявшей несколько поколений родственников, один из кото-

рых выполнял роль главы. Исходной нормой воспитания в большинстве случаев являлась абсолютная родительская власть и авторитарность, а система наказаний и поощрений опиралась на традиции семьи и авторитет её главы, обычно отца. В современных семьях границы гендерных ролей размыты [Zinovieva et al. 2018], и дети воспитываются в однопоколенных семьях при непосредственном взаимодействии только с родителями, при этом воспитательное воздействие бабушек/дедушек оценивается по-разному и часто не играет значительной роли. Сам институт прародителей меняется, а также выявляются межпоколенческие расхождения между обыденными теориями воспитания [Поливанова 2016]. Среди прочих характеристик смены воспитательной функции отмечается факт, что дети для родителей часто становятся средством развития собственной личности, приобщения к сферам образования, моды, новых привычек поведения и потребления [Рябова 2014].

Изменение ценности детей в обществе, ориентация на разнообразные модели семьи и семейного поведения, приспособление уклада семьи к текущей реальности в совокупности формируют новый, постиндустриальный функционал современной семьи, в котором некоторые прежде укоренённые внутри семьи виды деятельности выводятся за пределы непосредственного семейного окружения и часто покупаются на рынке. К таким видам деятельности относится организация ухода, досуга и развития детей.

Современные родители ориентируются на развитие у детей востребованных в обществе социальных навыков, креативности, а также академических знаний. Одновременно родители стремятся включить своих детей в собственные представления о «нормальной жизни», в которой немаловажная роль отводится наращиванию уровня комфорта и разнообразных потребительских практик. Наличие новых ресурсов и технологий (бытовая техника, питание быстрого приготовления или вне дома, покупки онлайн, делегирование ухода за домом третьим лицам на коммерческой основе и пр.) перенаправляет семью не только в сферу личностного развития и самореализации, но также в зону поиска «статусных» смыслов своего существования и своих детей [Исупова 2014, Коренькова 2017]. В подобные смыслы в современном обществе включаются и требования по исполнению родительских функций. Так, подразумевается, что все повседневные действия родителей напрямую влияют на ребёнка; родительские практики — основная причина его успеха или неуспеха [Поливанова и др. 2015]. Закрепляются принципы «профессионализации родительства», при которых знание о правильном воспитании детей, передаваемое от одного поколения матерей другому, больше не является достаточным, родители признаются некомпетентными и должны обращаться за советами, рекомендациями и услугами к внешним экспертам [Сизова 2012; Чернова, Шпаковская 2016]. Многие из родителей принимают решения об использовании внесемейных услуг по дополнительному развитию ребёнка под воздействием примера других [Adriani, Sonderegger 2009]. Всё это постепенно формируется в «поле»

нормативного родительства, в котором усложняются правила и стандарты заботы родителей о детях, а доля участия различного рода экспертов стремительно увеличивается [Коренькова и др. 2019].

Возрастающий спрос на внесемейное потребление услуг (по воспитанию, развитию, социальной адаптации и самоопределению детей, организации досуга и питания семьи, решению многих бытовых задач) приводит к росту рынка институциональных поставщиков данных услуг: детских дошкольных учреждений, иных образовательных и развлекательных организаций, отдельных людей, для которых эта деятельность является профессией (воспитатели, педагоги, тренеры, профессиональные няни). В целом рост потребления услуг для детей является индикатором развития современного функционала семьи, но одновременно становится важным компонентом потребления взрослых членов семьи, характеризующим их стиль жизни.

Характеристика исследования и общие свойства потребления коммерческих услуг для детей современными городскими семьями

Фокусом внимания в авторском исследовании становится изучение качественными методами социологии потребления наиболее распространённых в современном городе коммерческих услуг для детей. Объектом исследования выступают матери, имеющие детей разного дошкольного и раннего школьного возраста, являющиеся потребителями платных услуг по уходу за детьми и их развитию. Выбор респондентов (только матерей, т. е. респонденток) обусловлен несколькими причинами. Во-первых, как показывают исследования [Сизова 2016], в региональных городах России всё ещё во многом именно мать определяет траектории развития своих детей, например, выбор школы. Во-вторых, изменение функционала семьи не всегда приводит к изменениям семейных ролей, т. е. мать, как и прежде, несёт основную ответственность за воспитание и развитие детей, иной вопрос – каким способом она это реализует. Также в данном исследовании был задан дополнительный вопрос женщинам, проживающим совместно с отцом общих детей, о степени вовлечённости мужа в процесс выбора дополнительных услуг по уходу и развитию ребёнка. В итоге все респондентки указали, что отцы вовлечены в процесс принятия решений, особенно если эти решения связаны с материальными расходами, но в каком месте и конкретно какими услугами воспользуется семья, определяет исключительно мать. Результаты исследования зарубежных социологов говорят о том, что мамы более восприимчивы к идеям раннего развития детей. Также именно на матерей возлагается ответственность за развитие и воспитание ребёнка [Wall 2004, 2010; Hays 1996].

В-третьих, современные исследования показывают, что увеличение неполных семей в России представляет собой рост материнских семей, т. е. дети, например, после развода родителей, намного чаще остаются

с матерью [Сизова, Егорова 2016]. Наличие или отсутствие работы у мамы, на наш взгляд, может существенно сместить акценты в потреблении услуг для детей. Оно становится зависимо от того, насколько она обладает двумя важными в данном контексте ресурсами: временем и денежными средствами. Поскольку опрос осуществлялся методом полустандартизированного интервью, то процедура отбора респондентов заключалась только в соответствии изначально заданным критериям: респондентка должна быть матерью детей дошкольного или школьного возраста, проживать в Нижнем Новгороде и пользоваться платными услугами для детей. Кроме того, важным было охватить три типа современных матерей: 1) неработающие мамы, состоящие на иждивении у партнёра (мужа), обеспечивающего потребности семьи (3 респондентки); 2) работающие женщины, являющиеся наёмными работниками (5); 3) женщины, которые имеют собственный бизнес (4). Итого, выборочная совокупность составила 12 респонденток¹, имеющих детей в возрасте от 2 до 14 лет, проживающих в крупном городском центре (Нижний Новгород). Общее время интервью составило 8 часов. Интервью проводились в период с декабря 2016 г. по февраль 2017 г. Транскрипции объёмом в 228855 слов содержательно анализировались.

Полученные данные оптимальны для оценки спектра потребляемых платных услуг для детей; мотивов, побудивших родителей воспользоваться данными услугами, а также удовлетворённости качеством услуг и их стоимостью. Важные вопросы, которые дискутируются в контексте социологии и экономики семьи (например, какую роль выполняют иные представители семьи; насколько распространено использование коммерческих услуг и др.), остались за рамками представленных результатов исследования.

Предпочтения различных респондентов в использовании платных услуг для детей оказались сходными, за исключением лишь некоторых отличий в бытовых условиях и социально экономических статусах. Для матерей детей-дошкольников важны услуги детских развивающих центров, платных дополнительных занятий в детском саду, а также спортивно-эстетическое развитие детей – спортивные секции, танцы, рисование, иностранные языки. Кроме того, они активно пользуются услугами по проведению детских праздников (предоставление аниматоров, тематических программ, праздничного угощения, пространства для проведения праздников) и услугами няней, психологов и тренеров по воспитанию детей. Мамы детей-школьников обращаются в специализированные школы и кружки. Особенностью потребления коммерческих услуг для детей этого возраста является обращение к репетиторам или помощникам по выполнению домашних заданий по школьным предметам. Сходство в потреблении коммерческих услуг для детей может свидетельствовать о разном. Например, данный сектор в регионах ещё находится в стадии развития, в результате набор и разнообразие пред-

¹ Выборочная совокупность является достаточной для изучения поставленной в исследовании цели.

лагаемых на рынке услуг ограничены. Однако из интервью следовало, что в выборе услуг важную роль играют нормативные представления родительниц о воспитании, развлечении и развитии детей, а также финансовая «доступность» самих услуг для потребителей. Поэтому родители часто выбирают наиболее известные услуги, копируют поведение других или следуют советам, рекомендациям (например, школьных педагогов), а также подбирают варианты, соответствующие их финансовым возможностям, желаниям и талантам ребёнка.

В ходе опроса были выявлены также некоторые способы и причины замещения неспецифических функций семьи коммерческими провайдерами. В современном обществе создаётся высокая «родительская» конкуренция, подкрепляемая специфической тревогой, возникающей среди них [Furedi 2001]. Желая соответствовать быстрорастущим требованиям жизни и общественному мнению, родители развивают своих детей всевозможными способами, чтобы те при поступлении в школу могли продемонстрировать продвинутое академическое навыки – чтение, письмо, счёт, английский язык, а также имели портфолио, отражающее все их навыки, знания и достижения (например, игру в шахматы, наличие спортивных наград, занятия танцами и пр.): *«Он ходит на шахматы, самбо, плавание, в бэби-клуб. Занимается подготовкой к школе. Ой, ещё он куда-то ходит, но я уже не помню даже. Куда он ещё ходит (обращаясь к мужу)? А! Ещё на фасттрек, такое развивающее занятие, где узнают о разном: ... географии, экономике. Время от времени футбол и английский. Он очень любит такие развивающие занятия... Ну да, мы хотим его развить разносторонне. Потому что сейчас это очень важно»* (мама мальчика 6,5 лет).

В восприятии родителей продолжает существовать деление на условно элитные и неэлитные школы, что в большой степени определяется результатами ЕГЭ и поступлением выпускников в престижные вузы [Филипова, Высоцкая 2019]. Тревожность родителей усугубляет борьбу за место в лучших школах и повышает мотивацию в поиске наиболее эффективных путей привития навыков, требуемых для поступления в первый класс: *«Для родителей будущих первоклассников конец января–начало февраля – особо нервный период. Ведь именно в это время у определившихся и самых настойчивых родителей есть шанс записать любимого ребёнка в «ту самую» школу. У 186 школы в центре Нижнего Новгорода очередь начала выстраиваться ещё в ночь на пятницу, 28 января. И это при том, что приём документов начинался только утром в воскресенье»* («Комсомольская правда» за 2 февраля 2017 г.); *«Так рано начали заниматься, чтобы ребёнок был <готов>, ... сейчас очень высок «порог входа» в любые школы, уже с первого класса у ребёнка требуют знаний, навыков, которых в наше время не требовали, т. е. когда мы шли, по крайней мере, я шла в школу, у нас пятьдесят процентов, даже больше, не умели читать... Это было нормально... Сейчас любая школа требует, чтобы первоклассник умел читать и писать. Я понимаю, насколько это тяжело, учитывая физиологию ребёнка, в пять-шесть лет научиться писать, читать качественно»* (мама девочки 4,5 лет, научный сотрудник).

Раннее развитие ребёнка с помощью внешних платных экспертов является также следствием осознания стремительного увеличения темпов жизни и активного использования разнообразных возможностей. Как взрослый, так и маленький человек призваны формировать индивидуальный проект, активно использовать жизненное время и пространство. Поэтому родители склонны ограничивать и направлять даже свободное время своих детей таким образом, чтобы они уже на ранних этапах развития сформировали определённые вкусы и привычки: *«Чтобы ребёнку быть успешным в будущем, ему нужно суметь нарастить темп: получить знания, обработать их, развить навыки, которые требуются современному человеку... Хотелось, чтобы ребёнок ушёл от понятия «отдых», а также «телевизор» или некий «гаджет» и так далее...»* (мама девочки 3,5 года, работающая по найму).

Ещё одним мотивом является распространённое желание экстернализации ответственности за взросление и воспитание детей сообществу профессионалов. Это сообщество довольно широко представлено: сюда можно включить учителей школ, нянь, имеющих педагогические дипломы, психологов, работников детских центров, спортивных тренеров и пр.: *«...Считаю, каждым делом должен заниматься профессионал; к сожалению, определённые ошибки в детстве были совершены и нашими родителями, что привело к неким негативным последствиям в будущем...»* (мама девочки 4,5 лет, научный сотрудник). Данный ответ демонстрирует недовольство респондентки ошибками родительского воспитания в её собственном детстве и желание оградить своего ребёнка от вмешательства со стороны прауродителей.

В социологии материнства описаны некоторые типы женщин-матерей, пользующихся коммерческими услугами для воспитания детей. Во-первых, встречаются женщины, совмещающие материнство с полной рабочей занятостью [Поливанова 2015]. Они стремятся к высвобождению личного времени, которое можно потратить на профессиональную деятельность или на отдых, разнообразный досуг. Во-вторых, есть женщины, стремящиеся к сетевому взаимодействию с другими мамами, находящимися в сходной ситуации. Как правило, это женщины с маленькими детьми, неработающие, ищущие общения и информации о воспитании детей. В-третьих, – женщины, придающие значение социализации и адаптации ребёнка в обществе. Они стремятся обеспечить ему «правильное» (продвинутое) развитие при помощи профессионального подхода. Женщинам всех групп свойственна обеспокоенность по поводу здоровья и развития детей, на основании чего они уделяют особое внимание организации досуга ребёнка, исключая чрезмерное пользование современными электронными устройствами, телевизором и интернетом, и, наоборот, вовлекающее их в активные занятия. В действительности женщины-матери имеют смешанные мотивы, они могут меняться в определённых обстоятельствах или на разных этапах взросления детей. Неизменным в их поведенческих паттернах остаётся всё более возрастающая потребность в услугах профессионалов, которая

подкрепляется новым взглядом на родительство как на «работу, которую необходимо выполнять под бдительным взглядом экспертов» [Lee et al. 2014].

Поскольку потребности и предпочтения быстро меняются, а новые предложения на рынке появляются быстро, процесс воспитания иногда превращается в погоню «за модой», усиливаются чувства беспокойства что-то пропустить или не успеть, «недодать» своему ребёнку. Этим пользуются провайдеры коммерческих услуг и даже общественные институты, которые, наряду с бесплатными, всё чаще создают коммерческие предложения, выходящие за сферу их компетенций. Школы и детские сады также предлагают родителям дополнительные платные занятия, которые получили широкую популярность у матерей дошкольников. Родителей привлекает то, что они исходят от государственных структур, которым родители в большей степени доверяют, а также удобство, желание поберечь детей от лишних передвижений при уже имеющихся нагрузках. Некоторые родители стремятся снизить уровень стресса у детей, предложить общаться в привычном коллективе. Кроме того, оплата дополнительных занятий при государственных детских учреждениях является ещё одним доказательством «лояльности» родителей, которые в ответ ждут для своего ребёнка определённых привилегий. Наконец, предлагаемые государством коммерческие услуги относительно ниже по цене, чем полностью рыночные: *«... Год назад дочь ходила в платные секции при садике. Мы ходили на гимнастику и на танцы. Это стоило какие-то смешные деньги, 300 рублей в месяц за секцию. Поэтому мы ходили и туда, и туда»* (мама девочки 4,5 лет, владелица переводческого агентства).

Виды услуг для детей и характеристика их потребления

1. **Детские развивающие центры.** Выбор детского развивающего центра продиктован желанием родителей социализировать ребёнка через общение в социальной группе, каковой для него является группа детей соответствующего возраста. Данные центры варьируются по размеру, набору предлагаемых услуг, структуре (сетевая или моно), наличию или отсутствию лицензий на образовательную деятельность, продолжительности занятий [Коренькова 2017]. Некоторые мамы пользуются услугами центров, расположенных близко к дому, другие же собирают информацию о наиболее качественных или востребованных центрах. Самыми простыми мотивами обращения в любой или близко расположенный к дому центр становится скука, одиночество или пример подруг, которые уже водят туда своих детей: *«Я просто знаю мам, у которых ни во дворе никого нет, ни подруг, я понимаю, почему они туда ходят, ... потому что им нужно общение»* (неработающая мать 4-летней девочки); *«Пошла туда оттого, что уже тоскливо в четырёх стенах было»* (мама девочки 4,5 лет, владелица переводческого агентства).

В случае произвольного выбора детского развивающего центра мамы получают ограниченный набор услуг, которые к тому же часто не рассчитаны на любую аудиторию потребителей (высокоспециализованные). Возможно, специалисты применяют методики, о которых сами имеют мало представления. Кроме того, подобные услуги зачастую дороги и неадекватны. Респондентка (владелица переводческого агентства) отмечает, что посещение занятий в удобно расположенном центре не принесло удовлетворения. Несмотря на довольно высокий социально экономический статус мамы, данная услуга представляется дорогой и не стоящей запрашиваемых денег: *«Мы ходили только месяц, и потом я поняла, что это не стоит того. ... Это маленькая комната, очень классные преподаватели, которые любят детишек. Но, по сути, мы с детьми занимались сами, мы должны были помогать педагогам. То есть мы занимались тем, чем можно было бы, если не лениться, заниматься дома. А стоило это 4 тысячи в месяц. Если помножить на год, то в общем-то можно было целую путёвку на море в шикарный отель купить».*

Более сложные мотивы предполагают отбор детских учреждений. Мама, работающая в вузе, считает, что важны центры, которые действуют на законных основаниях и предоставляют ряд льгот: *«...первое – есть лицензия, значит, есть система, утверждённые Роспотребнадзором методики; второе – экономический аспект, возвращение тринадцати процентов от уплаченной суммы; третье – постоянные тренинги для педагогов»* (мама девочки 4,5 лет, научный сотрудник).

Таких центров в Нижнем Новгороде немного. Они укомплектованы, открывают свои подразделения в разных районах, но всё равно не могут охватить всех желающих. Наличие лицензии мамы считают важным фактором при выборе центра, так как государство контролирует деятельность (лицензированный центр должен утверждать методики и программы в Министерстве образования). Детям прививаются системные знания, и родители это прекрасно осознают: *«...чтобы была система, и чтобы мы могли понимать, что сейчас мы создали пласт знаний, на него уже наслаивается другой, следующий навык»* (мама девочки 4,5 лет, научный сотрудник).

К тому же три работающие мамы считают важными проверки со стороны Роспотребнадзора, гигиеническое состояние помещений, программы развития детей. Матери, выбирающие лицензированные детские развивающие центры, в большей степени удовлетворены их работой. Они отмечают, что получили желаемые результаты в развитии детей. Услуги также оцениваются родителями как дорогостоящие, но при этом они готовы их оплачивать: *«...занятие получается в среднем по 750–850 рублей – дорого, около дома можно найти в два раза дешевле, но я всегда боюсь в этом возрасте навредить, исправлять будет дороже»* (работающая мама девочки 3,5 лет).

Требования к качеству услуг, предоставляемых детскими центрами, не случайны, поскольку они связаны с дальними планами родителей в отношении социализации и развития своих детей. Мама надеются,

что впоследствии ребёнок сможет посещать школу с усложнённой программой или просто успешно учиться. Даже если возникает отрицательный опыт интеракции с развивающим центром, респондентки отмечают необходимость дошкольных образовательных мероприятий для своих детей: *«Через год надо будет отдавать уже на какие-то курсы при школе. Я сначала думала, что это всё «пугалки-страшилки», но сказали, что сейчас действительно нужно как минимум за год до поступления отдавать ребёнка в пришкольные развивающие кружки»* (мама девочки 4,5 лет, владелица переводческого агентства).

2. Дополнительные занятия в детских садах. Стало уже «общим правилом», что школы и детские сады в обязательном порядке предлагают родителям так называемые «дополнительные услуги» наряду с осуществлением присмотра и ухода, согласно стандартной образовательной программе по ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт). Отчасти такая деятельность продиктована давлением со стороны государства, стремящегося снизить издержки на социализацию детей и переложить часть расходов на родителей. Судя по наполненности групп платных дополнительных занятий в детских садах, они получили широкую популярность среди матерей дошкольников: *«Вообще ... я хотела в этом году уже начать какие-то образовательные дополнительные занятия в разных развивающих центрах, но подумала, что раз садик предлагает практически то же самое в течение её (дочки) «рабочего дня», то это ... удобнее. Чем из садика в пять-шесть вечера куда-то бежать-торопиться, а здесь всё в такой упрощённой форме. Поэтому я подумала, что это будет оптимальный вариант для первого года, ... она не так сильно будет перегружаться»* (неработающая мама девочки 4,2 года).

Некоторые родители стремятся поощрить социализацию, снижение уровня стресса у детей, продолжение общения в привычном коллективе, проведение времени с друзьями. *«Часть детей остаются в группе, остальных, кто заплатил за гимнастику, забирают заниматься Мы тоже взяли гимнастику, потому что <дочь> переживала очень сильно, что подружки ходят из группы, а она остаётся одна сидеть»* (мама девочки 4,5 лет, владелица переводческого агентства).

При понимании родителями «формального» подхода и простоты предложенных садиками платных занятий и мероприятий, все мамы единодушно признают безусловную пользу таких занятий: *«...там смешное количество времени занимаются, что-то типа 20 минут. Поэтому без напряжения, а радости куча»* (мама девочки 4,5 года). Родителям предоставляется также возможность выбора довольно широкого спектра занятий. Для матерей это способ определить наклонности своего ребёнка: *«... цель такая была: во-первых, это удобно; во-вторых, мы записались на большое количество секций, практически на все, которые садик предлагает, с той целью, чтобы посмотреть, к чему у неё <дочери> есть желание и на чём остановиться. С таким прицелом, чтобы в следующем году то или иное направление развивать уже более активно»* (мама девочки 4,2 года).

Ещё одна причина, которая оказалась важной практически для всех респонденток, независимо от их социально-экономического статуса – это относительно невысокая стоимость дополнительных платных занятий, предлагаемых в садике. В целом данные услуги выбираются вследствие благоприятного соотношения цены и качества: *«... так как мы хотим попробовать много, это в садике гораздо дешевле, чем если бы мы ходили на отдельные секции где-то»* (неработающая мама девочки 4 года); *«...мы ещё в садике столкнулись с дополнительными образовательными услугами, они тоже были платными, но носили исключительно символический характер»* (мама мальчика 8 лет, работающая по найму).

Отзывы пользователей платными дополнительными занятиями в детском саду говорят о сложившейся интегративной стратегии в развитии ребёнка за счёт разнообразия, удобства и дешевизны данных услуг, а также об их популярности.

3. Спортивные занятия. Ещё одним коммерческим предложением для детей являются частные спортивные занятия. Респонденты отмечали, что они водят детей на спортивные площадки и нанимают индивидуальных тренеров. Родители ставили своей целью оздоровление ребёнка – сбросить лишний вес, закалить, укрепить иммунитет. *«...Фигурное катание – потому что мы болели. Нужно было выбирать какой-то укрепляющий, такой зимний вид спорта. У нас платные занятия с тренером в РИО»* (мама девочки 4 года, каток в торговом центре «РИО»).

Современные мамы не воспринимают полноту своих детей с прежним умилением, как временное состояние, которое позже пройдёт, когда ребёнок «израстётся». Здесь мы также наблюдаем встраивание взрослого мира в детскую жизнь – в настоящее время успешность включает и фактор приятного внешнего вида, параметры которого существуют даже для детей самого младшего возраста: *«Дело в том, что у меня очень крупный ребёнок родился, и, собственно говоря, я сама всю жизнь борюсь с лишним весом; и вот эти перетяжки и складочки ... у моего ребёнка меня очень напрягали в плане того, что она у меня действительно до года была очень пухленькая, ... и я решила, что надо ребёнка приучать к спорту. Это решение было уже после года. Мы пошли в частный бассейн, четыре занятия в месяц за три тысячи рублей»* (работающая мама девочки 3,5 лет).

Практически все мамы, чьи дети занимаются спортом, отмечают высокую стоимость этих услуг, а также выражают недовольство работой детских тренеров, жёсткий стиль общения с детьми. Возможно, сложившаяся ситуация складывается из-за отсутствия конкуренции на рынке этих услуг, так как респонденты отмечали трудности в поиске «хорошего тренера» и времени, которое он мог бы уделить их ребёнку.

4. Проведение детских праздников. Ещё одним видом коммерческих услуг является наём аниматоров и помещений для проведения праздников. Все респондентки без исключения пользуются услугами аниматора и арендуют помещения для проведения детских праздников,

чтобы порадовать ребёнка и занять гостей силами платного специалиста. Среди причин, по которым мамы обращаются к этим услугам, особо выделяется желание разгрузить себя и сэкономить силы. Если приходится выбирать, что важнее экономить – деньги или затраты усилий, то они предпочитают скорее второе. Кроме того, родители оказываются своего рода заложниками знакомства своих детей с опытом проведения подобных мероприятий у их друзей: *«...Она была уже на нескольких Днях рождения, где были аниматоры, ей это очень понравилось, и она уже осознанно к четырём годам говорила, что ей бы тоже хотелось»* (неработающая мама девочки 4,2 года); *«У нашей дочки летом День рождения. Обычно он в форме пикника проходит на природе для друзей и их родителей, и вот в этом году мы позвали аниматора. Она была в полнейшем восторге от конкретно этого аниматора. До сих пор просит именно его позвать...»* (мама девочки 4,5 года, владелица переводческого агентства).

Однако проведение семейных праздников вне дома с участием профессионалов обусловлено не только желанием освободиться от готовки и уборки или повторить успешный опыт знакомых. За счёт развития предложений на рынке некогда интимный и домашний праздник становится демонстрацией возможностей родителей или даже формой внешней презентации своих детей. Дни рождения становятся внешне организованными и управляемыми событиями, начиная с первого года жизни ребёнка: *«...Как-то сейчас не принято приглашать людей домой, приняты сюжетно-ролевые вечеринки, проводимые вне дома»* (работающая мама мальчика 8 лет).

Мамы отмечают, что практически все друзья и знакомые перестали приглашать сверстников к себе домой для празднования Дня рождения. Возможно, это становится проявлением феномена современной городской изолированности [Bauman 2010], когда нежелание сближения с «незнакомцами» объясняется их массовостью, что «превосходит возможности человеческого восприятия и памяти» [Bauman 2008]. Проведение детских праздников постепенно «обрастает» новыми формами и маркерами. Часто оно проходит в специально украшенном для этого случая арендованном помещении, зоопарке или кафе; праздник становится тематическим, например, в стиле пиратской вечеринки, бала для принцесс, квеста и т. д. Значимым становится большое количество приглашённых и время, строго отведённое для того или иного мероприятия, чёткое отделение детей от родителей (деление поколений) во время мероприятия.

Почти все опрошенные матери выразили удовлетворение данными услугами, хотя они стоят недёшево: *«Это дорого. То есть надо понимать, что к этому действительно надо готовиться»*; *«Получилось дорого, но удобно для всех»*; *«Я промониторила рынок, аниматор это 2,5 тыс. за 1,5 часа, средняя цена по рынку»*; *«Я осталась довольна. То, что хотела, я получила. Нареканий у меня особо не было. Но у нас получилось дорого»*.

5. Услуги нянь и агентств по их подбору. Потребность в услугах по уходу за детьми отчасти удовлетворяется формальными институтами, но не редко родители обращаются в частные агентства. Основными причинами обращения к услугам нянь становится необходимость или желание работать, но не оставлять ребёнка одного дома; потребность в решении каких-то дел вне дома или отпуск. Поскольку такие услуги на легальном рынке являются дорогостоящими, то квалификация нянь подвергается строгой оценке. Отношения с родителями, нанимающими няню своему ребёнку, выстраиваются по принципу трудовых отношений: «работодатель – наёмный работник». Конечно, при невысоких доходах или возможности найти няню через знакомых, друзей или родственников, родители прибегают к помощи проходящих женщин и без специального образования и знаний, не оформляют с ними трудовой договор. Можно сказать, что в агентства обращаются только те мамы, для которых важны статусные вопросы (таких меньшинство), желающие получить качественные услуги как в обеспечении безопасности своего ребёнка, так и в профессиональном уходе.

Исследование показало, что прежде чем нанять домашний персонал, большинство современных мам собирают информацию по данному вопросу из специализированной литературы, интернет-источников, а также разного рода семинаров, вебинаров и консультаций со специалистами. Их отзывы о работе агентств по найму домашнего персонала и няней соотносятся с теми знаниями, которые они сформировали, и, как следствие, современная женщина – жительница мегаполиса, прибегающая к услугам няни, требовательна к поставщику данных услуг. Агентства учитывают данный факт и соответствующим образом позиционируют свои услуги, хотя зачастую это оказывается всего лишь рекламой: *«Агентство заявляет о том, что оно делает психологический портрет няни, подбирает её именно под семью, в которой она будет работать... После интервью с родителями и знакомства с ребёнком, работают над тем, чтобы была совместимость, обучают няню... <Однако> я могу охарактеризовать няню как неудовлетворительную, потому что по факту оказалось, что они у неё даже не проверили паспорт»* (мама мальчика 6,5 лет, владелица рекламного агентства).

Другие мамы отметили, что интервьюировали потенциальных нянь сами. Многие также остаются недовольны услугами агентств из-за несоответствия запроса родителей и действий няни: *«Наше требование – чтобы ребёнок был под присмотром, накормлен и уход был должный в наше отсутствие, чтобы безопасность была у ребёнка, а няня хотела развивать и растить гения»* (неработающая мама девочки 4,2 года).

Некоторые мамы высказали предположение, что анонсирование развивающих занятий со стороны няни, наряду с бытовым уходом и помощью ребёнку, были попыткой поднять себе зарплату. Нередко в кандидатах на должность нянь не нравилась угадываемая в их речи гиперопека. Однако часто встречается и обратная ситуация, когда мамы озабочены

недостатком внимания к ребёнку. Взрослеющему ребёнку больше нужны няни сопровождения, которые отводят его в школу или кружки, ждут и возвращают домой. В настоящее время такую услугу предоставляют даже социальные службы. Тем не менее родители часто опасаются и не доверяют приходящим няням: *«Я пока не готова. Для того, чтобы я им доверяла, мне нужно съездить в офис, поговорить с директором, посмотреть на персонал, который работает. А вот просто так довериться я не готова»* (мама мальчика 6,5 лет, владелица рекламного агентства).

6. Услуги репетиторов. Матери школьников отметили востребованность дополнительных занятий по общеобразовательным предметам школьной программы (услуги репетитора). Повышение требования к получению знаний, нехватка или низкая квалификация учителей в школах, ведущая к снижению общего уровня образования, смена методик обучения и форм контроля знаний, переход на новые учебники требуют компенсаторных навыков, предоставляемых репетиторами [Балакина 2012]. Самыми востребованными респонденты называли репетиторов по математике и английскому языку: *«...Ребёнок не математик, с точными науками сложности, ... тяжёлая программа, сложная»* (работающая мама девочки 12 лет). *«Английский – наша жизнь, без него никуда»* (работающая мама мальчика 12 лет).

Кроме того, родители нанимают репетиторов из-за загруженности на работе, отсутствия собственных знаний, желания лучше подготовить ребёнка к экзаменам. Пользующиеся услугами репетиторов отметили, что определение компетентности платного учителя – длительный процесс. Тем не менее опрошенные мамы отслеживают ситуацию и при необходимости меняют репетиторов, если они *«не достигли заданного уровня ...»* (работающая мама девочки 12 лет).

7. Услуги психологов. Мотивы обращения родителей к услугам психологов разнообразны. В частности, некоторые матери, посещающие психологические тренинги по воспитанию детей, объясняют свои желания следующим образом: *«...Это важно, так как там обучают родителей быть родителями»* (неработающая мама девочки 4,2 года); *«...Мне важно научиться правильно обращаться с моим ребёнком»* (мама девочки 4,5 лет, научный сотрудник); *«...Хотелось бы не допустить ошибки в воспитании»* (работающая мама девочки 3,5 лет).

Иногда родители считают необходимым получить консультацию психолога для самого ребёнка, т. к. часто не владеют достаточными навыками воспитания или боятся проявить инициативу: *«...Ребёнку нужно понять, почему происходит то или иное действие, почему его наказали, почему это произошло. Самое важное – не оставить вакуума недопонимания»* (работающая мама девочки 3,5 лет).

Использующие психологическое консультирование отмечают важность и нужность данной услуги. Если ранее консультации с психологом имели негативную коннотацию, были признаком семейной проблемы, то сейчас родители осознают, что это часть жизни и способ эффективного воспитания. Более того, в рассуждениях активных участниц слы-

шится критика в адрес тех, кто таких услуг избегает. При этом большинство расценивают консультации как достаточно дорогие, «но стоящие своих денег» (работающая мама девочки 3,5 лет).

Заключение

Изучение потребления коммерческих услуг для детей позволяет сделать вывод об их закреплении в частном социоэкономическом пространстве современных городских семей. Выбор и потребление таких услуг во многом зависит от возраста ребёнка, территориальной доступности для родителей (например, при школах или детских садах) и стоимости самих услуг. Качество предоставляемых услуг имеет значение для потребителей, однако это не всегда очевидно. Так, распространённые в настоящее время платные развивающие занятия в детских центрах представляют собой некую сложную конфигурацию между престижным потреблением, принятием новых способов развития ребёнка и ретроспекции взрослого образа жизни. Невысокого качества платные занятия в детских садах являются в большей степени средством разгрузки родителей, а также способом определить наклонности ребёнка за относительно небольшие деньги.

Передача части неспецифических семейных функций внешним платным экспертам продиктована требованиями времени. Родители, использующие коммерческие услуги, стремятся получить конкурентное преимущество в развитии своих детей. В этом случае возможна «цепная реакция»: если родители начали пользоваться такого рода коммерческими услугами, они вовлекаются в этот рынок и интересуются предложениями в разнообразных контекстах – досуге, воспитании и обучении ребёнка. В итоге формируется специфическая траектория взросления ребёнка с набором (само)требований в лучшем времяпрепровождении, лучшем образовании (лучшей школы), в лучших достижениях.

Другой вариант реализуется родителями, которые стремятся за счёт коммерческих услуг «довести» ребёнка до уровня развития сверстников из непосредственного окружения. Наконец, обращение к платным специалистам является способом высвобождения родителями (матерями) времени для собственных нужд. В данном случае возможны разные цели. Одной из важнейших является потребность в необходимости преодоления конфликта между занятостью, материнством и эмансипацией. Здесь становится необходимо использование услуг нянь. Между родителями и внешними помощницами формируются своеобразные отношения, в которых наряду с требованиями по качеству услуг большую роль играет доверие и компетентность самой няни. К услугам по домашнему уходу за детьми родительницы относятся чрезвычайно серьёзно не только из-за высокой стоимости, но и в силу того, что посторонний человек рассматривается как «член семьи», способный на время заменить ребёнку мать.

Среди современных женщин-матерей заметно желание передачи части ответственности за воспитание и развитие ребёнка сообществу профессионалов. Частично такое поведение стимулируется притоком информации и «наказами» специалистов, окружающих детей. Врачи, учителя, воспитатели, психологи выдвигают требования по уходу и воспитанию детей, с которыми сами родители часто не в силах справиться. Поскольку одной из проблем становится рост стоимости коммерческих услуг такого рода, то семьи, принимающие решение об их использовании, заинтересованы в получении реального результата, который, однако, не гарантирован родителям. В связи с этим вопрос, не совершают ли они ошибку в выборе услуг, остаётся открытым. Поэтому многие родители всё же больше доверяют государственным учреждениям, другие ориентируются исключительно на платные услуги коммерческих организаций.

Наконец, пользование некоторыми платными услугами для детей является формой самопрезентации семьи. Особенно это связано с услугами в области проведения досуга, организации спорта и отдыха. Пользование подобными услугами должно свидетельствовать об успешности самой семьи, её возможностях, что транслируется во внешнее, прежде всего «взрослое» окружение семьи. В таком окружении среди пользователей коммерческих услуг формируются нужные связи и отношения, как правило – среди родителей со сходными желаниями и возможностями в направлении развития и воспитания детей.

Библиографический список

Балакина Т. П. 2012. Экономика репетиторства: мотивы, стимулы, модели // Экономика образования. № 2. С. 115–121.

Бауман З. 2008. Город страхов, город надежд // Логос. № 3. С. 24–53.

Голофаст В. Б. 1974. Функции семьи // Семья и личность. М. С. 57–68.

Гребенников И. В. 1991. Основы семейной жизни. М.: Просвещение. 158 с.

Исупова О. Г. 2014. Ты же Мать: неизбежный героизм и неизбежная вина материнства // Полит.ру. 2 февраля. URL: <http://polit.ru/article/2014/02/01/isoupova/> (Дата посещения: 25.04.2019).

Коренькова М. М. 2017. Современные тенденции развития рынка семейных услуг. Анализ русского и зарубежного опыта // Вестник Института социологии. № 21. С. 52–70. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.454>.

Коренькова М. М., Самылина Д. А., Трундова О. С. 2019. Коммерциализация семейных функций: между спросом и предложением // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 11. № 20. С. 114–132. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.6>.

Мацковский М. С. 1989. Социология семьи: проблемы методологии и методики. М.: Наука. 116 с.

Москвичева Н. Л., Реан А. А., Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В. 2019. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями. // Психологическая наука и образование. Т. 24. № 3. С. 5–18.

Поливанова К. Н., Вопилова И. Е., Козьмина Я. Я., Нисская А. К., Сивак Е. В. 2015. Самоэффективность как содержательная основа образовательных программ для родителей // Вопросы образования. № 4. С. 184–200.

Поливанова К. Н. 2016. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. Т. 5. № 2. С. 5–10.

Поливанова К. Н. 2015. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. Т. 7. № 2. С. 1–11.

Полутова М. А., Жанбаз О. О. 2015. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма // Вестник ЗабГУ. № 1 (116).

Рябова В. В. 2014. Трансформация функций семьи современном российском обществе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 3 (17). С. 106–112.

Сизова И. Л. 2012. «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. № 1 (60). С. 86–103.

Сизова И. Л. 2016. Социокультурные факторы эскалации насилия в российской школе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (132). С. 185–192.

Сизова И. Л., Егорова Н. Ю. 2016. Насилие в школе и проблемы семьи // Социологические исследования. № 3. С. 128–131.

Филипова А. Г., Высоцкая А. В. 2019. Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора // Вестник Института социологии. Т. 10. № 4. С. 150–163. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_31/Filipova,Vysotskaya.pdf (Дата посещения: 24.04.2020). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610

Чернова Ж., Шпаковская Л. 2016. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 4. С. 521–534.

Adriani F., Sonderegger S. 2009. Why do parents socialize their children to behave pro-socially? An information-based theory // MPRA. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/16107> (Дата посещения: 24.04.2019).

Bauman Z. 2010. Europe of Strangers. Oxford University Transnational Communities working paper. URL: <http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/bauman.pdf> (Дата посещения: 25.04.2019).

Furedi F. 2001. Paranoid Parenting. London: Allen Lane.

Hays S. 1996. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. Yale University Press. 272 p.

Lee E., Bristow J., Faircloth C., Macvarish J. 2014. *Parenting Culture Studies*. London: Palgrave Macmillan.

Wall G. 2004. 'Is Your Child's Brain Potential Maximized? Mothering in an Age of New Brain Research.' *Atlantis*. № 28 (2). P. 41–50.

Wall G. 2010. 'Mothers' Experiences with Intensive Parenting and Brain Development Discourse.' *Women's Studies International Forum*. № 33 (3). P. 253–63.

Zinovieva E. V., Kazantseva T. V., Pleshkova A. N., Kostromina S. N. 2018. The quality of paternal relationship in modern Russia. *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences: International Conference Early Childhood Care and Education*. Vol. XLIII. №. 33. P. 248–256.

Статья поступила 21.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Коренькова Марианна Максимовна, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652

Modern Urban Families' New Consumer Practices in Childcare and Parenting

Irina L. Sizova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: sizovai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5656-0670

Marianna M. Korenkova

National Research University Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia

E-mail: mkorenkova@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-1611-6708

For citation: Sizova I. L., Korenkova M. M. Modern urban families' new consumer practices in childcare and parenting. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 174–193. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.652

Abstract. The aim of the study presented in this article is to determine the characteristics of Russian mothers seeking care and education services for their children. This work examines the transformation of the traditional family function of raising, socializing and educating children. Currently we are witnessing an increase in the number of parents who resort to paid family services. Therefore it is important to understand the evolution of this market segment, what defines consumers' choice of services and which types of services are the most popular, while also assessing customer satisfaction with the services they acquired. Analysis is conducted based on a series of semi-structured interviews with Russian women who have children of preschool or school age. Respondents included both working (be it on hire or self-employed) and unemployed women. Research was conducted within Nizhniy Novgorod city limits.

While conducting the interviews, it was discovered that the basic selection of paid services which parents acquire includes services offered by children's development centers, paid additional lessons at kindergarten or school, sports clubs, dance, art and foreign language lessons; children's parties – renting dedicated facilities, hiring clowns, purchasing thematic programs and holiday treats; hiring babysitters (either on a regular basis or on demand), psychologists and parenting coaches.

The authors reached the conclusion that modern urban families tend to split their responsibility (delegate authority) for raising, caring for and educating their children with those who have expertise in this field. Consumption of services by urban families starts earlier and continues for a longer period of time – in line with their children maturing – there's not too much diversity, but consumption does depend on such important motives as the desire to satisfy today's requirements for raising and developing children, parents freeing up spare time for their own needs, taking care of the child's future.

Keywords: maternity, family functional, paid services, the market of family services, trust, child development, socialization, family life

References

Adriani F., Sonderegger S. Why do Parents Socialize Their Children to Behave Pro-socially? An Information-based Theory. Munich Personal RePEc Archive, 2009; July 8. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/16107> [accessed 24.04.2020].

Balakina T.P. The economy of private tutoring. *Economika obrazovaniya = Education economics*, 2012: 2: 115–121 (In Russ.).

Bauman Z. The city of fears, the city of hopes. *Logos*, 2008: 3: 24–53 (In Russ.).

Bauman Z. Europe of Strangers. Oxford University Transnational Communities working paper. Oxford (UK), 2010. Available at: <http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/bauman.pdf> [accessed 25.04.2019].

Chernova Zh., Shpakovskaya L. Professionalization of Parenting: between Expert and Casual Knowledge. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2016: 14: 4: 521–534 (In Russ.).

Filipova, A., Vysotskaya, A.V. Educational inequality in Russian schools: the influence of territorial factor. *Vestnik instituta sotziologii = Institute of Sociology Bulletin*, 2019: 10: 4: 150–163. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.610 (In Russ.).

Furedi F. *Paranoid Parenting*. London: Allen Lane, 2001.

Golofast V.B. Functions of Family. *Family and Personality*. Moscow, 1974: 57–68 (In Russ.).

Grebennikov I.V. The foundations of family life. Moscow: Prosveschenie, 1991. 158 p. (In Russ.).

Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, Yale University Press, 1996: 272.

Isupova O.G. You are mom: Inevitable Heroism and Unavoidable Guilt of Maternity. *Polit.ru – the Website*, 2014. Available at: <http://polit.ru/article/2014/02/01/isouпова> [accessed 25.04.2020].

Korenkova M.M. Modern tendencies for the development of the family services market. Analyzing Russian and foreign practices. *Vestnik instituta sotziologii = Institute of Sociology Bulletin*, 2017: 21: 52–70 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2017.21.2.454>

Korenkova M., Samylina D., Trundova O. Commercialization of family functions: between supply and demand. *Interaktsiya. Interviju. Interpretatsiya. = Interaction. Interview. Interpretation*, 2019: 11: 20: 114–132 (In Russ.). DOI: 10.19181/inter.2019.20.6

Lee E., Bristow J., Faircloth C., Macvarish J. *Parenting Culture Studies*. London, Palgrave Macmillan, 2014.

Matskovskiy M. *Sociology of Family: Problems of Methodology and Methods*. Moscow, 1989: 116. (In Russ.).

Moskvicheva N.L., Rean A.A., Kostromina S.N., Grishina N.V., Zinov'eva E.V. Life Models of Young People: Some Ideas About the Future Family and the Model Broadcast by Parents. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychology and Education*, 2019: 24: 3: 5–18 (In Russ.).

Polivanova K.N. Contemporary Parenthood as a Subject of Study. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychology and Education*, 2015: 7: 2: 1–11 (In Russ.).

Polivanova K.N., Vopilova I.E. and oth. Self-efficiency as meaningful base for educational programs for parents. *Voprosy obrazovaniya = Education issues*, 2015: 4: 184–200 (In Russ.).

Polivanova K.N. Childhood in the changing world. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016: 5 (2): 5–10 (In Russ.).

Polutova M.A., Zhanbaz O.O. Value and motivation attitudes of the “Childfree” communities. *Vestnik ZabGU = Zabaykalsky State University Bulletin*, 2015: 1: 116: 89–101 (In Russ.).

Ryabova V.V. Transformation of family functions in modern society. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of Socio-Economic Development of Siberia*, 2014: 17: 106–112 (In Russ.).

Sizova I.L. “The New Fatherhood” in the Context of the Family Policy Traditions and Innovations in Europe. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2012: 60 (1): 86–103 (In Russ.).

Sizova I.L. Social-cultural factors of violence escalation in Russian school. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnyie peremeny = Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change*, 2016: 2 (132): 185–192 (In Russ.).

Sizova I.L., Egorova N.Y. Violence in school and family problems. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2016: 3: 128–131 (In Russ.).

Wall G. Is Your Child’s Brain Potential Maximized? Mothering in an Age of New Brain Research. *Atlantis*, 2004: 28 (2): 41–50.

Wall G. Mothers’ Experiences with Intensive Parenting and Brain Development Discourse. *Women’s Studies International Forum*, 2010: 33 (3): 253–63.

Zinovieva E.V., Kazantseva T.V., Pleshkova A.N., Kostromina S.N. The quality of paternal relationship in modern Russia. *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences: International Conference Early Childhood Care and Education*, 2018: XLIII: 33: 248–256.

The article was submitted on: April 21.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sizova Irina Leonidovna, Doctor of Sociological Science, Professor of the Department of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Korenkova Marianna Maximovna, Senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, the Department of Literature and Cross-Cultural Communication, Senior Teacher, Nizhniy Novgorod, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Стратегическое партнёрство: к характеристике актуального политического феномена

Ссылка для цитирования: Андреев А. Л. Стратегическое партнёрство: к характеристике актуального политического феномена // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 194–210. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

For citation: Andreev A. L. Strategic partnership: characterizing an important political phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 194–210. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Андреев Андрей Леонидович

Национальный исследовательский ядерный университет «МЭИ»,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

sympathy_06@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [72609](#)

Аннотация. Предмет статьи – феномен стратегического партнёрства, понимаемого как особая форма геополитического и геоэкономического взаимодействия, которое, по мнению автора, в обозримой перспективе может стать базовым элементом архитектуры современного глобального мира. Дается общая характеристика теоретической разработки данной проблематики, в связи с чем отмечается отсутствие чётких определений стратегического партнёрства, а также критериев, позволяющих разделить научное понимание термина и его чисто декларативное употребление в политических дискурсах. Автор настаивает на том, что каждое конкретное стратегическое партнёрство формируется и поддерживается на основе уникального сочетания способствующих этому факторов, вследствие чего изучение такого рода процессов требует использования адекватных этому индивидуализирующих (идеографических) методов. В качестве примера предлагается анализ одного из наиболее показательных примеров такого рода – генезис и развитие отношений стратегического партнёрства между Россией и Индией. В статье рассматривается зарождение между двумя странами «особых отношений», которые уходят своими корнями вглубь истории, анализируется специфический профиль этих отношений в период британского владычества, рассматривается процесс возникновения контактов между интеллектуальными кругами. Значительное внимание уделяется конвертированию этих отношений в двустороннее политическое сотрудничество после провозглашения независимости Индии, а также динамике этого сотрудничества. На основании российско-индийского опыта формулируются некоторые общие условия формирования стратегических партнёрств. В ходе анализа перспектив дальнейшего развития стратегического партнёрства Российской Федерации и Индии автор рассматривает геополитическое значение треугольника Москва – Дели – Пекин и заложенный в нём потенциал превращения Евразии в интегрированную инфраструктурными и природоохранными мегапроектами пространственную целостность.

Ключевые слова: геополитика, политическое пространство, международное сотрудничество, стратегическое партнёрство, российско-индийские отношения, Евразия

Кажется, что современный глобальный мир находится в состоянии «сверхтехучести». Или, если угодно, деконструкции, за которой, по-видимому, последует новая «сборка». Но, хотя отдельные геополитические и геоэкономические тенденции, из которых складывается многоуровневый и многосторонний процесс глобальной трансформации, можно заметить без особого труда, нельзя сказать, что мы до конца понимаем его общий вектор и можем описать, каким предстанет перед нами глобальный мир хотя бы в среднесрочной перспективе. Неясен, в частности, вопрос о том, как будет меняться в этом контексте пространственная модель мировой политики. Многие согласны с выводом о постепенном отмирании (или, по крайней мере, реструктурировании) так называемой Вестфальской системы, логика которой, начиная с XVII в. и вплоть до наших дней, определяла «схему дискретности» мирового политического пространства. Более или менее ясно, что строение глобальной экономики с её трансграничными технологическими цепочками, миграциями и финансовыми потоками объективно требует укрупнения «пазлов», составляющих геополитическую карту мира, равно как и усиления её внутренней связанности [Ханна 2019]. Однако, с другой стороны, технологические цепочки и русла экономических обменов периодически перестраиваются, причём в некоторых случаях и по внеэкономическим причинам, а это вызывает новое дробление, казалось бы, уже сложившихся геополитических конфигураций и перегруппировку их элементов (самое наглядное подтверждение этому – отношения между Российской федерацией и Украиной, а также между Великобританией и ЕС).

Так что же может получиться в ходе столь сложного взаимодействия геополитических, геоэкономических и этнокультурных притяжений и отталкиваний? По поводу характеристики «укрупнённых» территориальных целостностей, которые могут формироваться (и формируются) в современном глобальном мире, высказывались различные предположения. Будут ли они больше всего напоминать воплощённые в пространстве панидеи К. Хаусхофера или «месторазвития» евразийцев, территориально-культурные целостности (цивилизации) С. Хантингтона или геоэкономические зоны А. И. Неклессы, мир-системы И. Валлерстайна или зоны притяжения коннектографических узлов П. Ханна. Каждая из этих точек зрения, несомненно, опирается на реальные наблюдения, фиксирующие определённые социально-исторические тенденции. Чаще всего в подобных аналитических рассуждениях на первый план выдвигаются консолидирующие силы пространственной агглютинации, в то время как противоположно направленные силы не привлекают такого внимания, а их значения недооцениваются (особенно часто в такой недооценке упрекали Хантингтона, но в той или иной степени она присуща и другим теоретикам). Однако ни одна из тенденций, влияющих на формирование пространственной схематики современного мира, сама по себе не является ни универсальной, ни всеохватывающей. Соответственно, те «субъединства», на которые геополитический анализ сегментирует наш мир, должны обладать боль-

шей волатильностью, гетерогенностью и, если можно так выразиться, «незакреплённостью», чем, например, понятия цивилизации или мир-системы, в которых заложена изрядная мера инертности, порой исключая формирование ситуативных интегративных образований, а также одновременную принадлежность к различным «связностям».

Нам представляется, что свойством необходимой гибкости обладает такая получающая в последнее время всё более широкое распространение форма геополитического и геоэкономического взаимодействия, как *стратегическое партнёрство*. Весьма вероятно, что в условиях формирующейся многополярности именно она станет базовым типом геополитического и геоэкономического сопряжения государств. Можно представить себе архитектуру глобального мира XXI в. как совокупность частично пересекающихся друг с другом стратегических партнёрств. Но, хотя в текущей литературе по международным отношениям события и факты, относящиеся к практике их выстраивания, освещаются и комментируются достаточно подробно, в теоретическом плане природа стратегических партнёрств ещё по существу не осмыслена. Дело пока ограничивается лишь формальным перечислением признаков, позволяющих отличать эту форму от международных взаимодействий иных уровней [Жеглова 2014]. При этом до сих пор отсутствуют чёткие критерии, позволяющие разделить научное понимание термина от его чисто декларативного употребления в политических дискурсах. Понятие становится почти безбрежным, а его применение очень субъективным [Ренар 2011]. Возможно, трудности возникают как раз из-за присущих таким образованиям специфических свойств – подвижности, волатильности, способности гибко регулировать интенсивность и номенклатуру внешних связей: ведь такого рода «флуктуирующие» объекты обычно не поддаются однозначному соотнесению с разного рода фиксированными «идеальными типами», на основе которого социальные науки чаще всего формулируют соответствующие обобщения. Мы полагаем, что, зафиксировав феномен *реального* стратегического партнёрства как специфический объект политической теории, надо одновременно признать, что для его изучения требуется особый индивидуализирующий подход нацеленных на изучение совершенно конкретных, а часто уникальных историко-политических контекстов и обстоятельств. Причём одно и то же сочетание факторов, способствующих политическому сближению, в одном контексте реально «срабатывает», приводит к формированию стратегического партнёрства, а в других может к нему и не привести.

Попробуем провести такой анализ, ограничившись лишь одним случаем совершенно бесспорного, и в какой-то мере даже эталонного, стратегического партнёрства – отношениями между Россией и Индией. Чтобы понять, какие факторы (в особенности долговременные) создавали для него необходимую почву – если можно так выразиться, контекст сближения – необходимо, на наш взгляд, взять за точку отсчёта нашего case study достаточно отдалённое время, когда эти отношения ещё только начинали складываться, формируя традицию взаимного вос-

приятия и связывая её с исторической памятью каждого народа. Уместно напомнить в этой связи о фольклорных и полуфольклорных образах Индии – «страны чудес», и о «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, и о попытках Великих Моголов установить дипломатические отношения с Москвой, и о процветающих индийских торговых диаспорах в русских городах XVII–XVIII вв., и о широких замыслах Петра I, который стремился «прорубить окно» не только в Европу, но и в Индию (одной из задач посланной им в Центральную Азию экспедиции А. Бековича-Черкасского как раз и была разведка путей к Индостану). Вспомним и полузабытую фигуру Г. С. Лебедева – даровитого музыканта второй половины XVIII в., попытавшегося соединить индийскую мелодику с европейской и создавшего в Индии первый национальный театр европейского типа.

Симптоматично, что зарождавшееся в России XIX в. общественное мнение, как бы вопреки доминировавшему в нём европоцентризму, с самого начала характеризовалось симпатией и сочувствием к индийцам в их противостоянии чужеземному господству. Если официальная британская печать пыталась представить национальные движения индийцев как борьбу варварства против цивилизации, то русские были склонны считать их протестом против специфически «английского способа приложения цивилизации к Индии» [Добролюбов 1963]. Ярким выражением этих настроений стала знаменитая картина В. В. Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами», на которой изображён расстрел восставших индусов, привязанных к жерлам английских орудий.

Однако надо отметить, что Индия интересовала российские интеллектуальные круги отнюдь не только как предмет сочувствия или, допустим, академических исследований. Её образы вплетались в весьма специфические идеологические контексты, играя существенную роль в переосмыслении российской идентичности и поиске новых, свободных от узкого европоцентризма, цивилизационных ориентиров. В этой связи можно говорить о своего рода протоевразийстве, одной из составляющих которого была критика буржуазной цивилизации Запада и противопоставление этой цивилизации духовного величия и нравственной высоты народов Индии. На эмоциональном уровне возникало ощущение внутреннего родства русской и индийской культур, которое, впрочем, подкреплялось и рационально, в том числе историко-филологическими исследованиями, показывавшими родство русского языка и санскрита.

В эпоху британского владычества развитие торгово-экономических, и тем более политических, контактов России с Индией было затруднено. Петербург долгое время даже не мог получить от Лондона разрешение на открытие в стране русских консульств. Но и в этих условиях русско-индийские взаимодействия не «заглохли», а лишь сдвинулись в культурную и научно-образовательную сферу. На почве изучения санскрита и других языков Индостана, буддийской и индуистской философии и культуры, памятников истории и фольклора формировалась традиция российско-индийского научного сотрудничества.

Индийское восстание 1857–1858 гг., перипетии которого широко освещались в российской печати, дало толчок к формированию в России довольно широкого круга литераторов, художников, общественных деятелей, учёных, журналистов, увлечённых индийской тематикой. По сути дела, это один из образцов сетевой интеллектуальной структуры, функционирование которой со временем приобретало и определённое политическое измерение, в которое участники этого круга общения входили в разном качестве: кто-то как политический философ, кто-то как пророк и моралист, кто-то как консультант или стратег, лоббирующий продвижение определённой линии внешней политики. Одной из самых смелых, но при этом и самых утопических идей среди созревших в этом кругу общения, была идея создания в будущем федерации России, Индии и Китая, принадлежавшая учёному-ориенталисту, публицисту и дипломату князю Э. Э. Ухтомскому, который в силу близости к Николаю II играл определённую роль в формировании российской восточной политики [Стрижак, Колесников 2014: 379].

Самой значительной и яркой фигурой среди русских «индофилов», несомненно, был Л. Н. Толстой, который, как известно, очень серьёзно занимался индийской культурой, знал веды, «Махабхарату» и «Рамаюну», изучал философские учения Шанкары, Рамакришны Парамаханса, Свами Вивекананды. Этические принципы, которые писатель почерпнул в индийской культуре, во многом послужили основанием для его нравственно-религиозных представлений. В свою очередь произведения Л. Н. Толстого, в которых нашли своё выражение эти представления, были созвучны настроениям многих индийцев. В 1908 г. в своём знаменитом «Письме к индусу», представляющем собой развёрнутый ответ на обращение индийского политического активиста Таракната Даса, «яснополянский старец» доказывал, что путь к освобождению страны лежит не через организацию насильственного сопротивления, а через ненасилие и вместе с тем отказ участвовать в деятельности колониальной администрации, платить налоги, служить в колониальной армии и полиции. Такой подход у многих вызывал недоумение, но он произвёл исключительно сильное впечатление на адвоката Мохандаса Ганди, который под влиянием Толстого стал применять идею непротivления злу насилем в реальной политической борьбе. В своих письмах в Ясную Поляну будущий национальный лидер Индии рассказывал, как воспринимают эту идею индийцы, и как она работает на практике. В дальнейшем Ганди развил и детализировал сформулированную Толстым идею непротivления злу насилем в своём учении о *сатьяграхе* и придал принципу ненасильственного сопротивления поистине геополитический масштаб. Авторитет Толстого как художника и мыслителя немало способствовал укреплению духовной связи между русским и индийским обществами. Однако были и другие, содействовавшие этому, медитативные фигуры. Это, в частности, хорошо известная как Толстому, так и Ганди основательница теософского движения Е. П. Блаватская, а позднее – семья Рерихов. Традиционная симпатия россиян к индийцам в полной мере сохранилась

и после революции 1917 г., но при этом в свете идеологических установок советской власти эта симпатия приобретала новые оттенки и новую интерпретацию, когда на первый план выдвигался анализ положения Индии в свете разработанной Лениным теории империализма.

Весной 1947 г., за несколько месяцев до торжественной церемонии официального провозглашения независимости Индии, было принято решение об установлении между Индией и СССР дипломатических отношений на уровне посольств. Обе стороны воспринимали это как важное событие, в связи с чем хотелось бы особо отметить очень высокий уровень дипломатических представителей Индии в Москве. Так, первым послом Индии в СССР стала сестра премьер-министра Дж. Неру В. Л. Пандит, а её преемник С. Радхакришнан был всемирно известным учёным, впоследствии (1962) избранным на высший государственный пост Президента Республики.

Тем не менее, отношения между СССР и только что получившей независимость Индией поначалу складывались непросто. Нельзя не признать, что одной из главных причин этого была неизжитая привычка руководителей советской внешней политики к чересчур прямолинейным идеологическим схемам. И. В. Сталин вначале с предубеждением относился к многовекторной внешней политике Индии и, в частности, к тому, что страна оставалась членом Британского содружества, а многие важные должности в индийской армии и государственном аппарате некоторое время продолжали занимать англичане. Впрочем, и политические элиты Индии не были свободны от опасений в отношении СССР, подозревая его в экспансионистских замыслах. Между Москвой и Дели обозначились существенные разногласия по поводу условий прекращения войны в Корее. Однако премьер-министру Дж. Неру и послу С. Радхакришнану удалось найти убедительные аргументы, позволившие установить атмосферу доверия и убедить советское руководство в искреннем миролюбии Индии и решимости строить реально независимое государство. В то же время советской стороне удалось развеять опасения индийцев в том, что Москва будет стремиться навязать их стране какую-то определённую социальную или политическую модель. Важным фактором, скорректировавшим политическую линию Неру, стало разочарование в политике Запада, и прежде всего США, отказавших индийскому премьеру в поддержке по ряду чувствительных для него вопросов, прежде всего по проблеме Кашмира, где сталкивались интересы Индии, Пакистана и КНР. В результате, начиная с 1950 г., позиции сторон по многим вопросам международной жизни начинают сближаться. Показательно, что Сталин, который в последние годы жизни не принимал никаких иностранных послов, кроме бывших союзников по антигитлеровской коалиции, сделал исключение только для индийских представителей [Черешнева 2016].

Однако решающий момент в наметившемся сближении наступил несколькими годами позже, уже после смерти Сталина. Точкой отсчёта нового этапа двусторонних отношений стал 1955 г., когда Советский Союз и Индия впервые обменялись государственными визитами на высшем уровне. С этого времени СССР стал оказывать молодой республике

значительную помощь в создании современной индустрии и укреплении обороноспособности, что позволило значительно укрепить экономическую и технологическую основу её независимости. При этом Советский Союз без проблем поддерживал крупные системообразующие проекты в базовых отраслях экономики – металлургии, нефтехимии, металлообработки, энергетики (включая впоследствии и атомную), по поводу которых было трудно договориться с западными партнёрами. На начало 1980-х гг. предприятия, построенные на основе советско-индийского сотрудничества, давали 38% произведённых в Индии стали и проката, 78% металлургического оборудования, 20% алюминия, 35% добычи и 40% переработки нефти и т. д. [Юрлов и др. 2010: 628].

Начиная со второй половины 1950-х гг. между СССР и Индией устанавливаются интенсивные и разносторонние культурные контакты. При этом интерес к индийской культуре выходит за рамки узкого круга специалистов и приобретает массовый характер. Многие люди, в основном в больших городах, начинают заниматься йогой; возникает увлечение индийскими танцами; интеллектуалы задумываются над опытом индийской философии (в 1956–57 гг. выходит русский перевод двухтомной «Истории индийской философии» С. Радхакришнана). Надо отметить и интерес определённой части образованной городской молодёжи к индуистской религиозной мистике; влиятельные индийские религиозные течения (самое крупное – Общество сознания Кришны и др.) находят своих последователей и в СССР. Надо сказать, что увлечение Востоком было вообще одним из направлений поиска альтернативных господствующей коммунистической идеологии форм духовности, и индуизм занял в этом направлении одно из центральных мест. Можно указать в этой связи на отличие индийских влияний от увлечения другими странами Востока – например, Японией и японским искусством, для которого были характерны не столько мистические настроения, сколько чисто эстетическая созерцательность.

Совершенно особое место в советской массовой культуре заняло индийское кино. Многие индийские фильмы не только собирали в советских кинотеатрах полные залы, но и становились культовыми: скажем, вышедший на советский экран фильм Р. Капура «Бродяга» посмотрели почти 64 млн человек – третий результат в списке иностранных фильмов, когда-либо демонстрировавшихся в СССР. [Кино Индии, 1988; Rajagopalan, 2008]. Разумеется, индийское кино невозможно обвинить в идеологической нелояльности, как это делали, например, в отношении кришнаитов, которые даже подверглись некоторым репрессиям (весьма, впрочем, ограниченным). Вместе с тем популярность индийских мелодрам всё же носила несколько эскапистский характер и, в сущности, также была своего рода сублимированной формой ухода от советской действительности в какую-то иную эмоционально преображённую реальность. Возможно, есть основания говорить в этой связи об особом – условно говоря, «индийском» – пласте позднесоветской культуры, который пока ещё не стал предметом специального социологического исследования, но вполне заслуживает этого.

СССР взамен экспортировал в Индию рациональную просветительскую культуру, технические знания, и, разумеется, был одним из источников довольно сильного марксистского влияния. Хотя в конечном итоге клонящийся к упадку советский марксизм здесь «по очкам» проиграл маоизму, интерес к советской интеллектуальной культуре в кругах левой индийской интеллигенции сохранялся, в чём автор настоящей статьи имел возможность убедиться лично. Хорошо известно, что в наших вузах была налажена подготовка кадров для Индии. За четверть века интенсивного сотрудничества из их стен было выпущено около 120 тыс. индийских специалистов, многие из которых стали на родине носителями просоветских и пророссийских симпатий. В то же время оказывалось содействие развитию инженерного образования и в самой Индии. Так, в 1958 г. советской стороной было предоставлено в дар оборудование для только что основанного Индийского технологического института в Бомбее; сюда же для работы периодически направлялись специалисты из ведущих советских научно-образовательных центров.

Советский Союз поразительно быстро превратился и в крупнейшего торгового партнёра Индии, уступая по объёму товарооборота только США. Здесь, однако, надо учитывать не только объёмы и ценовые показатели. Не менее, а может быть и более важно то, что с начала 1960 гг. СССР становится ведущим партнёром Индии в области военно-технического сотрудничества и обеспечения безопасности. И, видимо, именно это стало придавать прогрессирующим российско-индийским отношениям особый – стратегический – характер. Дели и Москва координировали свои действия, оказывая друг другу поддержку на международной арене. Обе страны обычно одинаково голосовали в ООН и других международных организациях по вопросам поддержания мира и деколонизации, обе выступили за превращение Индийского океана в зону мира и т. д. В ряде случаев Советский Союз оказывал Индии существенное содействие в разрешении острых конфликтов с соседями. В августе 1971 г. между СССР и Индией был заключён Договор о дружбе, мире и сотрудничестве, позволивший создать основания и механизмы для политической поддержки Индии во время развязанной милитаристскими кругами Пакистана очередной индо-пакистанской войны. СССР заблокировал в Совете безопасности ООН принятие резолюций, имевших анти индийскую направленность, а когда для оказания давления на Индию в Бенгальский залив была направлена группа американских кораблей во главе с авианосцем «Энтерпрайз», появление там же советской эскадры заставило их отказаться от вмешательства и лечь на обратный курс.

Уже в 1960–80-е гг. российско-индийские отношения по сути дела представляли собой не что иное, как стратегическое партнёрство; другой вопрос, что в то время это называлось иначе, а сам термин «стратегическое партнёрство» ещё не был введён в обращение. Но, несмотря на столь тесные контакты, взаимная поддержка двух стран отнюдь не имела императивного характера. Обе стороны в полной мере сохраняли самостоятельность оценок, решений и действий. В ответ на подавление

антикоммунистического восстания в Венгрии в 1956 г. и ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. из Дели звучали слова предостережения и осуждения. Но, в отличие от государств, которые вели против Советского Союза «холодную войну», Индия во всех подобных вопросах проявляла осмотрительность и не стремилась использовать соответствующие события как предлог для раздувания громких антисоветских кампаний. Например, Индия была в числе воздержавшихся при голосовании осуждающей действия Советского Союза в Афганистане резолюции Генеральной ассамблеи ООН. Разумеется, и Москва не во всём поддерживала Дели. В частности, руководствуясь принципами нераспространения, она осудила проведённые Индией в 1974 г. первые испытания ядерного оружия. Однако это осуждение также было довольно сдержанным.

Последние два–три десятилетия существования СССР были «золотым веком» взаимной дружбы, нередко принимавшей даже какие-то сентиментальные оттенки. Но во второй половине 1980-х гг. в двусторонних отношениях ситуация стала меняться. Объективно это проявилось в резком ослаблении экономических связей. Объём двусторонней торговли менее чем за десятилетие упал практически на порядок (с 10 млрд долл. в 1986 г. до примерно 1 млрд в 1993) [Галищева 2019: 62]. Создавалось впечатление, что отношения двух стран и народов, если рассматривать их в целом, стали утрачивать свою былую эмоциональную окрашенность. Между тем российское общество в конце 1980-х и начале 1990-х гг. было слишком занято внутренними проблемами, чтобы уделить этому достаточное внимание. К тому же оно переживало сильнейшее увлечение Западом. Проводившиеся в те годы социологические опросы показывают, что россияне в целом воспринимали западный мир значительно позитивнее, чем страны Востока, хотя среди них Индия всё же оставалась бесспорным фаворитом (наряду с Японией), значительно обгоняя в этом отношении все другие незападные страны и не так уж много уступая, к примеру, Германии (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Чувства и ассоциации, которые вызывают у россиян различные страны, 1995 г., %*
Feelings and associations that various countries evoke in Russian people, 1995, %

Страна	Вызывает положительные чувства	Вызывает отрицательные чувства	Затруднились ответить
Франция	78,9	3,0	18,1
США	77,6	9,0	13,4
Великобритания	76,6	4,2	19,2
Япония	68,5	9,2	22,3
Индия	59,4	4,8	35,8
Китай	41,2	21,1	37,7
Ирак	21,7	34,7	43,6

*Источник: [Россия на рубеже..., 2000: 40].

В начале 1990-х гг. Россия вступила в трудный и весьма опасный период внутренней турбулентности, в ходе которой её вес в международных делах значительно снизился. И в этот критический момент пусть даже ослабевшие, но всё же сохранявшиеся связи с Индией, в особенности в сфере военно-технического сотрудничества, сильно нам помогли. Это был жизненно важный ресурс, обеспечивший выживание некоторых высокотехнологичных отраслей российской промышленности, в особенности связанных с обороной и безопасностью.

Надо сказать, что и в постсоветский период правительства обеих стран достаточно ясно сознавали значение российско-индийских отношений, и их нельзя упрекнуть в том, что они пустили развитие понижающих тенденций на самотёк. В январе 1993 г. был заключён Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Индией, однако он носил довольно общий характер и делал акцент преимущественно на гуманитарных вопросах. Добиться решающего позитивного перелома в двустороннем сотрудничестве удалось после того, как в 2000 г. только что ставший Президентом Российской Федерации В. В. Путин и премьер-министр Республики Индия А. Б. Ваджпай подписали документ (совместную Декларацию), в котором российско-индийские отношения впервые терминологически определены как стратегическое партнёрство. И в этой связи в нём были конкретно обозначены стратегические области сотрудничества: информатика, экологически чистые технологии, океанология, медицина и биотехнологии, использование атомной энергии и космического пространства в мирных целях и ряд др. За подписанием Декларации последовало создание механизма специализированных двусторонних взаимодействий, который в настоящее время включает в себя ряд межправительственных комиссий и рабочих групп, российско-индийский форум по торговле и инвестициям, российско-индийский комитет высокого уровня по научно-техническому сотрудничеству (2017 г.) и др. Характерной чертой российско-индийских отношений стала высокая интенсивность контактов на высшем уровне: с 2000 г. только официальные государственные визиты глав государств и правительств Российской Федерации в Индию и Индии в Россию происходили практически ежегодно. При этом в 2010 г. политический статус российско-индийских отношений был повышен до уровня *особо привилегированного стратегического партнёрства*.

Объёмы российско-индийской торговли в последнее время растут весьма быстрыми темпами и ныне приближаются к уровню середины 1980-х гг. Ставится согласованная задача в течение 5–6 лет довести их до 30 млрд долл. Но, отметим: это значительно меньше, чем текущий товарооборот Российской Федерации и таких стран, как Германия (почти 60 млрд долл.) или Китай (свыше 100 млрд долл.), не говоря уже о товарообороте Индии с Америкой (свыше 140 млрд долл.), да и тем же Китаем (порядка 85 млрд долл.). Всё ещё не слишком велика заинтересованность как индийского, так и российского бизнеса во взаимной кооперации, что надо рассматривать как серьёзную проблему, которую

необходимо специально исследовать, и которая, скорее всего, имеет несколько возможных объяснений. С точки зрения социологии и социальной психологии, причиной может быть недостаточная совместимость российской и индийской бизнес-культур, равно как и недостаточная взаимная информированность. Общий эффект от совокупного действия такого рода причин – недостаточные объёмы взаимных инвестиций, которые в целом пока ещё не соответствуют потенциальным возможностям, хотя некоторые инвестиционные предложения надо признать весьма интересными и обнадёживающими (например, это касается инициативы премьер-министра Н. Модипо предоставлении кредитной линии на 1 млрд долл. на развитие российского Дальнего Востока).

Надо, однако, учитывать, что важны не только количественные показатели, но и *качество сотрудничества*, характер партнёрских отношений, формирующиеся на основе этих отношений взаимные ожидания, формы общения, уровень доверия и, разумеется, перспективы. В этой связи надо прежде всего отметить тесное взаимодействие двух стран на таком критически важном для их будущего направлении, как создание высокотехнологичных инновационных экономик. Реализуется Программа по сотрудничеству в области фундаментальной науки, а также уникальная по масштабу и многогранности Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества. На территории обеих стран-партнёров созданы и функционируют несколько совместных научно-исследовательских центров, а также российско-индийский центр, занимающийся вопросами продвижения и коммерциализации новых технологий. Ныне российско-индийское сотрудничество охватывает практически все самые перспективные направления научно-технического прогресса в XXI в.: освоение космоса и создание навигационных спутниковых систем, авиастроение, ядерная энергетика, робототехника, создание новых материалов, высокопроизводительные вычисления, медицина и биотехнологии, и др.

Важным следствием привилегированных партнёрских отношений между Россией и Индией является сотрудничество в формировании новых геоэкономических конфигураций, соответствующих концепции многополярного глобального мира. В результате происходит расширение сферы экономических интересов и экономического влияния Индии на север, а России на юг, причём обе эти сферы частично накладываются друг на друга, образуя сложную пространственную структуру с элементами взаимного проникновения. Представляется, что в будущем такая пространственная структура могла бы стать ядром (своего рода «хартлендом») новой мировой экономики, основанной на эффективном использовании знаний. В этом контексте надо отметить разрабатываемые ныне планы запуска совместных проектов по разведке и освоению нефтегазовых месторождений на арктическом шельфе России, взаимное приобретение долей в капитале нефтегазовых компаний, проработку проекта газопровода Иран – Пакистан – Индия, а также проекта международного транспортного коридора «Север – Юг», призванного соединить

побережье Балтийского моря с Индией (через Иран)¹. Характеризуя отношения Индии и России как стран, совместно формирующих новую геэкономическую модель мира, надо особо отметить их общие усилия по расширению расчётов в национальных валютах и, соответственно, по уменьшению зависимости национальных экономик от доллара и других факторов внешнего давления. В этой связи надо особо отметить отказ Индии поддержать западную политику санкций в отношении России, хотя это существенно осложнило положение индийских банков в их взаимоотношениях с американскими и находящимися под сильным влиянием США международными финансовыми институтами.

Начавшийся на рубеже XX и XXI столетий новый этап сближения России и Индии нашел своё отражение и в оживлении культурных связей, а также академических контактов. Создана российско-индийская сеть университетов, координаторами которой являются Томский университет и Индийский технологический институт в Бомбее (Мумбаи). В сентябре 2018 г. после 30-летнего перерыва в Кремлёвском дворце съездов был торжественно открыт фестиваль Индии в России, а одновременно с этим в Индии проводились Дни российской культуры. Показательно, что для удовлетворения зрительского спроса на продукцию индийских кинематографистов и более глубокое знакомство с индийской культурой на российском телевидении имеются целых три специализированных телеканала – больше, чем для популяризации любого другого зарубежного кинематографа.

Тем не менее в сфере гуманитарных отношений между Россией и Индией использованы далеко не все возможности, из-за чего плотность контактов между российским и индийским социумами всё ещё остаётся недостаточной. Показательна асимметричность туристических потоков: численность россиян, посещающих Индию с ознакомительными целями и для отдыха, более чем в 3 раза превышает количество таких же поездок из Индии в Россию. По этому показателю Индия существенно уступает целому ряду других стран Европы и Азии (например, туристическому потоку из Китая в Россию) примерно в 20 раз². Недостаточно высокая интенсивность человеческих контактов, по-видимому, является одной из причин того, что, несмотря на успешное развитие межгосударственного сотрудничества, уровень симпатий к Индии в российском обществе практически не возрастает по крайней мере с середины 1990-х гг. Правда, надо отметить и другое: если в середине 1990-х этот уровень был на 10–20 процентных пунктов ниже, чем у США и ведущих стран Западной

¹ Посольство Российской Федерации в Республике Индии. URL: <https://india.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (Дата посещения: 18.05.2020).

² Федеральное агентство по туризму РФ. Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с Официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdnykh-turistskikh-poezdok/> (Дата посещения: 18.05.2020).

Европы, то в последнее время за счёт падения привлекательности Запада для россиян Индия по данному показателю сравнялась или даже оказалась впереди большинства из них [Двадцать лет реформ... 2011: 204–205]. В 2011 г. симпатии к Индии выражали 59% опрошенных россиян, антипатии – примерно 10%. Индийцы же относятся к россиянам чуть прохладнее: среди них позитивные ассоциации с Россией проявляются у 43%, а отрицательные у 9% опрошенных [Pew Research Centre 2017]. Практически такие же значения индикаторов симпатии и антипатии отмечены у индийских респондентов и по отношению к США. Таким образом, индийское общество в настоящее время является столько же «пророссийским», сколько и «проамериканским».

Рассмотренный нами пример стратегического партнёрства показывает, что данный тип отношений опирается на серьёзные материальные интересы. Но при этом мера заинтересованности определяется не абстрактно, а конкретно, преимущественно в контексте обмена имеющими приоритетное значение незаменимыми ресурсами. Иначе говоря, речь идёт не просто о «цифрах как таковых», но и о качественном наполнении соответствующих показателей. Обе страны не являются друг для друга самыми крупными экономическими партнёрами. Но Россия готова предоставлять другой стороне некоторые виды высокотехнологичной продукции и технологии, от которых критическим образом зависит её безопасность и жизнеобеспечение (военная техника, атомная энергетика, космос и др.). Индия же может рассчитывать на получение в данном партнёрстве необходимых инвестиций, которые можно применять для развития экономики страны. В то же время стратегическое партнёрство *обязательно* включает в себя не только материальное, но и духовное измерение. Стратегическое партнёрство с одной страной не исключает партнёрских отношений с другими, причём отношения партнёров между собой могут быть отнюдь не дружественными (что отличает партнёрство от многосторонних политических союзов). Стратегические партнёры могут принадлежать к типологически разным цивилизациям; но при этом необходим двусторонний диалог в духовной сфере, в понимании смыслов и ценностей, который сам по себе становится частью их собственной идентичности. Необходимым условием отношений стратегического партнёрства является сопряжение социально-исторических целей сторон, сходное понимание того, в каком направлении должно идти мировое развитие, как в идеале должен выглядеть мир будущего. Важны также долговременность, надёжность, значительная степень доверительности. Каждый из партнёров должен быть уверен в устойчивой лояльности другой стороны, исключающей какие-либо резкие «зигзаги» политического курса. Исходя из этого и опираясь на проведённое нами case study, можно утверждать, что стратегические партнёрства не возникают с нуля, а опираются на длительные традиции позитивного взаимодействия (в нашем случае уходящие вглубь веков). Стратегическое партнёрство предполагает также и то, что партнёры склонны оказывать взаимную поддержку в сложных и неоднозначных ситуациях; в том числе

они «прикрывают» друг друга от нападков со стороны других участников международных отношений, хотя делают это не безоговорочно и в определённых пределах.

Развитие российско-индийского стратегического партнёрства в XXI в. надо рассматривать не само по себе, а в контексте мировой динамики, обусловленной смещением эпицентра мирового развития с Запада на Восток. Этот не быстрый, но уже отчётливо обозначившийся процесс проявляется в возникновении соответствующих его внутренней логике экономических связей, транснациональных производственных цепочек и коллабораций, на основе которых возникают новые запросы, интересы, а вслед за ними и новые внешнеполитические стратегии. На наших глазах происходит стремительный подъём новых центров силы и влияния, что позволяет с достаточной уверенностью говорить о формировании многополярной модели глобального мира. Как в итоге выстроится геометрия конституирующих его связей и взаимодействий, сегодня в точности не ответит никто. Однако понятно, что и Россия, и Индия являются не только важными элементами этого мира, но и его архитекторами и строителями. Ещё в 1998 г. Е. М. Примаков выдвинул идею стратегического треугольника Москва – Дели – Пекин, в котором он видел опорную конструкцию будущей плюралистической мир-системы. Надо сказать, что эта идея в то время была встречена прохладно и даже настороженно – как по причине тогдашнего весьма неопределённого геополитического и геоэкономического статуса самой России, так и в силу наличия серьёзных противоречий между Индией и Китаем. Стороны по понятным причинам избегали принятия обязывающих решений, сохраняя свободу рук для реализации альтернативных внешнеполитических комбинаций. И тем не менее объективный ход событий на международной арене, общая приверженность принципам национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств, неприятие попыток использовать политтехнологии внешнего манипулирования (в том числе посредством таких инструментов, как «цветные революции», поддержка сепаратистских движений и т. п.) волей-неволей подталкивали ко всё более обстоятельному обсуждению очень широкого спектра направлений сотрудничества трёх ведущих государств Евразии. Вначале оно ограничивалось рамками экспертного сообщества, но впоследствии вышло и на уровень трёхсторонних переговоров руководителей внешнеполитических ведомств, а затем и глав государств.

Отношения России, Индии и Китая как стратегических партнёров не получили какого-то особого институционального оформления, дающего статус международно-правовой субъектности, какой обладают, к примеру, ЕС, СНГ или, допустим, АСЕАН. Однако все три страны имеют возможность ситуативно использовать и реально используют для взаимодействия институциональные каналы некоторых более широких международных организаций, в особенности ШОС, в работу которой, наряду с Россией и КНР, вовлечены почти все основные страны, образующие геополитическое и геоэкономическое окружение Индии. В перспективе

же стратегическое российско-индийское сотрудничество может превратить Евразию в интегрированную инфраструктурными и природоохранными мегапроектами пространственную целостность, где ведут диалог христианская, исламская, буддийская, конфуцианская и индийская культурные традиции, открытые для всего остального мира [Моханти, Иванов 2015].

Библиографический список

Галищева Н. В. 2019. Взаимная торговля России и Индии: основные тенденции и проблемы // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 60–73.

Двадцать лет реформ глазами россиян. М.: Весь мир, 2011. 326 с.

Добролюбов Н. А. 1963. Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.

Жеглова Ю. Г. 2014. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 3. С. 115–122.

Кино Индии: [Очерки] / Будяк Л. М. и др. М.: Искусство, 1988. 288 с.

Моханти А., Иванов А. В. 2015. Союз Индии, России и Китая: от деклараций к реальным проектам // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. № 2. С. 49–59.

Ренар Т. 2011. Внешняя политика ЕС: от диалога о стратегическом партнерстве к реальному стратегическому партнерству // Вестник международных организаций. № 4 (35). С. 92–117.

Россия на рубеже веков / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 2000. 446 с.

Стрижак Ю. Н., Колесников А. С. 2014. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э. Э. Ухтомского // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб.: Институт восточных рукописей РАН. С. 377–394.

Ханна П. 2019. Коннектография. М.: Манн, Иванов и Фербер. 432 с.

Черешнева Л. А. 2016. У истоков индо-советского сближения: документы трех московских встреч 1950 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 21. Вып. 1 (153). С. 89–95.

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. 2010. История Индии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН. 920 с.

Pew Research Centre. Global Attitudes and Trends. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/11/15/india-and-the-world/> (Дата посещения: 28.11.2019).

Rajagopalan S. 2008. Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin. Bloomington: Indiana University Press. 242 p.

Статья поступила 21.04.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук,
профессор Национального исследовательского ядерного университета «МЭИ»
и Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»,
главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Strategic Partnership: Characterizing an Important Political Phenomenon

Andrey L. Andreev

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, National Research Nuclear University MEPhI, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia

E-mail: sympathy_06@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-1692-573X

For citation: Andreev A. L. Strategic partnership: characterizing an important political phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 194–210. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.648

Abstract. This is an article on the phenomenon of strategic partnership, which is understood to be a special type of geopolitical and geo-economic cooperation, which, in the author’s opinion, might become a fundamental element of the current globalized world’s composition in the very near future. A general characteristic is given to the theoretical underpinnings of the issue, which brings us to the fact that there are no concrete definitions for the term “strategic partnership”, as well as no criteria that would allow for separating the scientific perception of the term from its purely decorative application in political discourse. The author insists that each and every specific strategic partnership is developed and sustained based on a unique combination of supporting factors, and as a result the study of such processes requires using the appropriate individualized (ideographical) methods. The article offers an example in the form of analyzing one of the most telling cases of this sort – the genesis and development of strategic partnership relations between Russia and India. This study examines the emergence of “special relations” between the two nations, which have deep historical roots, while analyzing the specific profile of this relationship during the time of British dominion, and looking into the process of establishing contacts between intellectual circles. Considerable focus is dedicated to these relations turning into bilateral political cooperation after India declaring its independence, and to the dynamic of said cooperation. Based on the experience of Russia and India, certain general conditions for building strategic partnerships are formulated. While analyzing the future prospects of the strategic partnership between the Russian Federation and India, the author considers the geopolitical significance of the “Moscow-Deli-Peking” triangle, as well as the potential it bears in terms of transforming Eurasia into a territorial entity tied together by large-scale infrastructural and environmental protection projects.

Keywords: geopolitics, political space, international cooperation, strategic partnership, Russian-Indian relations, Eurasia

References

Chereshneva L.A. At the origins of the Indo-Soviet rapprochement: documents of three Moscow meetings in 1950. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki = Tambov University Bulletin. Humanities*, 2016; vol. 21, 1 (153): 89–95 (In Russ.).

Dobroliubov N.A. A look at the history and current state of the East Indies. *Poln. Sobr. Soch. = Works in six volumes. Vol. 3. Moscow, 1963* (In Russ.).

Galischeva N.V. Mutual trade between Russia and India: main trends and problems. *Rossiysky vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Bulletin*, 2019; 3: 60–73 (In Russ.).

Hanna P. *Connectography*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2019: 432 (In Russ.).

Kino Indii = Cinema of India. Moscow, Iskusstvo, 1988: 288 (In Russ.).

Mokhanti A., Ivanov A.V. Union of India, Russia and China: from declarations to real projects. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Ser. 12. Political Science, 2015: 2: 49–9 (In Russ.).

Rajagopalan S. Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin. Bloomington, Indiana University Press, 2008: 242.

Renar T. EU foreign policy: from dialogue on strategic partnership to real strategic partnership. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy = International Institutions Bulletin, 2011: 4 (35): 92–117 (In Russ.).

Russia at the Turn of the Century. Moscow, ROSSPEN, 2000: 448 (In Russ.).

Pew Research Centre. Global Attitudes and Trends, 2017; nov. 15. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2017/11/15/india-and-the-world/> [accessed 13.05.2020].

Strizhak Y.N., Kolesnikov A.S. Problems of power and politics in the views of Prince E.E. Ukhtomsky. Rozenbergovskiy sbornik: vostokovednye issledovaniya i materialy = Rozenberg's Collection: Oriental Studies and Materials. Saint-Petersburg, IOM RAS, 2014: 377–394 (In Russ.).

Twenty years of reform through the eyes of Russians. Moscow, Ves` mir, 2011: 326 (In Russ.)

Yurlov F.N., Yurlova E.S. The History of India. XX century. Moscow, IO RAS, 2010: 920 (In Russ.).

Zheglova Y.G. Strategic partnership as a format of interstate relations. Problemny analiz I gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie = Problem Analysis and Public Administration Projection, 2014: 3: 115–122 (In Russ.).

The article was submitted on: April 21. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andreev Andrey Leonidovich, Doctor of Philosophical Science, Professor, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, National Research Nuclear University MEPhI, Main researcher Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>